

АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАҒРИХ, БОСТОНШИНОСИ ВА МАРДУМШИНОСИ
БА НОМИ АҲМАДИ Дониш
ОСОРХОНАИ МАРДУМШИНОСИ БА НОМИ М.С.АНДРЕЕВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ ИМ. А. ДОНИША
МУЗЕЙ ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ М.С. АНДРЕЕВА

ФАРҶАНГИ АНЪАНАВИИ ТОҶИКОН ДАР НИГОРАҶОИ ОСОРХОНАҶО

Маводи Конфронси байналмиллатии илмӣ,
бахшида ба 40 –солагии таъсисёбии
Осорхонаи мардумшиносии ба номи М. С. Андреев,
Душанбе 19 ноябри соли 2021

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ТАДЖИКОВ В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ

Материалы Международной конференции,
посвященной 40-летию создания
Музея этнографии им. М. С. Андреева
Душанбе, 19 ноября 2021 года

АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА МАРДУМШИНОСИИ
БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШ
ОСОРХОНАИ МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ М.С.АНДРЕЕВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ ИМ.А. ДОНИША
МУЗЕЙ ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ М.С. АНДРЕЕВА

ФАРҶАНГИ АНЪАНАВИИ ТОҶИҚОН ДАР НИГОРАҶОИ ОСОРҶОНАҶО

Маводи Конфронси байналмилалии илмӣ, баҳшида ба 40 –
солагии таъсисёбии Осорҳонаи мардумшиносии ба номи
М.С.Андреев Душанбе 19 ноябри соли 2021

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ТАДЖИКОВ В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ

Материалы Международной конференции, посвященной 40-
летию создания Музея этнографии и им. М.С. Андреева
Душанбе 19 ноября 2021года

Душанбе:
«Ганчи хирад»,
2023

**ББК-79.1+79.17+26.891+63.3(2точик)92Я2
М-13**

Зери таҳрири / Под редакцией:
доктори илмҳои таърих, профессор Н.К.Убайдулло

Муҳаррир / Редактор:
д.и.н., профессор Додхудоева Лариса

Мурааттиб / Составитель:
Қозизода Шухратджон

Фарҳанги анъанавии тоҷикон дар нигоораҳои осорхонаҳо. Маводи Конфронси байналмилалӣ илмӣ, бахшида ба 40 - солагии таъсисёбии Осорхонаи мардумшиносии ба номи М.С.Андреев, Д., 19 ноябри соли 2021. Душанбе: «Ганҷи хирад», 2023, 176 саҳ.

Бо ташаббуси Шӯъбаи этнология ва антропологияи таърихӣ ва Осорхонаи мардумшиносии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон 19 ноябри соли 2021 дар шаҳри Душанбе конференсияи байналмилалӣ илмӣ ба ифтихори 40-солагии таъсисёбии Осорхонаи мардумшиносии ба номи М.С.Андреев баргузор гардид.

Хадафи асосии баргузор шудани конфронси мазкур баррасии нақши Осорхона ва таҳқиқоти мардумшиносӣ дар рушди илм этнология ва осорхонашиносӣ, таҳлили дастовардҳо ва дурнамои рушди ин самтҳои илм дар Тоҷикистон мебошад.

Традиционная культура таджиков в музейных собраниях. Материалы Международной конференции, посвященной 40-летию создания Музея этнографии им. М.С. Андреева, Душанбе, 19 ноября 2021 года.

По инициативе Отдела этнографии и Музея этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана 19 ноября 2021 года в г. Душанбе состоялась Международная конференция, посвященная 40 – летию создания Музея этнографии им. М.С.Андреева.

Целью конференции является научное исследование и обсуждение проблем этнологии и музееведения в Республики Таджикистан в период независимости, анализ достижений и перспективы развития данных наук.

ISBN 978-99985-937-4-9

©.Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш. 2023

МУНДАРИЧА

Убайдулло Н. К.

Место этнографических исследований в исторической науке Таджикистана 5

Ашурмадова Т., Васитова Н.

История создания и развития музея этнографии им. М.С.Андреева 10

Ольга Ладыгина.

Отражение в экспозициях Музея этнографии им. М.С. Андреева культурного разнообразия Таджикистана 18

Рахимов Н.

Полевые исследования исторического музея Согдийской области (2017-2021 г.) 24

Klagisz M.

The Polish *lajkonik* and the Tajik *aspakbozi*. On a parallel ethnographic phenomenon 36

Эркаев С., Гаффаров Б., Карамалишоев К.

Роль этнографического музея имени М.С.Андреева в изучении истории и культуры таджиков 55

Додыхудоева Л.

Отражение культурного опыта человека в этнолингвистических материалах 61

Иброхимов М.

Роль Санкт-Петербургской Кунсткамеры в изучении традиционной культуры таджиков 70

Қобилова Б.

Создание единого музейного пространства: идеи, замыслы и планы академика Р.М.Масова в Таджикистане 79

Додхудоева Л.

Практика этнографического коллекционирования (фотодокументы этнографического архива Национальной академии наук Таджикистана) 87

Гайбуллоева М.

Политическая и экономическая ситуация средневековой Уструшаны с точки зрения академика Н.Н.Негматова 104

Ҳошимова Ш.

Бонуи хунарманд ва соҳибкор..... 118

Ёғибекова Б.

Саҳми Л. Ф. Моногарова дар омӯзиши либоси тоҷикони Бадахшони Кӯҳӣ 128

Сайфуллоева Ш.

Традиционные игрушки таджиков: традиции и современное состояние..... 136

Юсуфбекова З., Шовалиева М.

А. К. Писарчик - соратник и верный помощник корифея таджикской этнографии..... 143

Саидова Б.

Обряды и обычаи, связанные с народной одеждой таджиков, ее функциональность и гендерные отличия..... 154

Меликиён Э.

Вазъи хунари хушнависӣ ва хушнависиони Бухорои нимаи дувуми асри XIX – оғози асри XX..... 162

МЕСТО ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ТАДЖИКИСТАНА

Убайдулло Насрулло Каримзода

Создание первых научных организаций и учреждений в регионе сыграло важную роль в формировании таджикской национальной исторической школы. В частности, в 1924 г. была создана Таджикская научная комиссия при Народном комиссариате просвещения Узбекской ССР для сбора и обработки материалов по истории, этнографии и литературе таджиков¹. В 1925 г. по предложению Ревкома Таджикской ССР и при поддержке группы известных ученых Среднеазиатского государственного университета, в числе которых были В.В. Бартольд, М.С. Андреев, А.А. Семенов, Х. Корженевский и др., было учреждено «Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами». Это было первое учреждение, созданное для изучения истории и этнографии таджиков, и заложило прочную основу для создания более специализированных центров в будущем. В первый год работы Общество выпустило коллективный сборник «Таджикистан». Статьи академика В.В. Бартольда «Таджики. Исторические очерки» и М.С. Андреева «Этнография таджиков», написанная на основе первоисточников и полевых этнографических наблюдений, стали значительным шагом в истории и культуры таджиков и их роли в истории Центральной Азии.

В 1926 году по инициативе профессора А.А. Семенова Обществом был переведен и опубликован труд Бурхониддинхона Кушкеки «Катаган и Бадахшан» с подробными ком-

¹ Масов Р.М. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. -Душанбе: Дониш,1987.-С.67.

ментариями. Эта работа предоставила читателям и исследователям богатую историческую, географическую и этнографическую информацию о таджиках Хорасана (северный Афганистан). Вместе с тем, через год был издан фундаментальный труд В.В. Бартольда «Иран. Исторический обзор». Научная деятельность Общества в основном велась по двум направлениям - физическим, географическим и экономическим исследованиям, а также историко-филологическим и этнографическим.

В целом за время своей деятельности (1925-1929) усилиями членов Общества было проведено четыре научных экспедиций, опубликовано 14 научных работ в различных областях науки. Деятельность Общества как исследовательского центра вскоре получила признание не только в регионе, но и во всем Советском Союзе и за его пределами. В 1928 году это научное учреждение имело связи с 47 известными зарубежными научными организациями и учреждениями, включая исследовательские центры Индии, Германии, США, Англии, Швеции, Норвегии, Франции и Турции.¹ Выполненные работы Общества не только имели научную ценность, они, прежде всего, имели политический характер и являлись достойным ответом всем приверженцам пантюркизма и других течений.

После преобразования Таджикской АССР в союзную республику появились благоприятные условия для создания научных центров и становления отечественной исторической науки. В 1930 году решением СНК Таджикской ССР было создано первое в республике научное учреждение - Таджикский государственный научно-исследовательский институт (ТГНИИ) в области гуманитарных наук. 9 сентября 1930 года «Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами» целиком вошло в структуру этого института.

¹ Там же.

В области этнографии за десять лет существования ИИЯЛ были проведены интересные исследования и экспедиции. Территория Таджикистана, как естественная лаборатория истории, этнографии и антропологии, привлекала внимание ученых с мировым именем. Так, состоялись этнографические экспедиции Н.А. Кислякова в Ванджскую долину, Е. Пещеревой в Сталинабад и Каратаг (1940), М.С. Андреева в Верхний Пяндж (1943 г.), а в 1948 г. по инициативе М. С. Андреева при институте был создан небольшой этнографический музей. В то же время сотрудники института в эти годы начали изучать этнографию малых этносов, религиозные традиции, ремесла, фольклор.

С самого начала сектор этнографии был единственным научным центром этнологических исследований в стране. А.К. Писарчик была первой заведующей секцией, позже отдел возглавили к.и.н. Н.Н. Ершов (1965-1971), М.А. Хамиджанова (1971-1985), к.и.н. И. Мухиддинов (1985-1990), к.и.н. З. Юсуфбекова (1990-1998), к.и.н. З. Мадамиджонова (1998-2007) и с 2008 г. д.и.н. Л.Н. Додхудоева. В настоящее время отдел называется Отдел этнологии и антропологии.

Этнологические исследования и этнографические экспедиции - одно из направлений деятельности Института. Усилиями этнографов было проведено повсеместное исследование районов республики. Так, в 1952–1957 годах экспедиция под руководством Н.А. Кислякова и А.К. Писарчик была отправлена в Гармский район, бассейн реки Сурхоб и в целом в Каратегинский и Дарвазский районы. Результаты этой экспедиции изложены в трехтомном издании «Таджики Каратегина и Дарваза».

В конце 1950-х гг. этнографы приступили к изучению районов Верхнего Зеравшана - Матчи, Айни и Пенджикента, результаты которого отражены в монографии «Материальная культура таджиков Верхнего Зеравшана». Семейный быт, деятельность и материальная культура жителей бассейна реки

Варзоб исследовала этнограф Р.Л. Неменова, а ремесла Каратага изучил Н.Н. Ершов.

Одно из направлений деятельности отдела – это обработка научного архива М.С. Андреева, располагающего уникальным этнографическим материалом о таджиках. Первый том монографии М.С. Андреева «Таджики долины Хуф», написанной в 1946 году, был издан в 1953 году, а второй том – в 1958 году, благодаря усилиям А.К. Писарчик. Академик Б. Гафуров высоко оценил книгу М. С. Андреева «Таджики долины Хуф», назвав ее одним из фундаментальных исследований советской эпохи.

В 70-80-х годах XX в., а также в период независимости ряд фундаментальных исследований был посвящен традиционному семейному быту таджиков горных районов Центральной части республики, где в зависимости от местности сохранились костюмы таджиков конца XIX – начала XX вв. и народные промыслы населения этого региона.

До 1940-х годов этнографы и археологи, а затем искусствоведы из Москвы, Ленинграда и Ташкента изучали таджикскую художественную культуру и выдающиеся памятники национального искусства. После создания отдела истории искусств, который некоторое время назывался отделом истории культуры и искусств, исследования в этом направлении стали систематическими. Были организованы специальные искусствоведческие экспедиции в разные регионы, включая Памир, Зеравшанскую долину, Нурек, Худжанд, Гарм и Бухарскую область, которые за короткий промежуток времени смогли собрать большой материал по всем видам искусства, в том числе по фольклору, музыкальному искусству, театру и народному танцу. Одной из важнейших задач в этом направлении было изучение древнего искусства таджикского народа на основе музейных материалов Советского Союза. Так, вышли в свет работы «Самаркандский музей тер-

ракоты», «Коропластика Согда», «Атлас короластики Центральной Азии».

В области этнографии специалисты Института проделали большую работу. Наряду с изучением теоретических вопросов этнологии и этногенеза, сбором этнографических материалов, особенно различных образцов народных промыслов разных регионов страны, сотрудники Института исследовали, отредактировали и представили для публикации большое количество архивных материалов по этнографии Хатлона и Горного Бадахшана. Самым значительным достижением в этом направлении является завершение двухтомного труда «Этногенез и этническая история таджикского народа». Ученые Института принимали активное участие в издании совместной книги «Таджики» из серии «Народы и культуры», организованной Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ ИМ. М.С.АНДРЕЕВА

Тутинисо Ашурмадова, Надежда Васитова

Музейное дело Таджикистана насчитывает 90- летнюю историю. До Октябрьской революции на территории современного Таджикистана не существовало ни одного музея. С первых лет создания Советского государства особое внимание было уделено национальному строительству и национальной политике Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики (1918-1924). В первые же послереволюционные годы одной из главных задач стало составление этнографической карты края¹. В связи с этим в 1921 году была образована Комиссия по изучению национального состава России (с 1922 г. СССР). Ей было поручено собрать сведения о расселении таджиков и других народов региона.

В связи с этим были организованы первые советские экспедиции на территории Туркестана. В 1925 г. при содействии Общества Туркестанского комитета охраны памятников страны, революции и искусства была организована научная экспедиция под руководством М.С.Андреева². В результате было собрано много этнографических материалов и экспонатов, которые в последствии были представлены в музейных экспозициях и научных публикациях членов экспедиции. Они стали первыми образцами материальной культуры таджиков в этнографических фондах отдела этнографии и основой музея этнографии.

¹А.К.Писарчик. "Этнографическая наука в Таджикистане" (1920-1990гг), Душанбе, 2002г, стр. 25.

²А.К.Писарчик. "Этнографическая наука в Таджикистане" (1920-1990гг), Душанбе, 2002г, стр. 28.

7 января 1930 г. ЦИК Советов и Совнарком республики Таджикистан выносят постановление №44 «Об участии и охране памятников искусства, старины и природы». В нём оговаривалось создание Отдела республиканского народного комиссариата просвещения по делам музеев и охране памятников природы, старины и искусства.¹ В соответствии с этим в 1931 г. в Таджикистане был создан первый музей.

Учеными, любителями истории и местной культуры, путешественниками начался сбор изделий местных мастеров и материалов о быте таджикского народа. Среди коллекционеров было немало историков и этнографов, которым удалось собрать богатейший этнографический материал. Таким образом, первые шаги были сделаны, дело оставалось за малым - был нужен центр по изучению этнографии. В 1947 году при Институте истории, языка и литературы был создан кабинет этнографии, в котором начали работать великие ученые М.С. Андреев, Н. Н. Кисляков, А.К. Писарчик, Б.Х. Кармышева, Н.Х. Нурджанов, М.Р. Рахимов, З.А. Широкова и др.

С 1948 года кабинет этнографии приступил к разработке большой темы «Сплошное этнографическое обследование Таджикистана». Ввиду того, что в то время одной из наименее изученных регионов в этнографическом отношении была Кулябская область, обследование было начато с нее.²

Этнографические экспедиции, которые организовывались кабинетом, обогащали музейные фонды. Сбор этнографических экспонатов на территории Таджикистана начался в начале XX века, а сам фонд был документально зафиксирован в 40-е годы на основе собранных экспонатов М.С. Андреева³.

¹ А.К. Писарчик "Этнографическая наука в Таджикистане" (1920-1990 гг), Душанбе, -2002 г, стр. 28.

² А.К. Писарчик Кулябская Этнографическая экспедиция//Известия АН ТФ СССР. №15, стр. 36-39.

³ Архив Музея этнографии им. М.С. Андреева, Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ.

В 1948 году в здании нынешнего Института языка и литературы Национальной академии наук Таджикистана было выделено два зала, в которых были представлены этнографические и археологические экспонаты. Первая выставка этнографических и археологических экспонатов была организована в 1951 году. Об этом свидетельствует письмо Р.Л. Неменова И.И.Зарубину: «В этнографической комнате в 4 шкафах и витринах были поставлены предметы быта, одежда, украшение и хозяйственные орудия, которые были собраны за два года этнографических экспедиции в Кулябе и в одном шкафу экспонаты, которые были собраны М.С.Андреевым в Хуфской долине. Всего было выставлено 800 экспонатов».¹ Организованная выставка стала первым шагом в организации этнографического музея Академии наук Таджикистана.

**Этнографический музей Национальной академии наук
Республики Таджикистана**

Кабинетом этнографии Института истории были организованы экспедиции в разные регионы страны, которые содей-

¹ Письмо Р.Л.Неменови И.И.Зарубину//Додхудоева

ствовавали обогащению музейных фондов. При кабинете велась обработка собранных материалов, что было необходимо для сохранения и использования полевых записей. В целом было необходимо создание нескольких специальных отделов хранения: научного архива, фототеки, архива иллюстративного материала, хранилища экспонатов, приобретаемых для будущего музея этнографии.

Таким образом, в первой половине XX века в Таджикистане начал работать этнографический кабинет, целью которого было сплошное этнографическое изучение Таджикистана и сбор экспонатов для музейных фондов. В результате к 1981 году было собрано более 5000 экспонатов, которые послужили основой для открытия отдельного здания этнографического музея.

Музей этнографии имени М.С.Андреева был создан по решению Правительства Республики Таджикистан за №112 от 4 апреля 1979 года, но открытие Музея состоялось в сентябре 1981 года. Поскольку музей распахнул свои двери перед проведением Дней литературы и искусства Узбекистана в Таджикистане, первыми его посетителями стали участники этого данного мероприятия.

Музей продолжил работу по сбору, хранению экспонатов, организации выставочной деятельности. Поскольку он был открыт на первом этаже 9-ти этажного дома по адресу г. Душанбе, проспект Самани, д. 14(720 кв.м.), что не отвечало никаким требованиям, это создало много проблем, касающихся сохранения и показа экспонатов. Экономический кризис в стране и технические аварии, порча имущества привели к тому, что в 2002- 2006 годы музей не работал.

В 2006 году директором Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша академиком Р.М.Масовым было принято решение о переносе этнографических экспонатов в одно из зданий Института по проспекту Академиков Раджабовых, д.9. Таким образом, музей переехал в старое здание,

где раньше трудились сотрудники отдела этнографии. Часть фондов была перенесена в это здание, а часть осталась на старом месте. Однако штат музея значительно сократился, что затрудняло работу музея.

В 2017 году по инициативе Акционерного общества «Фароз» здание по проспекту Самани, д. 9 было капитально отремонтировано и сдано музею. За короткий срок сотрудниками музея была создана выставка, открытие которой было приурочено ко Дню матери. Здесь же разместился новый музей «Выдающиеся женщины Таджикистана» имени Мукаддари Рустамовой, который был открыт 8 марта 2018г.

Одним из главных направлений музея является представление духовной и материальной культуры таджиков и других народов республики. Ежегодно в музее организовывается тематическая выставка, посвященная народному творчеству и истории различных экспедиций. Например, в 2016 году прошла выставка «Чудо гончара», на которой были представлены изделия гончаров и керамистов XIX-XXI веков (более 100 экспонатов). Произведения мастеров Канибадама, Худжанда, Истаравшана, Каратага и других центров Таджикистана поразили посетителей выставки.

В 2019 году в музее была организована выставка «Чакан в художественной культуре таджиков», основой которой послужили, как археологические, так и этнографические материалы. Кушанскому времени (III век) относятся фрагменты ткани, обнаруженные при раскопках могильника «Иттифок» в Фархоре (Хатлонская область) в 1973 году. В женском погребении на остатках одежды сохранилась вышивка. Фрагменты хлопчатобумажной ткани теплого серого цвета украшал один и тот же узор. Из фрагментов удалось воссоздать полную картину узора древнего шитья. Это было «древо жизни» в классическом виде, вышитое латунной проволокой в основных элементах шелком, окрашенным пурпуром, в тончайших веточках. Эти тонкие веточки заканчивались

цветами бобового растения. В верхней части «древо по обеим сторонам были вышиты птицы. Композицию венчали три облачка, вышитые металлической нитью и заполненные мережкой. Фрагмент принадлежал шести «древам жизни», расположенными в ряд на небольшом расстоянии друг от друга. Вышивка скорей всего, украшала подол платья или края головного покрывала¹.

Вышивка из Фархора II-III в.

В 2020 году прошла выставка, посвящённая таджикским ювелирным украшениям. Было выставлено более 300 экспонатов, свидетельствующих о высоком уровне ювелирного дела таджиков. Одним из основных направлений деятельности музея является научно-исследовательская работа, изучение духовной и материальной культуры таджиков и других наро-

¹Г. Майтдинова. История таджикского костюма. Т.1. Душанбе, 2004. Стр-36;

дов Таджикистана. На основе экспонатов музея и собранных этнографических материалов научными сотрудниками музея были опубликованы статьи и прочитаны доклады на различных конференциях. Так, на основе музейных фондов были изданы такие альбомы, как «Альбом одежды таджиков» в 1969г., «Альбом прикладного искусства таджиков», два набора открыток, «Таджикская вышивка» 1979г., «Народное искусство Памира» 2010г., «Народное искусство Таджикистана» 2011г. и др.

В настоящее время готовится к публикации «Альбом национального костюма таджиков», в котором будет представлена богатая коллекция одежды музея.

Музей этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана как культурно просветительский центр занимает особое место в республике. В нем хранятся свыше 11000 экспонатов XVIII-XXI веков. Среди них шедевры керамического, текстильного и ювелирного искусства, изделия кузнечного дела, текстильного, деревообделочного ремесла и других промыслов.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ ИМ. М.С.АНДРЕЕВА

Тутинисо Ашурмадова, Надежда Васиттова

В 1921 году была образована Комиссия по изучению национального состава России (с 1922 г. СССР) и начались первые экспедиции на территории Туркестана. В результате было собран большой объем научных этнографических материалов и множество экспонатов, которые впоследствии были использованы в музейных экспозициях и научных работах членами экспедиции и экспозициях. По решению Правительства Республики Таджикистан за №112 от 4 апреля 1979 года, был создан музей этнографии им. М.С.Андреева. В течение 40 лет он вносит свой вклад в сбор, сохранение произведений народного творчества, изучение и пропаганду культурного наследия таджиков и других народов Таджикистана.

Ключевые слова: музей, экспонат, этнография, экспедиция, выставка, сохранение.

ТАЪРИХИ ТАЪСИС ВА РУШДИ ОСОРХОНАИ МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ М.С.АНДРЕЕВ

Соли 1929 Комиссия барои омӯзиши халқиятҳои ҳайати Россия (с. 1922, СССР) таъсис дода шуд. Ҳамин тариқ, аввалин тадқиқотҳои шуравӣ дар ҳудуди Туркистон оғоз шуд, ки дар натиҷа маводҳои илмӣ мардумшиносӣ, хусусан нигораҳои киммати баланди таърихӣ фарҳанги дошта ҷамъоварӣ гардиданд. Бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳтӣ №112 аз 4 апрели соли 1979, Осорхонаи мардумшиносӣ ба номи М.С.Андреев таъсис дода шуд. Осорхона давоми 40 сол боз дар ҷамъоварӣ, нигоҳдошт ва муаррифии мероси фарҳангии халқи тоҷик саҳми хешро гузоштааст.

Калидвожаҳо: Осорхона, нигора, мардумшиносӣ, экспедиция, намоиш, выставка.

HISTORY OF CREATION AND DEVELOPMENT OF THE M.S. ANDREEV'S ETHNOGRAPHIC MUSEUM

The Commission for the Study of the National Composition of Russia (since 1922 the USSR) was formed in 1921. Thus, the first Soviet expeditions on the territory of Turkestan began. As a result, many scientific ethnographic materials were collected, presented in museum exhibitions and scientific works by members of these expeditions. By decision of the Government of the Republic of Tajikistan No. 112 dated April 4, 1979, the Museum of Ethnography was named after A. M.S. Andreev. During 40 years, it contributes to the collecting, preservation of folk art, the study and promotion of the cultural heritage of the Tajiks and other peoples of Tajikistan.

Key words: museum, exhibit, ethnography, expedition, exhibition, preservation.

Сведения об авторах: Ашурмадова Т.К. - заведующая музеем этнографии, Института истории НАНТ, TEL: +992988956554, E-mail: niso.111980@mail.ru;

Васитова Н.Р.- методист музея этнографии Института истории НАНТ, Tel: +992 935 559 222;

ОТРАЖЕНИЕ В ЭКСПОЗИЦИЯХ МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ ИМ. М.С. АНДРЕЕВА КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ ТАДЖИКИСТАНА

Ольга Ладыгина

Региональная специфика представлена ярко и многообразно в экспозиции музея этнографии им. М.С. Андреева Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной Академии наук Таджикистана. За более чем 60 лет активной собирательской работы музей аккумулировал в своем собрании многие коллекции, привезенные исследователями из научных этнографических экспедиций, представленных в экспозиции, которая включает традиционную культуру таджиков Северного, Южного Таджикистана, Центральных районов Таджикистана и культуру таджиков Памира.

Этнокультурные особенности стали следствием ландшафтно-географической локализации различных частей таджикского этноса. Историческое развитие Согдийской области (север Таджикистана) проходило в тесном контакте с соседними народами. Города здесь издревле были административными центрами, которые обеспечивали контроль над потоком товаров по Великому шелковому пути. По сравнению с другими регионами Таджикистана, он был более зажиточным. Здесь были развиты многочисленные ремесла, в том числе золотошвейное, изготовление атласа и адраса. Поэтому здесь распространенным было использование богатых тканей для пошива одежды и столь же богатое ее убранство, что находит отражение в экспозиции музея.

Если Согдийская область являлась наиболее экономически развитым регионом, то в Кулябе (юг Таджикистана) товаро-денежные отношения, определяющие уровень экономического развития, были развиты слабо. Поэтому задача эстетизации окружающего предметного мира осуществлялась

другим образом - через яркость цветового решения. «Красочность костюма горных таджиков, - пишет И.Л. Белинская, - тяготение к ярким цветам на первый взгляд поражает известной резкостью, так сказать, лобовым решением цветовой задачи. Однако эту яркость и звучность цветов породили местные условия. Яркое солнце, чистый горный воздух, дальние расстояния, с которых чаще всего воспринимается весь костюм в целом,- все это исключает осторожное, излишне приглушенное сочетание цветов, затрудняет восприятия различных полутонов, диктует необходимость простых и лаконичных решений, открытого звучного цвета» [1, 32]. Различия в одежде касаются не только используемых тканей, но и конструктивного решения и ношения одежды, а также вышивки.

Богатством разнообразия отличается вышивка, которая представлена в музее этнографии: сюзанае, борпуш, джоинамоз, руйджи, тубетейки и другие изделия народных умельцев. В музейных предметах содержатся идеи и представления народа о красоте и добре, которые воспринимаются через призму внутреннего мира личности, способствуя приобщению к сложившейся системе ценностей. Так идеал совместного коллективного действия визуализирован в крупных вышивках на сюзанае как результат коллективного творчества.

В Горно-Бадахшанской автономной области сложились свои эстетические представления, связанные с природно-климатическими особенностями. В экспозиции музея представлена одежда из шерсти, украшения из бисера, джурабы, предметы повседневного быта жителей области.

Визуализация культурного разнообразия, представленного в экспозиции, позволяет соприкоснуться с многообразным богатством традиций, эстетическими представлениями населения, проживающего в различных регионах Таджикистана. Формируется положительная установка на восприятие культурных особенностей регионов страны, понимания и

принятия этих особенностей, что является важным для Таджикистана, т.к. ряд исследований свидетельствует о неосведомленности жителей регионов друг о друге. Это приводит к настороженному и даже негативному отношению друг к другу. Согласно проведенным исследованиям среди студенческой молодежи, меньше всего респонденты осведомлены о жителях Горно-Бадахшанской автономной области. Более того распространенным является предвзятое отношение к таджикам Памира [3, 67-68]. Преодоление сложившихся стереотипов восприятия, формирование толерантности как механизма восприятия культурного разнообразия – одна из важнейших задач музея. Региональные различия не являются критическими, репрезентируя принцип единства в многообразии. Динамика развития декоративных форм представлена в экспозиции музея вышивкой. Среди экспонатов яркостью красок выделяются орнаменты южного региона. Композиции кулябских вышивок состоят из мелких розеток, кустиков и деревьев. Розетки перемежаются со стеблями и веточками, что придает орнаменту некоторый динамизм. На эту особенность кулябского орнамента обращала внимание в своем исследовании И.Л. Белинская, отмечая, что кулябские композиции насыщены движением [1, 24]. На другую особенность – отсутствие типичных для Северного Таджикистана больших декоративных вышивок – указывает А.К. Писарчик [4, 92]. Рассматривая вышивки, представленные в экспозиции музея, невозможно найти одинаковые. Поэтому женские праздничные платья производят чарующее впечатление своей радостной и яркой цветочной вышивкой.

Со второй половины XX века в вышивках Куляба, Дарваза, Каратегина можно проследить влияние эстетики северных регионов. Постоянные контакты, связанные с развитием экономики и установлением прочных хозяйственных связей между регионами Таджикистана, порождают культурные заимствования, обогащая культуру.

Так, например, орнамент в виде крупных розеток и кустов, характерный для традиционных вышивок женских праздничных платьев и сюзана северных регионов Таджикистана, появляется теперь в вышивках Каратегина, Дарваза, Куляба. «Это, - пишет О.А. Сухарева, - период ломки границ распространения стилей в прикладном искусстве, период слияния местных традиций в одну общую сокровищницу национальной художественной культуры, период создания ее общенациональных форм, творимых общими усилиями всего народа»[5, 150-151]. Таким образом, визуализация динамики развития традиционных декоративных форм демонстрирует общность в художественных приемах, в элементах орнамента, а также сходство семантики.

На сходство семантики указывает И.Л. Белинская, отмечая, что в декоративно-прикладном искусстве гармских, кулябских и особенно дарвазских таджиков имеет место чрезвычайно большое количество аналогий, а иногда и полных совпадений с искусством Памира [1, 75]. Сходство элементов орнамента, семантики обусловлено природно-климатическими факторами и хозяйственной деятельностью. Ритм жизни дехканаина определяется ритмом сельскохозяйственных работ. Отсюда приверженность к традиционному образу жизни и природная ориентация сознания народа, которая отражена в доминировании растительного орнамента. Среди растительных мотивов самый популярный – розетки. Их можно обнаружить на кулябских платьях, на сузани, расшитых мастерицами Согдийской области. Розетка, составляя основу композиции, символизировала Солнце. Обычно в кулябских вышивках в центре розетки размещали свастические мотивы, характерные для декоративно-прикладного искусства таджиков Памира. Со временем свастические мотивы приобрели растительную трактовку в кулябских вышивках. Ромб (простой, лучистый, с продленными сторонами, с крюками) символизировал Землю, зигзаг - Воду. Таким образом, в орнаментах присутствует символика, соответствующая представлениям

древних земледельцев. В вышивках северного Таджикистана зигзаг интерпретируется как «улучки Бухары», что тоже, несомненно, указывает на особенности хозяйственной деятельности и образа жизни.

Региональное композиционное решение экспозиции в процессе музейной коммуникации позволяет через «опыт личного соприкосновения с реальностью истории и культуры, опыт переживания времени через пространство, содержащее зримые, соразмерные человеку и человеком порожденные ценности»[2, 18-19], осознать, с одной стороны, региональную специфику, с другой, - способствует осознанию богатого культурного наследия, формированию ценностного отношения к нему.

Список использованной литературы:

1.Белинская И.Л. Декоративное искусство горного Таджикистана (текстиль).-Душанбе, 1965.-90, [54] с.

2.Гнедовский М. Б. Музей и образование: Материалы для обсуждения. М.: Наука, 1990.-213с.

3.Ладыгина О.В. Идентичность и ее актуальные формы в современном Таджикистане.-Душанбе: РТСУ, 2017.-127с.

4.Писарчик А.К. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 года //Известия №15. История и этнография: Изд-во таджикского филиала Академии наук СССР, Сталинабад, 1949.-247с.

5. Сухарева О. А. Народное декоративное искусство Советского Узбекистана.-Ташкент, 1954. - 189, [5] с.

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ ТАДЖИКИСТАНА В ЭКСПОЗИЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. М.С. АНДРЕЕВА

Ольга Ладыгина

В статье рассматриваются вопросы, связанные с отражением культурного разнообразия таджиков в экспозициях музея этнографии им. М.С. Андреева Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной Академии наук Таджикистана. На основе проведенных исследований, которые позволили автору выявить культурную специфику регионов Таджикистана, в статье предпринята попытка сопоставить теоретические выводы с этнографическим материалом, представленного в музейных экспозициях. Автор обосновывает положение о том, что музейные экспозиции отражают разнообразие культуры таджикского народа,

создавая привлекательный образ страны как необходимого условия для развития внутреннего и международного туризма.

Ключевые слова: региональные особенности, многообразие культурных форм и традиций, экспозиция, вышивка, орнамент.

ИНЪИКОСИ ГУНОГУНИИ ФАРҲАНГИИ ТОҶИКИСТОН ДАР ЭКСПОЗИТСИЯИ ОСОРХОНАИ МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ М.С. АНДРЕЕВ

Олга Ладигина

Дар мақола масъалаҳои инъикоси гуногунии фарҳангии тоҷикон дар экспозитсияҳои Осорхонаи мардумшиносӣ баррасӣ шудааст. Дар асоси тадқиқот, ки ба муаллиф имкон дод, хусусиятҳои фарҳангии минтақаҳои Тоҷикистонро муайян намояд, дар мақола кӯшиш шудааст, ки ҳулосаҳои назариявиро бо маводи этнографии дар экспозитсияҳои осорхонаҳо пешниҳодшуда муқоиса намояд. Муаллиф чунин пешниҳодро дар бораи он, ки экспозитсияҳои осорхонавӣ гуногунрангии фарҳанги мардуми тоҷикро инъикос намуда, симои ҷолиби кишварро ҳамчун шарти зарурии рушди сайёҳии дохилӣ ва байналмилалӣ ба вуҷуд меоранд, асоснок кардааст.

Калидвожаҳо: вижагиҳои минтақавӣ, гуногунии шаклу анъанаҳои фарҳангӣ, экспозитсия, гулдӯзӣ, ороиш.

REFLECTION OF THE CULTURAL DIVERSITY OF TAJIKISTAN IN THE EXPOSITION OF THE ETHNOGRAPHIC MUSEUM NAMED AFTER M.S. ANDREEV

Olga Ladigina

The article deals with issues related to the reflection of the cultural diversity of Tajiks in the expositions of the Museum of Ethnography named after M.S. Andreev of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Based on the research carried out, which allowed the author to identify the cultural specifics of the regions of Tajikistan, the article attempts to compare theoretical conclusions with the ethnographic material presented in museum expositions. The author substantiates the position that museum expositions reflect the diversity of the culture of the Tajik people, creating an attractive image of the country as a necessary condition for the development of domestic and international tourism.

Keywords: regional features, diversity of cultural forms and traditions, exposition, embroidery, ornament

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ СОГДИЙСКОЙ ОБЛАСТИ
(2017-2021 ГГ.)**

Набиджон Рахимов

Исторический музей Согдийской области (ИМСО) – важный культурно-просветительный и научный центр Худжанда и области, содержащий очень разнообразный по категориям и богатый по объёму материал, отражающий историю и культуру населения области и таджикского народа в целом. Научно-исследовательская работа является одной из определяющих направлений в деятельности Исторического музея Согдийской области. Традиция участия музея и его сотрудников в полевых исследованиях, сбор интересных предметов материальной культуры в разных уголках области, изучение, учёт, систематизация и комплектация находок археологических раскопок, публикация результатов научных исследований сотрудников сложилась с первых лет создания ИМСО. Это направление деятельности ИМСО - участие музея в археологических раскопках на территории области, отражено во многих публикациях [2; 3, 73-87; 4, 104-114; 8, 133-138].

Одним направлением деятельности музея по обогащению фондов являются проведение музеем научных экспедиций и полевых работ. При этом, полученные находки, пройдя научную обработку, пополняют фонды ИМСО. Полевые работы ИМСО в большей степени осуществляются в рамках охранной археологии - сотрудники выезжают на места строек в исторических зонах на территории, как города Худжанда, так и по всей Согдийской области и изучают культурные слои, собирают находки, которые попадают в фонды музея.

Полевые исследования Исторического музея Согдийской области были интенсивными особенно в последние 5 лет. Ра-

боты проводились выездными группами и специально сформированными археологическими отрядами. Так, сотрудники выезжали в несколько районов области для осмотра и изучения местностей, где были обнаружены захоронения в хумах.

Сандагундак. Хумное захоронение. Хумное захоронение обнаружено в селении Сандагундак при проведении земляных работ. В двух местах нивелируемой площади, на склоне холма высотой 10-12 м, были найдены два хума с человеческими костями. Хумы были на глубине 1 м от современной поверхности. Обнаруженные хумы, одинаковые по размерам, имеют яйцевидную форму. Внутри хумов были черепа и другие части скелета [9, 140; 11, 117-122]. Других находок внутри хумов не было. Размеры хумов: высота 1.10 м., диаметр в широкой части - 0.74 м. Судя по условиям расположения и керамике, захоронение датируется VI -VIII вв. н.э.

Весной 2020 г. житель селения Учбог сообщил сотрудникам ИМСО о находке железного наконечника стрелы. Для изучения местности была организована полевая группа. Сотрудники ИМСО выехали в ущелье Куяктол юго-западных склонов хребта Мевагул (Моголтау). В начале 80-х годов XX века данная территория была исследована археологом О.В. Панфиловым. Исследователь тщательно осмотрел соседнее ущелье, где им были зафиксированы несколько пунктов наскальных рисунков [5,432-443; 6, 96]. Но в своих отчётах О.В.Панфилов представил очень краткую информацию о памятниках ущелья Шумтук (Куяктал). Осмотр полевой группой ИМСО территории этого ущелья показал, что эта местность является очень интересным археологическим объектом. В конце ущелья образуется довольно широкая площадь, от которой отходят три боковых ущелья. Здесь много зелени, питающихся влагой расположенного недалеко родника. В центре - большой холм, вокруг 8 курганов с каменными кольцами, то есть все они образуют небольшой могильник сакского времени. На скальных выступах боковых

ущелий отмечены 3 пункта петроглифов. Первый пункт расположен на плоской скальной поверхности западной части середины главного ущелья. Второй пункт расположен недалеко от входа в правое боковое ущелье. Здесь, на скале выбиты 4 козерога. Рисунки выполнены линейным рисунком. Третий пункт рисунков обнаружен в боковом ущелье на боковой скале центральной площадки, рядом с курганами. На скале выбиты 3 рисунка козерогов и один всадник. Рисунки выполнены в так называемом «теневом» стиле. Находящиеся рядом несколько рисунков плохо различимы. Патины тёмная.

Полевые работы сотрудников ИМСО всегда сопровождаются сбором материалов, в частности находок, которые после научной обработки переходят в фонд музея. В конечном счете, полевые исследования становятся формой комплектования фондов музея.

Ежегодно, начиная с 2018 года, ИМСО проводит археологические раскопки в Худжандской крепости. В первый год были проведены очистительные работы, но уже летом 2019 года был организован большой отряд для проведения археологических работ на Арке Худжандской крепости. Для исследований ИМСО пригласил специалистов из кафедры Отечественной истории и археологии Худжандского государственного университета имени академика Б.Г.Гафурова (ХГУ, г.Худжанд).

Раскопки проводились на трёх участках крепости: в большом котловане, у юго-западного угла Арка и на самом Арке крепости.

Самый большой объём работ полевого сезона 2019 года был выполнен в котловане. Здесь верхние слои раскопа, разрушенные при строительных работах, были сняты без учёта находок. Расположен в 30 м от западной стены крепости. Здесь раньше находилось здание казармы. Верхний слой был снят без учёта, т.к. перерыт и многократно переотложен. При

рытье котлована под будущее здание культурные слои были нарушены.

На раскопанной территории были выявлены характерные элементы намечающихся планировочных традиций - не очень чёткие линии стенок жилищ типа землянок, постоянные пристенные очаги, хозяйственные и производственные ямы. Устойчивости в планировке землянок не наблюдается. Иногда отмечены перегородки из пахсы, разделяющие большие землянки на несколько отсеков.

Круг аналогий земляночным жилищам Худжанда довольно широк, что объясняется общими для ряда районов условиями оседания скотоводческих племён. Определённую типологическую близость мы находим в памятниках Северной Ферганы, особенно в Чустском поселении, основным типом жилья которого являлись землянки, заполненные бытовым инвентарём и хозяйственными ямами в полу [10,41-44].

Источник. В западной стене котлована, 3 м к северо-западу от раскопа (зоны зачистки) 1 на глубине 2.6 м от современной дневной поверхности обнаружены камни, образующие понижающую с уклоном на север кладку. На глубине 3.6 м от дневной поверхности ступени смыкаются. Последний камень, соединяющий спуски с двух сторон имеет форму крупного квадратного кирпича размером 46х43х13 см. Таким образом, каменные выкладки образуют в профиле почти равнобедренный треугольник, вершиной вниз. К западу от предпоследней ступени, под небольшим камнем обнаружена чаша кубковидной формы. Таким образом, учитывая всю совокупность расположения камней, их конфигурацию и находки, можно сказать, что здесь был расположен родник, источник воды, которым пользовались местные жители. Исходя от датировки культурного слоя, откуда начинается спуск, материала и форм обнаруженной здесь керамики можно датировать период функционирования родника VI-IV веками до н.э. [7, 23-32].

Другой объект работ 2019 г. - новый шурф, заложенный в южной части западного основания Арка. На глубине 165-170 см. от современной дневной поверхности отмечен культурный слой небольшой толщины, содержащий мелкие фрагменты неглазурованной керамики. В слой были заглублены два хума, горловина которых слегка выступает на поверхности.

Первый хум целый, но заглубленный в слой грунта. Диаметр горловины - 36 см. Венчик заovalенный и слегка отогнутый наружу. Тулово хума шаровидной формы. Высота 1.25 м., диаметр дна хума - 40 см. Диаметр хума в самой широкой части - 90 см. К северу от венчика хума находился плоский камень, играющий роль полки. Рядом найден фрагмент зернотёрки ладьевидной формы. Второй хум меньшего размера расположен рядом. В грунте, окружающим хум были найдены фрагменты керамики, в основном это стенки сосудов, несколько небольших фрагментов тёмно-красного цвета ангобом и лощением. По форме небольших размеров венчиков и тонкостенных чаш можно датировать этот слой IV-III вв. до н.э.

В заполнении, к западу от хума найдены несколько фрагментов керамики более раннего времени. Это фрагменты бело-ангобированой станковой керамики - кувшина и чаш, датируемых VI-IV вв. до н.э.

В связи с этим огромное значение приобретает музеефикация – преобразование недвижимых памятников истории и культуры или природных объектов в объекты музейного показа с целью консервации и сохранения оставшихся комплексов, выявления их ценности, научного исследования и активного включения в современную культуру. Обнаруженная под стеной юго-западной башни Арка цитадели Худжанда часть помещения ахеменидского периода с двумя большими хумами будет превращена в экспонат: намечается перекрыть

объект прозрачным куполом и оставить к нему специальный доступ для туристов.

Раскоп на Арке цитадели. Раскопочными работами в восточной, возвышенной части Арка были вскрыты несколько помещений дворца правителя Худжанда в конце XIX-начале XX вв.

Летом 2020 года был организован новый археологический отряд для проведения исследований на территории Худжандской крепости. Отряд работал с 17 августа до 30 октября 2020 г. Археологические работы 2020 года стали продолжением изучения территории крепости, которое было начато в 2019 году. Основная цель работ 2020 года - определение стратиграфии памятника. Места раскопочных работ были выбраны с учётом проекта реконструкции Худжандской крепости и изучения участков, на которых планируются строительные работы. Археологические раскопки были организованы и проведены на двух объектах Худжандской крепости: раскоп дворца правителей худжанского владения на Арке и разведочный шурф в северной части крепости.

На объектах раскопок отмечены три последовательных ремонтных периодов, когда при сохранении общей планировки дворца, отмечены отдельные перепланировки, пристройки и перегородки на протяжении почти 50-ти лет (1867-1917 гг.).

В полевом сезоне 2021 года сотрудники археологического отряда ИМСО продолжали исследования на объектах предыдущего сезона. Раскопки проводились с 1 августа до 30 сентября. Были получены интересные материалы по планировочной структуре и трём ремонтным периодам функционирования резиденции последнего правителя Худжанда. В шурфе 1/20, начатом в 2020 году, отмечены и изучались ранние культурные слои античного и архаического Худжанда. Здесь был расчищен участок крепостной стены античного периода, под которым обнаружено погребальное сооружение более раннего периода. В раскоп попала западная часть сооружения

возведённого крупноформатными сырцовыми кирпичами, засыпанное камнями. Всё сооружение по краю обложено крупными камнями. ИМСО планирует продолжить раскопочные работы в следующем полевом сезоне.

В ходе работ был получен богатый вещественный материал. Все находки, включающие монеты, металлические изделия и керамика, согласно акту приёма-передачи находок, были переданы в фонд Исторического музея Согдийской области. Среди них следует отметить следующие:

1. Горшок, небольшого размера, лепной. Тулово шаровидное. Невысокое горлышко завершается слегка отогнутым, в разрезе треугольной формы венчиком. Донце почти не выделено. Диаметр венчика - 8.5 см. Диаметр донца - 5.5 см. Высота горшка - 9.5 см. Диаметр тулова в самой широкой части - 13.5 см. Горшок кремо-светлокоричневого цвета.

Место находки: котлован в западной части крепости.

Датировка: Ориентировочно III-V вв.

Местонахождение: ИМСО

2. Кубур с распределителем воды. Керамическая труба. Сохранившаяся длина - 21 см. Диаметр устья - 6 см. Устье закрыто диском с 4-мя отверстиями, с помощью которых можно регулировать струи воды, поток воды и её напор. Диаметр устья несколько больше остальной части. Диаметр в средней части кубура - 5 см. Толщина стенки - 1 см. Кубур красноглиняный, изготовлен из теста хорошей отмучки.

Место находки: котлован в западной части крепости

Датировка: IX-XII вв.

Местонахождение: Фонд ИМСО

3. Коса глазуванная. Изготовлена из теста хорошей отмучки. Венчик имеет заостренный конец. Диаметр венчика - 20 см. Поддон дисковидной формы, слегка вогнутый к центру. Диаметр поддона - 7 см. Высота коса - 7.5 см. Коса покрыта глазурью с обеих сторон. В донной части внутри косы имеется роспись фисташковым цветом на светлом фоне:

двойной круг, внутреннее пространство разделено пятиконечной фигурой на 5 участков, внутри которых эпиграфический орнамент - арабскими буквами написано «Оллох» (немного искажённая надпись). Подражание эпиграфическим орнаментам X-XII вв.

Место находки: раскоп, Арк.

Датировка: XVIII-XIX вв.

Местонахождение: ИМСО.

4. Блюдо глазурованное, фрагмент. Верхняя часть стенки блюда. Толщина стенки 0.5 см. Венчик - продолжение стенки, заovalенный в конце. Снаружи и с внутренней стороны покрыты бесцветной поливой хорошего качества. Растительный орнамент: по внутренней стороне венчика узкая полоса темно-коричневого цвета с каймой по нижнему краю. Изредка узкий трилистик, выполненный той же коричневой краской. По две стороны и внизу трилистика три пятна красной краской. Вероятно, такой рисунок - основной элемент композиции орнамента - был и в трех других частях блюда. По структуре теста, качеству обжига, цветовой гамме орнамента и другим показателям, рассматриваемый фрагмент глазурованного блюда может быть датирован IX- XI вв.[1, 215-228].

Место находки: котлован в западной части крепости

Датировка: IX-XI вв.

Местонахождение: Исторический музей Согдийской области

5. Чашечка, красноглиняная, покрытая плотным красным ангобом. Поддон выделен, вогнутый во внутрь. Венчик - заострён, является продолжением стенки. Диаметр венчика - 11 см. Диаметр дна - 4 см. высота чашечки - 4 см.

Место находки: котлован, случайная находка

Датировка I -III вв. н.э.

Местонахождение: ИМСО.

6. Чираг-светильник, глазурованный. Чираг керамический, покрытый глазурью серого цвета. Состоит из трёх частей: удлиненный носик (открытый в верхней части), резервуар округлой формы и горловина, посаженная на резервуар сверху.

Место находки: арк, раскоп, комната №3. на уровне пола.

Датировка: XIX вв.

Местонахождение: Исторический музей Согдийской области

7. Кувшин. Кувшин хозяйственный, с ручкой. Изготовлен из серо-желтоватой глины. Высокопоставленная горловина и ручка отбиты. Тулово вытянутой формы. Сохранившаяся высота до горловины - 36.5 см. Сохранился небольшой валик между туловом и горловиной. Форма и диаметр венчика неизвестна, т.к. горловина не сохранилась. Поддон плоскодонный, не выделен, диаметр подошвы - 10 см. Покрит жидким ангобом в тон черепка (горчичный тон). Тулово кувшина имеет две полосы орнамента: верхняя полоса - прямо под горловиной, нижняя - под местом крепления ручки на тулово. Обе полосы одинаковые: волнистый (зигзагообразный), выполненный 4-зубчатой гребенчатым инструментом орнамент, заключенный между двумя параллельными линиями.

Место находки: котлован, западная часть крепости.

Датировка: X - XII вв.

Местонахождение: ИМСО.

Среди находок много фрагментов переносных орнаментированных очажков и симобкузача и др. заслуживающих отдельного рассмотрения. В целом, в ходе полевых работ отрядов ИМСО получены весьма интересные материалы по культурным слоям Худжандской крепости разных исторических отрезков от середины VII-V вв. до н.э. и до конца XIX-

начала XX вв. Находки, обнаруженные в ходе раскопок, пополнили фонды Исторического музея Согдийской области.

ЛИТЕРАТУРА:

1.Беляева Т.В. Глазурованная керамика IX-XII вв. из Ходжента//Материальная культура Таджикистана. -Вып.4. -Душанбе: Дониш, 1987. - С.215-228.

2.Марофиев С.Ш. Участие Ленинабадского областного музея в историко-краеведческих исследованиях Северного Таджикистана //МКТ, вып.4. -Душанбе, 1987. - С. 302-309.

3.Марофиев С.Ш., Москаленко Н.А. Архаические находки из Ходжаи Соф//АРТ, вып.21 (1981). -Душанбе, 1988. - С.73-87;

3.Москаленко Н.А. Археологические поступления в Ленинабадский областной историко-краеведческий музей в 1983 г//АРТ. - Вып.23 (1983 г.). -Душанбе, 1991. - С.104-114.

4.Панфилов О.В. Поиски и фиксация наскальных изображений Северного Таджикистана//АРТ. -Вып.19 (1979). -Душанбе: Дониш, 1986. - С.432-443.

5. Панфилов О.В. Исследования петроглифов Моголтау в 1982 г.//АРТ. - Вып.22 (1982 г.). - Душанбе, 1990. - С. 93-102.

6.Рахимов Н.Т., Бободжанова М. К истории водоснабжения Худжандской крепости//Сообщения Исторического музея Согдийской области. Вып.5. -Худжанд, 2019. - С.23-32.

7.Рахимов Н.Т., Хамидов Дж. Археологические работы Худжандского музея (1931-1937)//Ахбороти Осорхонаи миллии Тоҷикистон. Барориши 2. -Душанбе,2017. - С. 133-138.

8.Самойлик П.Т. Новые пункты захоронений на территории Уструшаны//Материалы юбилейных конференций молодых ученых. -Душанбе, 1976. - С.138-142.

9.Спришевский В.И. Чустское поселение эпохи бронзы //КСИИМК, вып.69. 1957. - С.41-44.

10.Турсунов И. Осори мурдадафнкуни дар хум//Ахбори Осорхонаи таърихии вилояти Сугд (Сообщения Исторического музея Согдийской области). -Вып.2. -Худжанд, 2016. - С.117-122.

Петроглифы Моголтау. Ущелье Шумтук. 2020 г. Моголтау. Ущелье Шумтук. Курган сакского времени.

Худжандская крепость. Фрагмент переносного орнаментированного очажка. Худжандская крепость. Находки. Фрагмент хума с тамгой (VII-VIII вв.)

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ СОГДИЙСКОЙ ОБЛАСТИ**
Набиджон Рахимов

В статье отмечается, что научно-исследовательская работа и полевые исследования являются важным направлением деятельности музеев. Автор освещает результаты полевых исследований сотрудников Исторического музея Согдийской области (г.Худжанд) в 2016-2021 годах. Археологические работы предоставили богатый материал по культурным слоям Худжандской крепости. Все находки полевых исследований переданы в фонды Исторического музея Согдийской области. Автор отмечает, что археологические раскопки стало важным путём пополнения коллекций фондов музея.

Ключевые слова: Музей, полевые исследования, захоронения, петроглифы, раскопки, находки, музейные фонды, экспонаты

**FIELD RESEARCH OF THE HISTORICAL
MUSEUM OF SUGHD REGION**
Nabijon Rahimov

The article notes that research and field research is an important area of activity for museums. The author covers the results of field research by employees of the Historical Museum of the Sughd Region (Khujand) in 2016-2021. Archaeological work has provided rich material on the cultural layers of the Khujand fortress. All findings of field research were transferred to the funds of the Historical Museum of the Sughd Region. The author notes that archaeological excavations have become an important way of replenishing the collections of the museum's funds.

Key words: Museum, field research, burials, petroglyphs, excavations, finds, museum funds, exhibits

Сведения об авторе: Набиджон Турдиалиевич Рахимов доктор исторических наук, профессор. Кафедра Отечественной истории и археологии Худжандского государственного университета имени академика Б.Г.Гафурова+992 92 730-51-94: nabir@mail.ru

THE POLISH *LAJKONIK* AND THE TAJIK *ASPAKBOZI*.
ON A PARALLEL ETHNOGRAPHIC PHENOMENON

Klagnisz Mateusz

Reading Andreev's two-volumed *ТаджикидолиныХуф* (1st volume 1953; 2nd volume 1958), edited and published posthumously by Pissarčik, is always a source of inspiration. Leafing through the first part of his *chef-d'oeuvre*, I accidentally came upon a photograph of a man wearing a horseman costume [28:152]. The photograph was labelled: *танецлошади* (dance of the horse). From a short comment I learnt that the dance, named *аспакбозай* (hereafter: *aspakbozī*), represented an actor playing the role of a horse rider: “[т]анец изображает наездника, скачущего на лошади” [28:152],¹ moreover, Andreev took the photograph in 1925 in the village of Roharv, Vanj Region, Badakhshan [28:152 footnote №3].

The actor wearing a horseman-shaped costume is part of a rich history of popular theatrical forms to be found in various regions of the Iranian world [e.g.: 4; 22; 32; 33]. It reminds one of the *lajkonik*, wantonly dancing in mid-June on the streets of Kraków, Poland, as well as a late-December and/or early-January folk ritual rooted in a calendar death-and-resurrection fertility myth popular in various regions of the Slavonic world; the main character is an actor wearing an animal-shaped costume or mask. This character is variously called in Polish: *kobyła* (mare), *kobylka* (little mare), *koń* (horse) or *konik* (little horse), although a dancer could also be disguised as: *bocian* (stork), *koza* (goat), *koziol* (buck), *niedźwiedź* (bear) or *turon* (bull) [1:32-46; 14:277-298; 15].

The very first researcher who drew attention to the Polish-Tajik parallel: *koń* vs. *aspakbozī*, was the Polish ethnographer

¹ “[d]ance portrays a rider galloping on horseback”.

Kazimierz Moszyński (1887–1959). While extensively commenting on the *koń* ritual in his *chef-d'œuvre* entitled *Kultura ludowa Słowian* (1st edition 1929-1939, 2nd 1968-1969, 3rd 2010), he wrote: “[b]ardzo za to często występuje ta maskara [koń] w niemal całej Polsce; znamy ją również z Niemiec, Anglii, południowej Francji, Pirenejów, Balearów, Macedonii, Turcji, Bułgarii i Mołdawii, a w Azji - z Pamiru, Indonezji (wyspa Jawa), Chin i Japonii” [14:295].¹ Apparently, the source of information that allowed him to establish this Polish-Tajik parallel was a passage to be found in *Die Pamirtadschik* (1914) by Arved von Schultz (monography mentioned in Moszyński’s bibliography [14:964]): “[d]er «Pferdereiter», eine Maske, dem «Schimmelreiter» in Deutschland entsprechend. Der Tänzer bindet sich einen Stock vor den Leib und bedeckt ihn mit einem Tuche, welches vorne zugeknötet wird, um den Kopf des Pferdes anzudeuten. Oder es werden besondere Gestelle mit beweglichem geschnitztem Pferdekopf, dessen Ohren aus Leder sind, verwandt (...). Der «Pferdereiter» hüpf und springt zur Musik, und die Hauptsache ist, dass der Gaul viel Prügel erhält. Aber auch gefüttert wird er. Schliesslich stirbt der Gaul vor Ermattung, und sein Besitzer lässt sich durch ein kleines Geschenk trösten” [17:83-4].²

The second researcher who drew attention to the Polish-Tajik parallel: *lajkonik* vs. *aspakbozī*, was an authority in Tajik theatre – Nizom Nurğonov (1923-2017). In his book *Олами беканору*

¹ “[o]n the other hand, this creature [koń] is very common in almost all Poland; we also know it from Germany, England, southern France, the Pyrenees, the Balearic Islands, Macedonia, Turkey, Bulgaria and Moldova, and in Asia – from the Pamirs, Indonesia (Java Island), China and Japan”.

² “[t]he «horse rider», a mask corresponding to the «grey rider» in Germany. The dancer ties a stick in front of his body and covers it with a cloth, which is tied at the front to indicate the horse’s head. Or special frames with a movable carved horse head, the ears of which are made of leather, are used. (...). The «horse rider» hops and jumps to the music, and the main thing is that the horse receives a lot of beatings. But he is also fed. Eventually the horse dies of exhaustion and its owner is comforted by a small gift”.

рақси тоҷик (2004) he wrote: “[а]спакбозӣ дар байни бисёр халқҳо бо намуд, шакл ва нусхаҳо игуногун паҳн гардидааст. Аспакбозӣ хиндуҳо ба рақси ҳамноми мо наздик аст. Дар мордвинҳо аспро ду чавон тасвир мекунанд; яке рост, дигаре ҳам меистад. Иҷрокунандагонро болопӯше бо никоби каллаи асп, ки онро чавони дар пеш истода мепӯшад, пинҳон медорад. Аспакбозии латишҳо, лотовҳо, полякҳо ба худ хос аст” [33:97].¹ Apparently, the source of information that allowed him to establish this parallel was a chapter on the *lajkonik* from a popular-science book entitled *Tradycje i zwyczaje krakowskie* (1961) by Tadeusz Seweryn (monograph mentioned in Nizom Nurğonov’s bibliography [33:327]).

Both of the above-mentioned parallels, i.e.: *koń* vs. *aspakbozī* as well as *lajkonik* vs. *aspakbozī*, can be supplemented with an additional element, i.e. *asb-e čubi* (wooden horse). The *asb-e čubi* is the main character of a dance, popular in some regions of Iran, mostly Sabzevār, Khorasan, connected by some Iranian scholars to the Medieval Sarbedar movement [e.g.: 21; 24; 25; 26]. Other, non-Iranian and non-Slavic examples clearly indicate that one is dealing here with a universal, parallel ethnographic phenomenon observed worldwide and referred to by folklorist as the hobby horse [e.g.: 8:136-177]. The hobby horse is involved with traditional seasonal customs and processions, but one can hardly claim common roots of *koń* and *lajkonik* vs. *aspakbozī*, even if *koń* and *lajkonik* derive from the same pre-Christian popular Slavonic tradition. Nevertheless, representing the same phenomenological tradition, *koń* and *lajkonik* could better elucidate the roots of *aspakbozī* and *vice versa*.

¹ “[t]he *aspakbozī* dance is widespread among many peoples in many different forms, shapes and versions. The Indian *aspakbozī* is close to our eponymous dance. Among the Mordvins the horse is played by two young men; one is standing, the other is leaning forward. The performers are hidden by a cloak with a mask of a horse’s head, which is worn by a young man standing in front. The Latvian, Lithuanian and Polish *aspakbozī* dances are unique”.

All translations from German, Persian, Polish, Russian and Tajik made by Mateusz M.P. Kłagisz.

Lajkonik. *Lajkonik* is the main protagonist of a popular urban festival held annually in Kraków in mid-June, on the first Thursday after the Solemnity of the Most Holy Body and Blood of Christ (hereafter: Corpus Christi) [5; 8:20–30; 9:301–307; 16:3–26; 18:59–70]. As expected the actor who plays the *lajkonik* role, dons a pseudo-oriental costume resembling Tatar attire, and moves on a wooden horse attached around his belt. Once a year, he travels the same traditional, several kilometre-long route from the Zwierzyniec District to the Main Market Square accompanied by, *inter alia*, a group of bargemen (*włóczkowie*) and musicians (*mlaskoty*).

The bargemen, who were, *inter alia*, floating wood for two salt mines in the vicinity of Kraków (Bochnia and Wieliczka), for a long time actively took part in the Corpus Christi procession organised by the nuns belonging to the Order of Canons Regular of Prémontré (hereafter: the Norbertines) and representing the Church of the Holy Saviour in Zwierzyniec. Over the years their participation during the Corpus Christi procession apparently changed this religious festival's nature more toward merriment and revelry. Hence at the end of the 18th c. the Bishop of Kraków, Józef Olechowski (1735–1809), banned them from entering the Main Market Square. From then on, the *lajkonik* ended his parade in front of the Bishop's Palace and reappeared on the Main Market Square only in the middle of the 19th c. Initially, the organisation of the *lajkonik*'s parade was (co-)financed by the Norbertines, but in the second half of the 19th c. it was the Kraków magistrate that took responsibility for this task. The town authorities also regulated a number of rules related to the parade itself.

The all-day programme compiled in the 19th c. looked as follows: on Thursday, eight days after Corpus Christi, around

noon, a colourful retinue of the *lajkonik*, bargemen and musicians gathered in the courtyard of the Norbertines' convent in Zwierzyniec. The parade towards the Main Market Square begins with the *lajkonik*'s first dance which was performed in front of the Mother Superior of the Norbertines who was watching it out the window. She was also the first person to pay the *lajkonik* the usual tribute which, in common understanding, was a ransom paid to the Tatar horde that could possibly attack the town. Having finished his first dance and being paid the tribute, the *lajkonik* moved together with his retinue down the same route every year, i.e. along Kościuszki, Zwierzyniecka, Franciszkańska and Grodzka Streets. Among the various melodies played along the way, there was the song: "Hej! Na krakowskim rynku / maki i powoje, maki i powoje / Chłopcy i dziewczęta malowane stroje / Nasz lajkonik, ten lajkonik, / po Krakowie ciągle goni, / Lajkoniku laj, laj, poprzez cały kraj, kraj, / Lajkoniku laj, laj, poprzez cały kraj. / Hej! Na krakowskim rynku / gołębie zleciały, gołębie zleciały / Słysząc jak tam grają mariackie hejnały / Hej! Na krakowskim rynku / kręcą się górale, kręcą się górale / Sprzedają serdaki, kupują korale / Hej! nasz kochany Kraków / z Wawelu wyżyny, z Wawelu wyżyny / Z daleka spogląda na polskie krainy".¹

Heading toward the Main Market Square, the *lajkonik* visited the nearby shops and stopped passers-by. He was dancing all around, lightly hitting the gathered crowd with his baton (*buława*) and taking his tribute. In the late afternoon, he reached the final destination and performed the last dance next to the Town Hall Tower, this time in front of the Mayor of Kraków who also paid

¹ "Hey! On the Kraków Main Market Square / Papaver and convolvulus, papaver and convolvulus / Boys and girls, coloured outfits / Our *lajkonik*, this *lajkonik* / is still chasing around Kraków / Hey, *lajkonik*, lay, lay, across the country, across the country / Hey, *lajkonik*, lay, lay, across the country. / Hey! On the Kraków Main Market Square / Pigeons came down, pigeons came down / One can hear how St. Mary's Trumpet Call is played / Hey! On the Krakow Market Square / Highlanders are spinning, highlanders are spinning / They are selling jerkins, they are buying corals / Hey! Our beloved Kraków / From the Wavel Hill, from the Wavel Hill / From afar it looks at Polish lands".

him the due tribute, thus saving the city from the wrath of the invading Tatars and their hordes. The most important element of the dance was called banner waving (*zawijanie chorągwią*). The ensign ran around with a banner, while the *lajkonik* chased after him, trying to hit the eagle found on the banner with the baton. At the end of the parade, the *lajkonik* would raise his glass to toast to the prosperity of Kraków [9:301–307; 16:14–18]. It is worth noting here that, unlike the *aspakbozī* dance [33:92–96], the *lajkonik*'s dance is not regulated by any norms or rules and is very much the actor's creative invention.

The *lajkonik*'s contemporary attire was designed in 1904 by the Polish playwright, graphic artist, painter and poet Stanisław Wyspiański (1869–1907). It consists of a Turkish-style caftan with wide sleeves, a red robe trimmed with gold threads and fringes, a pair of red trousers and a pair of red leather boots. The *lajkonik* wears on his head a high, patterned turban topped with a metal crescent and studded with beads and beads. His costume is complemented by a yatagan, i.e. a short Turkish sabre with a curved blade and a decorated hilt [16:12; 19:255]. In the case of the horse costume there is a maroon saddle pad, the decorations of which resemble those known from eastern carpets, mostly Persian and Turkish. It is also hemmed with bells and crescent moons. The horse's neck is covered with a decorative breastplate with three golden rings; the head, to which the reins are attached, has a plume made of white ostrich feathers. The costumes of the bargemen and musicians were designed only in the 1950s and changed in the 1990s according to the design of the Polish art historian as well as theatre and television set designer, Krystyna Zachwatowicz (1930). These are traditional Kraków folk costumes styled in the Tatar style [16:12–13].

Since we owe several detailed descriptions of the *aspakbozī* to, *inter alia*, Fayzulla Karomatov and Nizom Nurǵonov [29:34–36; 32:99–100; 33:89–100], here I present only a short survey.

The *aspakbozī*, once popular in various regions of the Tajik world, like Bukhara, Darvoz and the Pamir, was aboriginally performed on the occasion of the New Year (Navrūz) or weddings – this is quite important information, especially as it highlights the connection between this dance and fertility magic (more on that below). Today, it is performed, however, during virtually most public and mass events, apparently due to its eminently theatrical, especially comedic, nature. Being a dance, the *aspakbozī* is usually accompanied by the *rapo* melody. The reason for this is that the simplicity and expressive emotionality of the *rapo* allow it to be used as musical accompaniment, not only in pantomimes, but also in many other types of performances, especially dance routines [29:34].

The main protagonist of the *aspakbozī* is an actor who dons a horse-shaped costume. Its wooden head and neck are usually both painted in black, but sometimes a white spot on the forehead and a black one on the nose is made so that the whole effigy looks more natural. Its neck is covered with a large, mostly patterned, kerchief with fringes and with a few smaller scarfs. Additionally, a belt with tiny bells that ring during the dance is put around the neck. The horse's eyes are made of (colourful) glass, while its ears are leather and the mane, horsehair. To two rings tacked on both sides of the red-painted muzzle, a leather bridle is attached that helps the dancer to control the wooden horse character. The horse's flank is a wooden frame in the shape of the letter 'U' and the head is connected to a rod clipping the construction at the front. The entire frame is covered with a coverlet, usually a large piece of red fabric. The dancer's costume consists of a white shirt, a pair of white trousers and a black vest. He also wears a turban on his head and shoes with soft soles on his feet [29:34–35].

The second protagonist is the stableman (*mupoxyp, cauc*), who usually dons everyday attire, i.e. *khalat* [33:35].

Nizom Nurğonov has bequeathed to us two basic scenarios of the *aspakbozī*. The former has been recorded in Kulab, Southern

Tajikistan. The latter in Badakhshan, South Eastern Tajikistan [32:99–100; 33:92–94].

According to the Kulab scenario, the *aspakbozī* images playing with a horse. It starts with the stableman's encouragement: “[a]нанигаҳ кун, и аспи мунчова хушрубозӣ кунаме” [33:92].¹ As the researcher explained, the dancer ties a scarf on his forehead, wears a thin *khalat* (челак) and in one hand holds a whip while in the other a bridle [32:100]. He starts his dance with some smooth movements, but later pulls the horse's head, turning it right and left. He turns in one place or in a circle. Sometimes he holds the bridle in his teeth and wags his hands gently. From time to time, he approaches the viewers, pretending to trample them. In such a situation, the stableman shouts to the horse rider: “[a]спасоз бѣкан, ки кадумера назана” [32:100], “[a]спасоз бикап, ки кадумара назана” [33:92].² The horse rider hence steers the horse in a different direction [32:100].

Sometimes the *aspakbozī* images a galloping horse rider (човандоз) who plays a game of buzkashi. In such a case, an object is laid on the ground, e.g. a *tubeteika*, a handkerchief etc. which represents the headless carcass of a goat used in the actual game. Often it is the host in whose house the wedding or other celebration takes place that provides this item. The horse rider dances in a circle, approaches the object, bends down and tries to pick it up; the horse, however, is wayward and prevents him from doing so. For this the horse rider angrily whips the animal. This sort of raillery between the human and the animal is repeated several times until the horse rider finally manages to lift the carcass. As proof of his success, he trots two or three times around the spectators [32:100].

According to the latter, the Badakhshan scenario, the *aspakbozī* represents the shenanigans of a mischievous horse that breaks off the rope and begins to dance. The animal is followed by the

¹ “[h]ey, look, I'm goin' to play with my horse”.

² “[d]on't let your horse to kick someone”.

stableman who, holding a handful of barley, tries to force it to return to the stable. The horse, however, does not pay any heed and instead starts playing with him. The stableman thus takes a handkerchief as he wants to pet the horse and clean the animal, but he does not dare to do so because the horse can behave unpredictably. The stableman then approaches the horse, backs up, again approaches it and steps back as the horse keeps kicking him. This simple scenario is of an extremely comedic nature as the dance of the horse and the stableman are complemented with funny scenes of a pantomime character. Some performers generally stick to the traditional scenario but some develop the action further, introducing additional details. In the finale of the *aspakbozī*, the horse appears in front of the house where a wedding is taking place. The dancer then suggests that the animal should be given a gift: “[a]нааспаки мо монда шудаџт, рохи дароз рафтаџт, лоғар шудаџт, коху чав неџт. Барои харид пул надорем, имшаб ме(х)монї шудем” [29:35; 33:93].¹ Having received a suitable gift, the actor does another dance and then again turns to someone else using the same phrase. If the performance goes on for a long time, the stableman usually steps aside and the lead performer dances enthusiastically to the music at an accelerated pace. At the end, he returns to the slow pace at which the dance started [29:35].

As one can see, the actors taking part in the *aspakbozī* performance simultaneously create three different characters: (1) a horse rider who moves lightly, quickly and playfully; (2) a horse that is lively and playful; and finally (3) a cheerful stableman who encourages the former two characters to dance [33:96].

Importantly, as regards the *aspakbozī*, the dance and acting were often passed from generation to generation [33:89-90]. Something like that cannot be said about the *lajkonik*. The position of the head of the musicians is the only one that is passed

¹ “[h]ey, our horse got tired, has come a long way, became belly-pinched as there’s no hay. We’ve no cash to buy it, we’ll be guests here tonight”.

from generation to generation; today's leader, Andrzej Mazur, took over this role from his father, Stanisław, and he from his father, Albin [16:18].

As mentioned in the introduction, the Tajik the *aspakbozi* recalls the Kraków *lajkonik*. Simultaneously, the Kraków *lajkonik* brings to mind a Slavonic late-December and/or early-January folk ritual rooted in a calendar death-and-resurrection fertility myth, the main character of which is an actor wearing an animal-shaped costume or mask. This popular custom, usually named as *Chodzenie z koniem* (*Walking with a horse*), was observed during either the post-Christmas Eve period (if so, the horse was a member of the group of carollers) or during the Shrovetide (if so it was accompanied by boys) [1:32–44; 2:135–137; 14:272–298].

The general scenario of *Chodzenie z koniem* features the death and the miraculous resurrection of the main animal character. We owe one specific scenario to Józef Węclawik who recorded it in eastern Poland in 1975 [20:194–197]. The main characters of this performance are: (i) Daddy (Tatulu) wearing tatters and a straw hat on his head, (ii) Sonny (Synulu) dressed like Daddy, (iii) the Head of the village (Sołtys) having a thick moustache and wearing a green uniform as well as a pair of black shoes, and, finally, (iv) the Horseman (Jeździec) clothed in a horse-shaped costume and holding in his hand the reins attached to the horse's bridle and head. As recorded, the performance usually began with the greetings of the hosts. Later, other greetings were recited and all the household members, especially young girls. The main point of the performance was Tatulu's sudden death and miraculous resurrection that represented the old cycle of vegetation – its ending with the old year and opening with the new. Furthermore, the motif of the simulated death and resurrection of the animal character found in the *Chodzenie z koniem* spectacle has its counterpart in the Russian and Ukrainian pantomime *Кострома* and *Кострыб* respectively [e.g.: 27; 30; 31].

After Christmas Eve, the actor disguised as a horse (eventually a buck, a goat or another animal) visited his companions' houses, cheerfully running and dancing around the room and performing various gestures recognised by ethnographers as having a ritualistic nature [14:295]. He was, *inter alia*, gently hitting the household members with a stick that he was holding in his hand – such a stick was the equivalent of the *lajkonik*'s baton. In this manner, he was supposed to pass to them the attributes of the animal he represented, i.e. vital forces as well as good health. Since the *koń* also represented the magic of vegetation, the disguised actor was supposed to stimulate nature to sprout in the spring and provide the host with a good harvest in the summer. During performances, various short songs were performed, *inter alia*, such as: “[h]ulaj, hulaj koniku / Po zielonym gaiku / Gdzie nasz konik chodzi / Tam się żytko rodzi / Gdzie nasz konik nie chodzi / Tam się żytko nie rodzi” [6:8].¹ This short song has several regional versions, e.g.: “Dzie koza chodzi, / Tam żytko rodzi. / U – ha, a ha – ha! / Koza nieboha. / A dzie jej tropy, / Tam stawio kopy. / U – ha, a ha – ha! / Koza nieboha. / Dzie zedrze nogi, / Tam stawio brogi. / U – ha, a ha – ha! / Koza nieboha” [7:86],² “Gdzie turoń chodzi / Tam się żytko rodzi / Gdzie jego stopy / Tam będą kopy” [7:86],³ or: “Tańcuj kozuniu, tańcuj nieboże, niech ci Pan Bóg dopomoże / Tańcuj kozuniu, tańcuj nieboże, zarobim sobie pięciozłotorze / Pięciozłotorze to nic nie znaczy, niech sobie koza troszkę poskacze / Gdzie koza stąpnie nogą, tam żytko wyrośnie kopą / Gdzie uderzy rogiem, tam pszenica wyrośnie stogiem / Gdzie koza nie bywa, tam zboże się

¹ “Run, run the little horse / In a green grove. / Where our horse walks / Rye sprouts / Where our horse does not walk / Rye doesn't sprout”.

² “[w]here the goat goes, / [t]here rye sprouts. / Uh – ha, ah ha – ha! / Poor goat. / And where's its tracks, / There it makes shifts. / Uh – ha, ah ha – ha! / Poor goat. / Where it strains its legs, / There it builds a hay barrack. / Uh – ha, ah ha – ha! / Poor goat”.

³ “[w]here the bull goes / There rye sprouts. / Where it places its hooves, / There'll be shifts”.

nie rodzi / Szła koza pomiędzy wioskami, przewróciła się do góry
nogami / Tyc koza tyc nie bójże się nic, zarobim pieniążki -
będziem wódkę pić” [15:221];¹ more examples are provided by
Moszyński [14:279–280].

As can be seen, all the above-quoted versions visibly highlight relations between the animal (a goat or a horse) and the vital forces strengthening the vegetation of plants during the new approaching agricultural season. One should not forget that in Iranian mythology, the prosperity of the vegetation cycle is guaranteed by Tištrya, who fights the drought demon Apaoša. They are both imagined as horses – Tištrya as a white stallion, Apaoša as a black one. As one can read in *Yašt VIII*, it is Tištrya who, having jumped right into the waves (white mares) of the cosmic Vourukaša sea, guarantees rainfall [23:333–337]. Putting on a horse costume and imitating its behaviour, which was practiced in the period preceding the new agricultural season, or during such a season, was hence to stimulate nature and provide the peasant with good harvest yields [18:67]. It is not surprising that the reward for the performance of the *koń* and its companions was provided by the host who donated some gifts to them. Such gifts should be understood as equivalent to the tribute paid to the *lajkonik*. The essence of the custom was, apparently, the exchange of the *do ut des* (I give that you would also give) ritual, i.e. a ritual that enforces the cyclical exchange between humans and deity, conditioning consequently their (future) success and prosperity [13].

It is worth recalling that the symbolism of the horse itself is also clearly related to the opposition of life, i.e. death. As we know, among the Bakhtiars living in western Iran, the horse can

¹ “[d]ance my goat, dance my poor fellow, let God help you. / Dance my goat, dance my poor fellow, we’ll earn five zlotys. / Five zlotys, it means nothing, let the goat jump, leap, hup. / Where the goat puts its leg, there rye amply sprouts. / Where it beats with the horn, there wheat amply sprouts. / Where the goat doesn’t go, there no grain sprouts. / The goat was passing between villages, it turned upside down. / Ey, goat, don’t be afraid, we’ll get some cash — we’ll drink some vodka”.

act during a funeral as a psychopomp, responsible for escorting a newly deceased soul from earth to the afterlife [3:84-86]. The double symbolism of the horse - highlighting its relation to life and death - is also noted by Nizom Nurġonov [33:97-98].

When considering the sources of the *lajkonik* tradition, it is worth paying attention to the fact that the *aspakbozī* dance was once performed mainly on the occasion of the New Year (Navrūz) or weddings. In both of these cases, one can also speak of its magical effect. After all, the New Year (Navrūz) coincides with the beginning of spring, and thus the beginning of a new growing season. The task of the peasant was therefore to carry out such rituals that would ensure the prosperity of the forces of nature. In this situation, we are talking about magic forces ensuring successful harvests. When it comes to a wedding, magical rituals are to provide the newly-wed young couple with numerous offspring. After all, the wedding itself also represents a borderline, i.e. liminal, phenomenon.

The stimulating aspect of the equine symbolism also was indicated by Nurġonov, who wrote: “[д]арурфу одатҳои тӯи тоҷикони Қаратоғ, Файзобод ва дигар ноҳияҳои водии Ҳисор лаҳзаҳои масҳараомези театрикунонидашуда «Аспакбозӣ» ё «Кампири аспсувор» ворид гардида буд. Онро бо тантана дар охири тӯй, хангоми “чодарканон” ва танҳо ҳузури занон ташкил менамуданд. Чодари кандашударо аз болои болишт печонда аспро тасвир мекарданд. Зани кӯхансоли серфарзанд болои он нишаста ресмоне (гӯё лаҷом) ва гӯё камчин (шоҳчаи чуфтаки дарахти мевадор, одатан гелос)-ро медошт. Кампири дуном «асп»-ро аз қафо дошта бо ҳамон хел шоҳча онро рӯи хона медавонд ва мегуфт: «Шаху арӯс қанҷиғ сувор», «мо аспсувор». Ҳозирон механданд, хӯчаинҳои тӯй ба тариқи тӯхфа рӯймоле мепартоянд, ба онҳо ширинӣ, танга мепоянд. Сипас болои асп зани ҳомиладор менишинад, аз сари ӯ низ

чунин тӯҳфаҳо мепошанд” [33:98].¹ This wedding custom hasane minently procreative nature. Firstly, its actresses are two categories of women – the older ones, (widely) respected for the numerous offspring they have given birth to, and the younger one, who will soon give birth to her own child becoming thus a perfect symbol of motherhood. Secondly, it is a custom whose recipients are only women as its expected magical effect is to transfer the fertility of both categories of women to the newly-wed bride so that she also has children. The horse becomes a specific carrier of this energy.

Moreover, dance is also a carrier of this energy: “[p]аксҳои мисли пантомимаҳои тасвири ҳайвонот эҳтимол як вақтҳо аз ҳамин майлу рағбати иҷрокунандагони онҳо нисбати ҳаёти хоҷагии одамон сар зада бошад. Чунин рақсу пантомимаҳо мисли расму русум, маросимҳо, идҳои бостонӣ бо парастии хосилхезии замин, олами наботот ва ҳайвонот алоқаманд буданд.

Муносибати эҳтироморона ба ин ва ё он ҳайвоне эъзози он аз парастии қадими ҳайвонот сар зада аст, ки умуман ба инсонии ибтидоии давраи муайяни инкишофи ҷамъият хос аст” [33:98-99].² This is, of course, due to the fact that dances

¹ “[t]he wedding customs of the Tajiks living in Karatog, Fayzobod and other settlements in the Hissar Valley were completed with funny theatrical scenes «*aspakbozī*» or «*kampiri aspsuvor*». They were played at the end of the wedding, during the «*čadorkanon*» ceremony and only in the presence of women. A torn veil was reeled on the pillow to represent the horse. An elderly woman, who had many children, sat on it [on the horse] and held a rope (as a bridle) and a whip (a pair of twigs from a fruit tree, most often a cherry). The second old woman took the «horse» from behind and with the same twig walked around the house saying: «The bride and the groom are riding on a nasty woman», «We are horse riding». The rest of the guests laugh, the hosts throw a handkerchief as a gift, sprinkle them with sweets and coins. Then a pregnant woman sits on the horse, and her head is sprinkled with similar gifts”.

² “[d]ances, like the pantomime, portraying animals could once arouse among performers the same interest in human life. Such dances and pantomimes as rituals, ceremonies and ancient festivals were associated with the cult of fertility, of flora and fauna. Respect for this or that animal stems from its ancient cult, which is

imitating animal behaviour not only reflect the relationship between man and nature, but also come from distant customs and beliefs. Amongst the Tajiks, various animal breeding techniques have been passed down over the centuries, and, consequently, a whole range of habits and beliefs associated with almost all domestic animals have developed. Similar processes can be observed among Poles.

The presented report does not elucidate the whole topic of our interest. A number of questions have only been outlined. Further research on the phenomenological relationship between both dances, i.e. lajkonik vs. aspakbozī, requires in-depth studies of their history, primarily on the basis of factual material; in the case of the oral tradition, this is far from a simple task. The problem still waiting to be addressed is the possible genetic link between the Tajik aspakbozī and the Iranian asb-e čubi. Can one really speak about such a relationship, or maybe both phenomena have nothing to do with each other?

BIBLIOGRAPHY:

1. Baraniuk T., *Prześmiewanie świata. O przebierańcach zapustnych na północno-zachodnim Mazowszu*, Warszawa, 1999.
2. Ciołek T.M., Olędzki J., Zadrożyńska A., *Wyrzeczyisko. O świętowaniu w Polsce*, Warszawa, 1976.
3. Demant Mortensen I., *Luristan Pictorial Tombstones. Studies in Nomadic Cemeteries from Northern Luristan, Iran*, Leuven-Paris-Walpole, 2010.
4. Floor W., *The History of Theater in Iran*, Washington, 2005.
5. Gawelka F., *Lajkonik jako zabytek średniowieczny//Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akademii Umiejętności w Krakowie* 21(10), 1916: 4-16.
6. Głogulski Z., *Pieśni ludu*, Kraków. 1892.
7. Goduła R., *Od Mikołaja do Trzech Króli. O roli daru w obrzędzie*, Kraków. 1994.
8. Klimek Ł. (ed.), *Świat Lajkonika. Konik na świecie*, Kraków. 2014.
9. Kolberg O., *Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce* V, Kraków 1871.
10. Kopalniński W., *Słownik mitów i tradycji kultury*, Warszawa, 1985.

generally characteristic of the primitive man from a certain period in the development of society”.

11. Krzyżanowski J., Lajkonik, [in:] Słownik folkloru polskiego, Kraków, 1965.
12. Majeranowski K., Konik, [in:] Pszczółka Krakowska, 47(3), 1820: 195.
13. Mauss M., Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques, [in:] L'Année Sociologique 1, 1923-1924: 30-186.
14. Moszyński K., Kultura ludowa Słowian II(2), Warszawa, 1968-1969.
15. Nowak J., Zespoły kołędnicze z kozą i z koniem na tomaszowskim pograniczu polsko-ukraińskim, [in:] Studia Etnologiczne i Antropologiczne 7, 2003: 217-230.
16. Olszewski Ł., Lajkonik: legenda i tradycja, Kraków, 2009.
17. von Schultz A., Die Pamirtadschik, Giessen, 1914.
18. Seweryn T., Tradycje i zwyczaje krakowskie, Kraków, 1961.
19. Stachowski S., Słownik historyczno-etymologiczny turcyzmów w języku polskim, 2014.
20. Węclawik J., Widowisko z konikiem, [in:] Bartmiński J. (ed.), Kołędowanie na Lubelszczyźnie, Wrocław, 1986: 191-197.

In Persian:

21. Askari M., Taqizāde M.S., Hāḡilu M., Barresi-vo tahlil-e āyin-e namādin-e asb-e čubi: āyin-i bazmi va razm-i dar nehzat-e sabetdarān, [in:] Tasnimi A. (ed.), Nāme-ye pārsāyi-vo āzādi. Maḡmu'e-ye maqālāt-e hamāyeš-e elmi-ye kongre-ye beynolmelali-ye sarbedarān be monāsebat-e haftsadomin sālgard-e nehzat-e sarbedarān, Tehrān 1394hš: 749-769.
22. Beyzā'i B., Namāyeš dar irān, Tehrān 1383hš(2004/2005).
23. Dustxāh Ğ., Avestā. Kohantarin sorudhā-ye irāniyān I, Tehrān, 1383hš.
24. Kāregari H., Dar bare-ye asb-e čubi, [in:] Te'ātr 9-10, 1369hš: 268-277.
25. Moxtāriyān B., Vā'ez-Šuštari T., Tahlil-e sāxtāri-ye āyinhā-ye asb-e čubi va kuse ba nešin dar Irān va peyvand-e ān bā āyinhā-ye farhang-e hend-o orupāyi, [w:] Pažuhešhā-ye Ensānšenāsi-ye Irān, 7(2), 1396: 93-115.
26. Saḡḡādi S.M., Tahlil-e āyin-e namāyeši-ye asb-e čubi va barresi-ye manša'-e ān, [w:] Domāhnāme-ye farhang-o adabiyāt-e āmme, 7(26), 1398: 81-100.

In Russian:

27. Агапкина Т.А., Кострома, Коструб, [in:] Тослтой Н.И. (ed.), Славянские древности II, Москва. 1999, 633-635.
28. Андреев М.С., Таджики долины Хуф I, Сталинабад, 1953.
29. Кароматов Ф.М., Нурджанов Н.Х., Музыкальное искусство Памира II, Бишкек, 2010.
30. Корепова К.Е., Белоус Т.И., Обряды Проводов весны в быту современной деревни (По материалам горьковской области), [in:] Советская этнография 4, 1985, 88-95.

31.Л. Кулаковский, У истоков русской народной музыкальной культуры. Очерк второй: Брянский хороводный спектакль «Кострома», [in:] Музыкальная академия 12(85), 1940, 87-93.

32.НурджановН., Таджикскийнародныйтеатр, Москва, 1956. InTajik.

33.Нурчонов Н. Олами беканори ракси точик, Душанбе, 2004.

THE POLISH LAJKONIK AND THE TAJIK ASPAKBOZĪ: A PARALLEL ETHNOGRAPHIC PHENOMENON

Mateusz M.P. Klagisz

In the article author present preliminary conclusions regarding phenomenological parallels between two popular dances: the Polish *lajkonik* and the Tajik *aspakbozī*. Although their basic rules and individual representations are different, their common denominator remains original references to vegetative magic and rooted in a calendar fertility myth.

Key words: dance, horse, ritual, Polish *lajkonik* Tajik *aspakbozī*, parallel, calendar, fertility, myth.

ПОЛЬСКИЙ ЛАЙКОНИК И ТАДЖИКСКИЙ АСПАКБОЗИ: ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Матеуш М.П. Клагиш

В статье автор представляет предварительные выводы относительно феноменологических параллелей между двумя популярными танцами: польским лайкоником и таджикским аспакбозӣ. Хотя их основные правила и индивидуальные представления различны, их общим знаменателем остается исходная ссылка на растительную магию, уходящая корнями в календарный миф о плодородии.

Ключевые слова: танец, лошадь, ритуал, польский *лайконик*, таджикский *аспакбози*, параллель, календарь, фертильность, миф.

ЛАЙКОНИКИ ПОЛЯК ВА АСПАКБОЗИИ ТОЧИК: ПАДИДАИ ЭТНОГРАФИИ ПАРАЛЛЕЛӢ

Матеуш М.П. Клагиш

Дар мақола муаллиф хулосаҳои пешакиро дар бораи мувозинати феноменологии ду ракси маъмул: лайконики поляк ва

аспакбозии тоҷикӣ овардаам. Ҳарчанд қоидаҳои асосӣ ва эътиқоди инфиродии онҳо аз ҳам фарқ мекунанд, мафҳуми умумии онҳо истинод ба ҷодуи растанӣ боқӣ мемонад, ки реша дар афсонаи ҳосилхезии тақвими дорад.

Калидвожаҳо: рақс, асп, маросим, лайконики полякӣ, аспакбозии тоҷикӣ, параллелӣ, тақвими, ҳосилхезӣ, афсона.

*Лайконик. Краков, Польша, 1920г. Автор фото неизвестен.
lajkonik and Kraków, Poland, 1920s. Photo by: unknown.*

**Аспакбозӣ. Ванҷ, Бадахшан, Таджикистан,
1926. Фото М.С. Андреева.
The *aspakbozī*. Vanj, Badakhshan, Tajikistan,
1926. Photo by: M.S. Andreev.**

Сведения об авторе: Матеуш М. П. Клагисз - док. антропологии, ассистент профессора отдела иранских исследований Института востоковедения в Ягеллонском университете в г. Краков (Польша). Эл. Почта mateusz.klagisz@gmail.com>:

Information about author: Mateusz M.P. Klagisz- Ddr. of anthropology, assistant professor in the Department of Iranian Studies, Institute of Oriental Studies, Jagiellonian University in Kraków, Poland. E-mail: mateusz.klagisz@gmail.com.

**РОЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ
М.С.АНДРЕЕВА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ**

*Сафар Эркаев, Бахтиёр Гаффаров,
Карамалишо Карамалишоев*

Велика роль выдающихся русских востоковедов, дипломатов, военных, исследователей, путешественников, историков В.В.Бартольда, А.Ю.Якубовского, А.А.Семенова, П.П.Иванова, Е.Э.Бертельса, А.А.Бобринского, Д.Е.Логофета, А.В.Нечаева, В.П.Наливкина, М.А.Терентьева, М.Гаврилова, С.Ф.Ольденбурга и многих других(1, 47). Среди них занимает особое место всемирно-известный русский и советский востоковед, историк, этнограф, член-корреспондент Академии наук СССР Михаил Степанович Андреев (1873-1948), положивший начало научному исследованию истории и этнографии народов Среднеазиатского региона в конце XIX –первой половине XX века.

М.С.Андреев в самом конце XIX века и первой половине XX века совершил ряд поездок в Среднюю Азию, включая и регионы нынешнего Таджикистана для изучения рукописных источников, традиций, обрядов и обычаев, культуры и этнографии народов Средней Азии(2.18-212).

Михаил Степанович Андреев, как и академик АН Таджикистана Александр Александрович Семенов, был одним из первых, кто посвятил себя профессиональному изучению истории, этнографии, археологии, языков, письменных источников, памятников археологии, искусства, традиций, обычаев и обрядов таджикского народа. Судьбы М.С.Андреева и А.А.Семенова нередко переплетались как в науке, так и личной жизни, в процессе создания различных культурно –

просветительских, образовательных и научных обществ и подразделений, подготовка местных национальных кадров.

Сам М.С.Андреев бережно относился к своему большому наследию, а потому почти во всех случаях указывал дату и место подготовки всех документов, включая копии и черновики. Эта особенность характеризует его как историко-графа этнографической науки(3,57,23).

Для изучения жизни и деятельности члена-корреспондента Академии наук СССР Михаила Степановича Андреева материалы этнографического музея являются ценнейшим историкографическим источником.

Работая в Ходженте заведующим вечерними курсами для местного национального населения, он продолжал посещать различные места Туркестанского края, усердно занимаясь сбором археологических и этнографических данных. Он принял участие в качестве переводчика в экспедиции в Восточный Туркестан, которую возглавил известный исследователь Д.А.Клеменц. Экспедиция прошла через Сибирь, Монголию, Урумчи, Турфон, Лячкун. Андреев М.С. предпринял поездки по Закавказью, Кавказу, Тифлису, Закаспию, Кушки, Памирским бекствам, Дарваз, Вахане, Ишкашима, Рушан, Кашгар, Гималай, Кара-Кум. Западный Тибет, Яркент, Ташкургану, Шугнану, Восточному Памиру, Ташкенту, Самарканду. Хиве, Бухаре, Ферганской долине, Ходжентскому и Джизакскому уездам, Нурату, Кызыл-Куму, Искандаркульской волости, Ягнобу, Матче, Восточному Туркестану, Кашмиру, Ладаку, Пондишеру, Бомбею, Бенгалии, Индии, Индикитаю. Франции, России, Средней Азии и др. В процессе работы он познакомился с известными исследователями Востока С.Ольденбургом, В.Радловым, К.Залеманом, В.В.Бартольдом, А.А.Половцовым, А.А.Семеновым, Л.Я.Штеренбергом, Б.Х.Кармышевым, В.В.Струевым, Б.Гафуровым, Е.Массаном, О.Сухаревой и другими учеными.

Кроме исследовательской работы он активно участвовал в открытии первых школы и вузов, музеев в городах Алмаате, Ташкенте, Маргелане, Ходженте, Самарканде, Сталинабаде и других городах Средней Азии. Результатом его научных исследований стали такие фундаментальные труды, как «Руководство для первоначального обучения сартовскому языку в Ташкентском реальном училище». -Ташкент, 1896 (литогр.); «Вещие сны, несколько примет и детская игра «Сорока-ворона» среди некоторых народов. Главным образом Средней Азии»//ИСКМОПСИП.1923.Вып.2.С.1-34; Андреев М.С., Половцов А.А. «Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан».СПб. Сборник Музея Антропологии и Этнографии. Т.9.-СПб,1903; «Деревянная колонна в Матче» // ИРАИМК. 1925.Т.4.С.115-118; «По этноголии Афганистана. Долина Панджшер: (мат-лы из поездки в Афганистан в 1926 г.)»-Ташкент, 1927; «Выработка железа в дилоне Ванча(верховья Аму-Дарьи)». -Ташкент.1926; «По поводу процесса образования примитивных средне-азиатских древних цехов и цеховых сказаний (рисаля)» // Этнография.1927.№2.С.323-326; «Орнамент горных таджиков верховьев Аму-дарьи и киргизов Памира». -Ташкент.1928; «Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров (Мат-лы)». -Сталинабад: Ташкент.1930; «Язгулемский язык: Таблицы глаголов». -Ленинград,1930; «Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи)» Вып.1/2.-Сталинабад,1953-1958; «Ягнобские тексты: С прил. ягонбско-рус. Словаря (Сост. М.С.Андреев,В.А.Лившиц,А.К.Писарчик)».Москва.Ленинград,1957; «Материалы по этнографии Ягноба: (Записи 1927-1928 гг.)». -Душанбе,1970; «Арк(кремль)Бухары в конце XIX-начале XX в/Редактор А.К.Писарчик/». -Душанбе. 1972(совм.с О.Д.Чехович) и многие другие. Список всех опубликованных работ М.С.Андреева насчитывает 54 публикации, из которых 8 изданы уже после смерти ученого при содействии А.К.Писарчик»(4,19).

Обобщая сведения в результате изучения вышеназванных трудов академика Михаила Степановича Андреева можно сделать следующее заключение. Он, несомненно, является историографом истории, этнографии и культуры таджикского народа(5,59). М.С.Андреев собрал многочисленные этнографические, археологические и исторические материалы, подготовил труды о пережитках языческих обрядов, верованиях, обычаях, традициях среди коренного населения Средней Азии, быте и языках горных таджиков, о переселенческом деле в Средней Азии и Закавказье, об истории и культуре тюркских этнических групп(найманы, кунграты, кипчаки, мангыты, сартов, мангыты, алтыбеки. казахские роды, и др.), об этнических общинах, составил этнографические карты очень малоизвестной и сравнительно труднодоступной местности края, о других проблемах. Он изучал языки пушту, урду, арабский и др., проводил немало экспедиций в Таджикистане. Он создал ряд обобщающих трудов по истории и культуре таджикского народа(6,151) и народов Центральной Азии.

Многосторонний исследователь истории и культуры таджикского народа Михаил Степанович Андреев всегда сохранял живой интерес к этнографии, археологии, языкам, истории, религии, искусству, памятникам народов Средней Азии и Республики Таджикистана. Наши заключения подтверждают материалы этнографического музея ученого.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Масов Р.М.История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане.-Душанбе:Дониш,1988.
- 2.Додхудоева Л.Научное наследие А.А.Семенова и М.С.Андреева (архивные документы).-Душанбе.2013.
- 3.Писарчик А.К.Этнографическая наука в Таджикистане(1920-1990 гг.). Подготовка к печати Н.Бабаевой.-Душанбе,2002; Писарчик А.К. Михаил Степанович Андреев (1873-1948 гг.) // Памяти М.С.Андреева, Сталинабад,1960.

4. Додхудоева Л. Научное наследие А.А.Семенова и М.С.Андреева (архивные документы). - Душанбе, 2013.

5. Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.). Подготовка к печати Н.Бабаевой. - Душанбе, 2002; Писарчик А.К. Михаил Степанович Андреев (1873-1948) // Памяти М. С.Андреева. Сталинабад, 1960.

6. История Таджикской ССР. - Душанбе, 1983.

РОЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ М.С.АНДРЕЕВА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ

Сафар Эркаев, Бахтиёр Гаффаров, Карамалишо Карамалишоев

В данной статье рассматривается роль науки историографии и исторических музеев в подготовке профессиональных историков. Без знания историографической науки невозможно стать историком. Они изучают историю прошлого и определяют путь к будущему. Собранные основные материалы находятся в доме музея М.С.Андреева. Он был основателем этнографического кабинета (впоследствии сектора) и музея археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии. Это подтверждают материалы ученого.

Ключевые слова: историография, музей, дом-музей, историк, М.С.Андреев, археология, этнография, институт, культура, таджиков.

САҲМИ ХОНА ОСОРХОНАИ М.С.АНДРЕЕВ ДАР ОМУЌИШИ ТАЪРИХ ВА ФАРҲАНГИ ТОҶИКОН

Дар мақолаи мазкур мавқеи илми таърихнигории ва хона-осорхонаҳо дар тайёр кардани кадрҳои баландихтисоси таърихшиносӣ, илми таърихнигориро надонед таърихшинос шуда наметавонед ва он таърихи гузаштаро меомӯзанд, роҳи ояндаро муайян мекунанд. Маводҳои ҷамъшуда дар хона-осорхонаи М.С.Андреев ҷойгир шудааст, ӯ асосгузори кабинет, сектори этнографӣ, осорхонаи археология ва этнографияи Институти таърих, археология ва этнография буданаш ва онро маводҳои осорхона тасдиқ карданаш мавриди муҳокима қарор гирифтааст.

Вожаҳои калидӣ: таърихнигорӣ, осорхона, хона-осорхона, таърихшинос, М.С. Андреев, археология, этнография, институт, фарҳанг, тоҷикон.

THE ROLE OF THE MUSEUM OF M.S. ANDREEV IN STUDY OF HISTORY AND CULTURE OF THE TAJIKS

Safar Erkaev, Bakhtiyar Gaffarov, Karamalisho Karamalishoev

This article examines the role of the science of historiography and historical museums in the training of professional historians, without knowledge of historiographic science it is impossible to become a historian, it studies the history of the past and determines the path to the future. The collected basic materials are kept in the house of the museum of M.S. Andreev, he was the founder of the ethnographic cabinet (later the sector) and the museum of archeology and ethnography of the Institute of History, Archeology and Ethnography, this is confirmed by the materials of the house of the museum of the scientist.

Key words: historiography, museum, house-museum, historian, M.S. Andreev, archeology, ethnography, institute, culture, Tajiks.

Сведения об авторах: Эркаев Сафар Абдулхайрович-кандидат исторических наук, доцент кафедры истории отечества и археологии ХГУ им. ак. Б. Гафурова, г.Худжанд, 735701, ул.Шарк 33, тел.6-74-65; дом. ул. Ш.Раджабова.78, 4-29-56. 90-791-25-46; e-mail: safar.erkaev@mail.ru

Бахтиёр Гаффаров- канд.ист.н., доцент РТСУ,

Карамалишоев Карамалишо-канд.ист.н., доцент Академии ГУ при Президенте РТ.

Information about authors:

Erkaev Safar Abdulkhairovich, *Dr. of history*, B.Gafurov Khujand State University Tel .907-91-25-46; e-mail: safar.erkaev@mail.ru

Bakhtiyor Gaffarov, *Dr. of history*, Associate Professor of RTSU

Karamalishoev Karamalisho, *Dr. of history*, Associate Professor of the Academy of State University under the President of the Republic of Tajikistan.

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ

Лейли Додыхудоева

Первые музеи были основаны в Таджикистане в начале 1930-х годов и активно развивались позднее, в 1980-х годах было открыто много новых региональных музеев. В этот период в Таджикистане сформировались стандарты ведения музейного дела, сбора и экспозиционной практики музейных экспонатов. Наиболее известными музеями в ГБАО, включенными в официальный список музеев Таджикистана, являются: Историко-краеведческий музей г. Хорога им. Киргизбека Хушкадамова, 1944; Историко-краеведческий музей пос. Ишкашим им. Ибрагима Исмаилова, 2000; Музей выдающегося классика таджикско-персидской литературы Носири Хусрава, Поршинева, Шугнанский район ГБАО; Дом-музей Шириншо Шотемура, Поршинева, Шугнанский район ГБАО, 1999; Дом-музей Моёншо Назаршоева, Поршинева, Шугнанский район ГБАО, 1999; Дом-музей Мубораки Вахонӣ Ямг, Ишкашимский район ГБАО, 1993; Дом-музей Шокамбари Офтоби, Ишкашимский район ГБАО, 1996 [12]. К этому списку можно добавить Музей музыкальных инструментов Гурминджа Завкибекова, который расположен в Душанбе, 1991.

Рассмотрим кратко разные по функции музеи ГБАО. Так, Историко-краеведческий музей г. Хорог им. Киргизбека Хушкадамова, – названный именем его первого директора, – был основан в 1944 г. Этот музей располагает солидной коллекцией предметов традиционного быта, большую ее часть составляют исторические документы и ценные фотографии начала XX века, собранные у местных жителей. Этнографическую часть коллекции составляют предметы, бытовавшие

на Памире в XX веке, которые применяются в быту и сегодня. Историко-краеведческий музей им. Ибрагима Исмаилова создан на общественных началах при школе № 21. пос. Ишкашим, которая носит его имя. Музей основан в 2000 г. в честь 100-летия Ибрагима Исмаилова, участника революционных событий на Памире, репрессированного в 1937 г. В музее собраны материалы по истории и культуре региона, 1500 фотографий, 500 единиц газетного фонда, 2000 исторических документов по истории Ишкашима XX-XXI в. При музее действует школьный кружок, где собирают материалы по истории и культуре Памира, этнографические предметы, гербарии и коллекции минералов, поделки и художественные произведения школьников. Весь коллекционный материал описывается и систематизируется. Особую ценность представляют записи устных рассказов и фольклора, сделанные школьниками. Материалы музея используются учителями на уроках, студенты и аспиранты Хорогского Государственного университета, используют их как источники в своих исследованиях. Здесь же организуют экскурсии к местным памятникам культуры [13].

При школе им. Р.Х. Додыхудоева в джамоате Сохчарв Шугнанского района ГБАО, начавшей свою работу в 1925/1926 [8, 129], в 1998 г., в честь 70-летия Р.Х. Додыхудоева – учителя этой школы в 1940-е годы, просветителя, работника образования Таджикистана, – также на общественных началах был создан школьный музей, где собраны его личные вещи, книги из личной библиотеки и труды, освещающие историю изучения иранских языков и культуры, историю становления обучения русскому языку в ГБАО.

13 ноября 2005 в селении Намадгут в Вахане начал свою деятельность историко-краеведческий этнокультурный музей «Шакимардон». Его директор-основатель Одинамамад Мирзо – педагог со стажем, награжденный нагрудными знаками «Отличник народного образования Таджикской ССР» и

«Отличник культуры Республики Таджикистан». Он собрал исторические и этнокультурные данные о Вахане и жизни ваханского народа в этой высокогорной долине. В музее собраны значительные этнографические коллекции.

Здесь школьники и туристы могут получить информацию о крепостях Кахкаха, а также Редж и Кабудсор, святыне-кадамгох Шохимардон, расположенных неподалеку древних камней с петроглифами и стратегически важных в былые времена укрытиях, сторожевых башнях и наблюдательных пунктах, а также могильниках Мизилдигар, Санг. Руководитель музея может рассказать и провести экскурсию к святыням-остонам, мазару Вожпиях, озеру Сафарходжа и другим известным в регионе местам. Акаи Одинамамад проводит экскурсии на нескольких языках (русском, таджикском, ваханском и ишкашимском), рассказывая об особенностях постройке и использовании крепости Намадгут, ее культурно-историческом значении для Ваханской долины. Он с удовольствием говорит о родной культуре и ее особенностях, рассказывает сказки и истории о фольклорных героях на нескольких языках. Кроме того, он, биолог по образованию, написал несколько книг, таких как «Болезни и их лечение», «Лекарственные растения Бадахшана и их применение» (на таджикском языке), а также как «Вахан (историко-этнографическое исследование)» (на таджикском, английском и русском языках) и «Традиции и обряды ваханцев» (Хик расмиш) (на ваханском языке). Здесь же при музее можно ознакомиться и приобрести изделия работы ремесленников, кроме того, узнать подробности о жизни и деятельности выдающихся людей Вахана (полевые наблюдения автора 2014, 2018).

Фото 1. [11]

Большую роль в развитии музейного дела в Таджикистане сыграли исследования, проводившиеся в рамках научной деятельности исследовательских институтов Академии наук.

Так, в конце XIX – начале XX вв. были организованы экспедиции на Западный и Восточный Памир А.А. Бобринским, О. Олуфсенем, А.А. Семеновым и др. В 1914 «в страну припамирских таджиков» в экспедицию, организованную Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ) и Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, отправились И.И. Зарубин и французский иранист Р. Готьё. Тогда были собраны лингвистические и этнографические материалы по обычаям и религии, проведена фотосъемка местных предметов быта и культуры. По результатам поездки И.И. Зарубин опубликовал первые данные по этнографии припамирских таджиков, этнографические и лингвистические

материалы о долине Бартанг, в которой побывала экспедиция [7, 112; 3, 89-94; 4, 100-101].

Во второй поездке на Памир в 1915-1916 гг. И.И. Зарубин собрал материал по лингвистике, фольклористике и этнографии припамирских народов, в частности по земледелию и связанным с ним праздникам и обычаям. Как отмечает Р.Р. Рахимов, готовя к публикации «Одну орошорскую сказку», Зарубин преследовал лингвистические цели, но методика его исследования позволила данной публикации служить также целям этнографического изучения культуры, так как в ней отразилось представление рошорвцев о детях, их волшебной невосприимчивости к насильственной смерти. Из этой сказки вытекает мораль: нельзя не выполнять заветов покойного отца, кто выполнит их, тот обретет благоволение Божье. Здесь его обретает младший сын, который по данным этнографии ираноязычных народов, представляется живым воплощением умершего отца. В других статьях И.И. Зарубина «Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги» и «Образце припамирской народной поэзии» на фольклорных примерах описываются обряды рождения, а также дан этнографический материал о значении колыбельной песни в процессе воспитания детей [7, 114, 116].

В поездке 1926 г. И.И. Зарубин собрал сведения по материальной культуре (жилищу и основным хозяйственным занятиям), по народной медицине, а также фольклору, а также более 1000 предметов быта и культуры таджиков, которые были доставлены в Ленинград и теперь представлены в МАЭ [7, 119].

Широко известны тексты И.И. Зарубина на памирских языках с описаниями материальной и духовной культуры народов Памира [5; 6]. И.И. Зарубин стоял во главе научного направления, которое занималось сбором и научной обработкой лингвистических и этнографических материалов по иранским языкам России, а позднее – Советского Союза. Как

лингвист и этнограф, И.И. Зарубин настаивал на изучении языка в его системе, в тесной связи с жизнью народа, с его материальной культурой и историей [7, 113, 120]. И.И. Зарубин интересовался всем комплексом проблем иранистики, принесших ему известность в области этнографии, языкознания, истории, фольклористики, музееведения. Он создал новое направление в науке – этнолингвистику, и свою научную школу [10, 178].

Деятельность И.И. Зарубина стала примером для нескольких поколений его учеников и учеников его учеников. Так, Д. Карамшоев, заведующий Отделом памироведения ИЯЛ им. Рудаки АН Тадж. ССР 1967-1989 гг., который обучался у И.И. Зарубина в аспирантуре, в ходе своих полевых исследований вел сборы не только языковых данных и фольклора, но наряду с этим собирал и этнографическую коллекцию предметов памирского быта, одежды, то есть собирал как нематериальное, так и материальное наследие Памира.

Большую роль в развитии музейного дела в Таджикистане сыграли научные исследования, проводившиеся в институтах Академии наук. Так, Музей этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша был открыт в 1981 году, но его фонды собирались в отделе этнографии Института истории, археологии, этнографии Академии наук еще с 1940-х годов. Основы собрания были сформированы М.С. Андреевым – основоположником этнографии в Таджикистане – в пору его изучения быта и культуры таджиков верховья Амударья в долине Хуф. Эти полевые сборы были начаты в первое десятилетие XX века, а затем продолжены в 1929, 1930 и 1943 гг. В ходе последней экспедиции было собрано 350 предметов [1; 2, XII]. Большой вклад в формирование этнографического фонда внесли Н.Н. Кисляков, Н.Е. Ершов, А.К. Писарчик и З. Широкова. В результате их работы в экспедициях в музей поступили уникальные материальные предметы. Активная собирательская работа продол-

жается сегодня государственными и общественными музеями [9]. Мы рассмотрели передачу родных культуры и языка молодым поколениям на основе музейных культурных центров и их интерактивной работы с молодежью. Обращение к родному языку и культуре, традиционным духовным и материальным ценностям являются основой воспитания молодежи, формирования ее активной гражданской позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Труды АН Таджикской ССР, Институт истории, археологии и этнографии. Вып. 2. Сталинабад, 1958.
2. Додхудоева Л.Н., Юсуфбекова З. Предисловие к переизданию// Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Таджики долины Хуф//Под ред. Э. Кочумкуловой. Вып. I-II. Переизд. Бишкек: ОсОО «Джем Кей Джи», 2020. С. V-XV. 794 с.
3. Зарубин И.И. Обувь горных таджиков долины Бартанга // Сб. МАЭ. Т. III. Пг., 1916. С. 89-94.
4. Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. V. Пг., 1918.
5. Зарубин И.И. Орошорские тексты и словарь. Памирская экспедиция 1928 г. Вып. VI. Л., 1930.
6. Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. М.-Л., 1960.
7. Рахимов Р.Р. Иван Иванович Зарубин (1887-1964)//Советская этнография 1, 1989. С. 111-121.
8. Ходжибеков Э. Х. Социально -экономическое и культурное развитие Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан в годы советской власти (1917-1991 гг.). Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки). Душанбе, 2020. 409 с.
9. Юсуфбекова З., Шовалиева М. Этнографические обследования народных промыслов западного Памира: материалы экспедиции 2016// Иранское языкознание 2020. Труды международной научной конференции «Чтения памяти Б.Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения». Институт языкознания РАН. Москва, 18-20 октября 2018. М.: Языки Народов Мира, 2020. С. 413-424. 497 с. DOI:10.37892/978-5-89191-092-8-2020-0-0-413-424.
10. Edelman J.I. (2021) Documenting the Vocabulary of Worldview and Systems of Belief (from the Experience of Fieldwork in Western

Pamir). In: Agranat T.B., Dodykhudoeva L.R. (eds.) Strategies for Knowledge Elicitation. Springer, Cham. P. 177-187. [https:// doi.org/10.1007/978-3-030-79341-8_11](https://doi.org/10.1007/978-3-030-79341-8_11).

ИНТЕРНЕТ РЕСУРСЫ:

11.Одинамамад Мирзо – Мы гордимся вами – Первый сайт о Вахане и ваханском народе [Электронный ресурс].

12.spowaxon.ucoz.ru/publ/gordye_synovja_vakhana/odinamamad_mirzo/5-1-0-90(17 сентября 2021).

13.Фехристи осорхонаҳои Тоҷикистон [Электронный ресурс].

14.https://tg.wikipedia.org/wiki/Фехристи_осорхонаҳои_Тоҷикистон (26 октября 2021)

15.Электронный каталог музеев Таджикистана, разработанный ЮНЕСКО совместно с МАЭ (Кунсткамера) РАН при поддержке Министерства культуры Таджикистана и Vactria Cultural Center (ACTED). [Электронный ресурс].

16.https://elint.kunstkamera.ru/catalog/istoriko_kraevedcheskij_muzej_iskashim/ (28 октября 2021).

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ

Лейли Додыхудоева

В статье рассматриваются вопросы функционирования различных по направленности музеев: историко-краеведческих, этнографических, литературных и мемориальных в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), Республика Таджикистан. Мы даем обзор музейных центров ГБАО и их деятельности по продвижению и актуализации культурного наследия, сохранению этого культурного наследия, формирующего культурные ценности и культурный опыт человека. В этой связи мы уделяем особое внимание местным лингвокультурным и этнолингвистическим традициям, складывающимся в ходе памироведческих исследований, задавая параметры и ориентиры для развития родного языка и культуры. Исторические и этнографические и фольклорные собрания этих музеев, раскрывают отличительные черты местных культур и их языков и служат основой культурно-образовательной и исследовательской деятельности, а также помогают понять и полнее отразить материальное и нематериальное наследие региона. Такой этнолингвистический подход позволяет укрепить основы социальной идентичности подрастающего поколения, сосредоточив внимание на национальном наследии и традиционных культурных ценностях.

Ключевые слова: *памирские языки, Горно-Бадахшанская автономная область, Таджикистан, этнографический музей, школьный музей, лингвокультурология, этнолингвистика.*

REFLECTION OF HUMAN CULTURAL EXPERIENCE IN ETHNOLINGUISTIC DATA

Dodykhudoeva Leyli Rahimovna

The article examines the role of museums performing different functions – local history, ethnographic, literary and commemorative – in the Gorno-Badakhshan Autonomous Region of the Republic of Tajikistan. We give an overview of the museum and heritage centres and their activities in the promotion and actualization of cultural heritage, preserving that legacy so that it informs societal values and experience. We devote special attention to local linguocultural and ethnolinguistic traditions that have developed in Pamir Studies, setting the parameters and orientation for the promotion of native cultures. Historical data, ethnographic objects and folklore texts from these museums reveal the distinctive features of these cultures and their languages, and serve as a resource for research, cultural and educational activities, as well as a platform to help understand and better reflect the tangible and intangible cultural heritage of the region. This ethnolinguistic approach helps to lay the foundations for the social identity of younger generations, focusing on national heritage, as well as on traditional linguistic and cultural values.

Keywords: *Pamir languages, Gorno-Badakhshan Autonomous Region, Tajikistan, ethnographic museum, school museum, cultural linguistics, ethnolinguistics*

Dodykhudoeva Leyli Rahimovna Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

Сведения об авторе: Додыхудоева Лейли Рахимовна,

Ведущий научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук Москва, Россия. эл.почта: leyladod@yahoo.com

РОЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ В ИЗУЧЕНИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ

Иброхимов Муродали Файзалиевич

Петербургская Кунсткамера была образована в 1714 году по распоряжению Петра I. Данный термин с немецкого языка переводится как кабинет редкостей или комната искусств. В 1879 году в Петербурге был учрежден Музей антропологии и этнографии (МАЭ), который стал правопреемником Кунсткамеры. Сегодня он носит название Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера). За истекшие три столетия его коллекционный фонд составил более 1,2 млн. единиц хранения.

В 1918 году в структуре музея был образован отдел мусульманских народов Средней Азии, который унаследовал задачи Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, учрежденного еще в 1903 году. Отдел возглавил выдающийся ученый-иранист Иван Иванович Зарубин. Нынешнее его название - отдел этнографии Центральной Азии, соответствует современному геополитическому определению региона.

Формирование и развитие отдела прямо или косвенно связано с именами целой плеяды выдающихся исследователей Центральной Азии, таких как Василий Владимирович Бартольд, Самуил Мартынович Дудин, Иван Иванович Зарубин, Елена Михайловна Пещерева, Анна Леонидовна Троицкая, Николай Андреевич Кисляков. Отделом в разное время руководили И.И.Зарубин, Н.А.Кисляков, Рахмат Рахимович Рахимов и др. В настоящее время его руководителем является Марьям Ефимовна Резван. Среди них В.В.Бартольду и Н. А. Кислякову довелось в разные годы руководить этим старейшим музеем России.

Планомерное этнографическое изучение музеем региона Центральной Азии началось еще до революции, летом 1914 года, когда И.И.Зарубин совместно с французским иранистом Робертом Готьё организовал экспедицию в припамирские области для лингвистических и этнографических исследований. По ее результатам И. И. Зарубин опубликовал две обширные статьи, посвященные долине Бартанга. Одна из них посвящена традиционной обуви жителей региона [3], другая - этнографии этого горного края [2]. Указанные статьи сопровождаются содержательными фотографиями, выполненными самим автором. В последующие годы И.И.Зарубин продолжил свои лингвистические, фольклорные и этнографические изыскания на Памире и в Средней Азии. Как справедливо отметил Р. Р. Рахимов, И. И. Зарубин заслужил право считаться основоположником научного таджиковедения и памироведения.

Наиболее масштабной была Среднеазиатская этнологическая экспедиция АН СССР в 1926-1930 годах. Результаты этой экспедиции, в том числе богатейший «живой материал», без сомнения, представляют собой важнейшие достижения русской науки в области изучения названного района. Так, во время двух поездок в верховья Зеравшана в 1926 и 1927 годах участники экспедиций А. Л. Троицкая и Г. Г. Гульбин собрали для Кунсткамеры более 400 предметов одежды и украшений горных таджиков. В дальнейшем тематические составляющие этой коллекции послужили первоисточниками при изучении материальной культуры таджиков для многих сотрудников Кунсткамеры и Российского этнографического музея - Н. А. Кислякова, Розы Яковлевны Рассудовой, Фани Давыдовны Люшкевич, Татьяны Дмитриевны Равдоникас, Ольги Викторовны Старостиной, Татьяны Григорьевны Емельяненко, М. Е. Резван и др.

Иллюстративный фонд Музея антропологии и этнографии по Средней Азии дореволюционного периода насчи-

тывает около 50 тыс. единиц хранения, собранных в рамках более 500 коллекций. Они отражают самую разную тематику - портреты представителей разных народов региона, предметы традиционного быта и культуры, связанные с хозяйством, ремеслом, костюмом, прикладным искусством, орнаментом, религией. Такой обширный изобразительный материал, несомненно, служил, служит и еще послужит в качестве объектов научного изучения духовной культуры таджиков и других народов Средней Азии. В этом аспекте можно указать, например, на исследования Валерии Александровны Прищеповой, Марии Александровны Янес.

Выдающимся ученым-востоковедом Николаем Андреевичем Кисляковым опубликован целый ряд статей, посвященных охоте, скотоводству, земледелию и другим вопросам этнографии жителей долины реки Хингоу. Отдельные его статьи написаны на тему мировоззрения горных таджиков - их верований, votивных предметов, а также культу горного козла в его привязке к образу святого Бурха [4]. Применительно к таджикской традиционной материальной культуре также вызывает интерес статья Н. А. Кислякова по декору лицевых занавесок горных таджичек. Она составлена на основе изучения коллекций Кунсткамеры и других российских музеев [9].

Большое внимание Н. А. Кисляков уделял этнографии таджиков, проживающих за пределами Таджикистана. Так, отдельные его статьи посвящены таджикам Сайроба - селения в Сурхандарьинской области Узбекистана [8] и долины реки Сох - узбекистанского анклава в составе Киргизии [11].

Но, пожалуй, наиболее капитальными трудами Н. А. Кислякова являются две его монографии, одна из которых отражает тему отголосок древних традиций в образе жизни горцев из Вахион Боло [10], вторая же посвящена истории семьи и брака у таджиков и других народов Средней Азии и Казахстана [7].

В последние годы жизни он работал над другой объемной монографией «Древние поверья и обряды горных таджиков», содержание которой включало пять глав. Однако внезапная смерть не позволила ему закончить работу над написанием этой книги. Были составлены лишь вводная часть и первая глава данной работы, весьма ценной для этнографической науки. К счастью, в дальнейшем по материалам этих разделов его коллега А. З. Розенфельд любезно опубликовала статью от имени Н. А. Кислякова [6].

Самые разные аспекты таджикской культуры получили отражение в трудах Е. М. Пещеревой. Еще будучи студенткой Ташкентского Среднеазиатского государственного университета, она опубликовала в университетском сборнике статью на 92 страницах «Некоторые игры среди оседлого населения Туркестана» [15]. Также в Ташкенте увидела свет другая статья молодого ученого - «Праздник тюльпана (лола) в селении Исфара Кокандского уезда» [16].

Глубоким содержанием отличается ее большая работа на 72 страницах «Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков», которая была опубликована в ежегодном сборнике Кунсткамеры. Знакомство с текстом показывает, что практически весь материал указанной статьи посвящен детским развлечениям горных и равнинных таджиков [14].

Другая публикация этого исследователя носит название «Бухарские златошвейи», что отнюдь не случайно. Золотошвейные изделия, которые описаны в этой работе, хранятся в коллекциях Санкт-Петербургских музеев, прежде всего Музее антропологии и этнографии и были собраны в конце XIX - начале XX веков. А в то время златошвейное дело являлось искусством дворцовым, соответственно такие мастерские функционировали при дворе бухарского эмира [12].

Безусловно, всем работам этого замечательного ученого присуще глубокое содержание и достоверность заключений, что основывается на материалах продолжительных полевых

исследований и большом числе привлеченного «живого» материала. И все же, осмелимся назвать пиком научного творчества Е. М. Пещеревой опубликованную в 1959 году монографию «Гончарное производство Средней Азии». Как подчеркивает автор, основным источником для этого ее исследования, в особенности применительно к женскому гончарному производству послужил материал, собранный ею на протяжении ряда лет во время поездок по Таджикистану. В качестве дополнительного материала, ею привлечены данные, в том числе фотографии, являющиеся плодом труда М. С. Андреева [13].

Особую гордость мы испытываем, прослеживая научную деятельность таджикского ученого-этнографа, бывшего заведующего отделом этнографии Центральной Азии Кунсткамеры, выходца из Пенджикента Рахмата Рахимовича Рахимова. Более 40 лет он работал в этом музее и всячески популяризировал историю и культуру своего народа. Здесь он написал свои кандидатскую и докторскую диссертации, которые посвящены традиционным институтам социальной организации, а также мировоззрению таджиков в аспекте проблем образов и символов в культуре. В 2006 году он стал лауреатом ежегодной премии МАЭ РАН за лучший выставочный проект «Грезы о Востоке». В последние годы жизни ученый руководил Центральноазиатской этнографической экспедицией МАЭ, в рамках которой фонды музея пополнились новыми образцами предметов таджикской материальной культуры.

Помимо многочисленных научных статей, Р. Р. Рахимовым составлены две монографии, одна из которых называется «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. В ней автор уделяет внимание вопросам формирования мужских объединений, их роли в общественной жизни, социальной иерархии, в том числе в рамках создания обществ сверстни-

ков, а также бытовым аспектам строительства и оформления помещений типа «аловхона», «мехмонхона» [18].

Профессор Р. Р. Рахимов является ответственным редактором и одним из авторов трехтомной коллективной монографии Кунсткамеры «Центральная Азия: Традиция в условиях перемен». О плодотворности его научной деятельности говорит тот факт, что в этих сборниках опубликованы пять научных статей этого ученого, посвященные духовной и материальной культуре таджикского народа [20].

Накануне своей безвременной кончины Р. Р. Рахимов работал над составлением сборника научных трудов под названием «Таджики: история, культура, общество». Через год эта работа была издана музеем в объеме 542 страницы. Книгу посвятили светлой памяти Р. Р. Рахимова [19].

Примечательны его слова, запечатленные во вводной части своей второй монографии «Коран и розовое пламя (размышления о таджикской культуре)»: «Толчком для написания книги послужили впечатления, накопленные автором в родной среде еще в подростковом и юношеском периодах жизни. Благодаря занятию этнографией они были умножены и осмыслены в результате многолетних исследований картины мира таджикского народа. С этим связана одна из особенностей предлагаемого изложения: оно представляет собой плод размышлений не только специалиста, но и носителя языка и культуры» [17].

Нужно отметить, что объем настоящей статьи позволил лишь вкратце затронуть вопрос о вкладе МАЭ РАН и его отдельных сотрудников в изучение культуры таджикского народа. А между тем, научная деятельность и достижения каждого из этих ученых позволяют провести самостоятельные исследования и, между прочим, заслуживают того. Определенная работа в этом направлении в республике проводится. Так, в 2016 году в Национальном университете Таджикистана соискателем Бакиевым Рузибек Усмоновичем

защищена кандидатская диссертация на тему «Вклад Н. А. Кислякова в изучение истории и этнографии Таджикистана» [1].

Таким образом, Санкт-Петербургская Кунсткамера уже внесла весьма большой вклад в дело изучения традиционной культуры таджикского народа. Будем надеяться, что и в дальнейшем коллектив этого замечательного научного учреждения будет продолжать вести плодотворную работу в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакиев Р. У. Вклад Н. А. Кислякова в изучение истории и этнографии Таджикистана: Автореф. дисс. канд. ист. наук. - Душанбе, 2016-26 с.

2. Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга//Сборник Музея антропологии и этнографии РАН. -Т. 5, вып. 1. -Петроград, 1918. -С. 97-148.

3. Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга//Сборник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Императорской Академии наук. Т. 3. -Петроград, 1916. -С. 89-92.

4. Кисляков Н. А. Бурх - горный козел (Древний культ в Таджикистане)// Советская этнография. -1934. -№ 1-2.-С. 181-189.

5. Кисляков Н. А. Вотивные предметы горных таджиков (по коллекциям МАЭ)//Сборник Музея антропологии и этнографии. -Т.26. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. -Л., 1970. -С. 5-15.

6. Кисляков Н. А. Материалы по древним верованиям горных таджиков// Страны и народы Востока. -Вып. 26. Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). -Кн. 3. -М., 1989. -С. 249-268.

7. Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. - Л.: Наука, 1969. -238 с.

8. Кисляков Н. А. Сайробские таджики//Советская этнография. -1965. -№ 2. - С. 17-27.

9. Кисляков Н. А. Свадебные лицевые занавески горных таджиков// Сборник МАЭ. -Т. 15. -М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. - С. 291-316.

10. Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. -М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. -160 с.

11. Кисляков Н. А. Таджики долины Соха//Труды АН ТаджССР. -Т. 17. -Сталинабад, 1953. -С. 111-119.

12. Пешерева Е. М. Бухарские золотошвей//Сборник Музея антропологии и этнографии. -Т. 16. -М.-Л., 1955. - С. 265-282.

13.ПещереваЕ.М. Гончарное производство Средней Азии М.-Л.: Изд-во АНСССР, 1959. -130 с.

14.ПещереваЕ.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924 - 1935 гг.)//Сборник музея антропологии и этнографии. - Т. 17. - С. 22-94.

15.ПещереваЕ.М. Некоторые игры среди оседлого населения Туркестана//Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. - Вып. 11. -Ташкент, 1925,-6-98.

16.Пещерева Е.М. Праздник тюльпана (лола) в селении Исфара Кокандского уезда//Сборник в честь В. В. Бартольда. -Ташкент, 1927. -С. 374-384.

17.Рахимов Р. Р. Коран и розовое пламя (размышления о таджикской культуре). - СПб.: Наука, 2007. -387 с.

18.Рахимов Р. Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. - Л.: Наука, 1990. -153 с.

19.Таджики: история, культура, общество//Сост. Р. Р. Рахимов. -СПб: МАЭ РАН, 2014. -542 с.

20.Центральная Азия: Традиция в условиях перемен//Вып. 1-3. Отв. ред. Р. Р. Рахимов. - СПб. Наука. -Вып. 1. -2007. -354 с.; Вып. 2. -2009. -396 с.; Вып. 3. -2012. -416 с.

ВКЛАД САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ В ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКОВ

Иброхимов Муродали Файзалиевич

Материал статьи отражает некоторые достижения Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамеры) в направлении изучения и популяризации таджикской культуры. Акцент сделан на работы, посвященные традиционной материальной культуре этого народа. Указаны имена и достижения наиболее известных научных сотрудников отдела этнографии Центральной Азии этого научного заведения. Акцентируется внимание на исследования И. И. Зарубина, Н. А. Кислякова, Е. М. Пещеревой и Р. Р. Рахимова, отмечает научную ценность основных публикаций этих выдающихся ученых-востоковедов. Отмечается, что научная деятельность и достижения многих этих и ряда других сотрудников музея заслуживают самостоятельного исследования. Автор заключает, что Санкт-Петербургская Кунсткамера уже внесла весьма большой вклад в дело изучения традиционной культуры таджикского народа и выражает надежду, что и в дальнейшем коллектив этого замечательного научного учреждения продолжит плодотворную работу в данном направлении.

Ключевые слова: Этнографический музей, Кунсткамера, таджики, история, материальная культура, музейная коллекция, исследование, монография.

CONTRIBUTION OF THE ST. PETERSBURG KUNSTKAMERA TO THE STUDY OF TRADITIONAL TAJIK CULTURE

Ibrokhimov Murodali Fayzalievich

The material of the article reflects some achievements of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera) in the direction of studying and popularizing Tajik culture. The emphasis is placed on the works devoted to the traditional material culture of this people. The names and achievements of the most famous researchers of the Department of Ethnography of Central Asia of this scientific institution are indicated. Attention is focused on the research of I. I. Zarubin, N. A. Kislyakov, E. M. Peshereva and R. R. Rakhimov, and notes the scientific value of the main publications of these outstanding orientalists. It is noted that the scientific activities and achievements of many of these and a number of other museum employees deserve independent research. The author concludes that the St. Petersburg Kunstkamera has already made a very great contribution to the study of the traditional culture of the Tajik people and expresses the hope that in the future the staff of this wonderful scientific institution will continue fruitful work in this direction.

Keywords: Ethnographic Museum, Kunstkamera, Tajiks, history, material culture, museum collection, research, monograph.

Сведения об авторе: Иброхимов Муродали Файзалиевич – доктор исторических наук (07.00.02 - Отечественная история), научный сотрудник отдела истории искусств Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной Академии наук Таджикистана, г. Душанбе. E-mail: murodali_f@list.ru.

Information about the author: Ibrokhimov Murodali Fayzalievich - Doctor of Historical Sciences (07.00.02 - History of the motherland), Researcher at the Art History Department of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe. E-mail: murodali_f@list.ru.

СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА: ИДЕИ, ЗАМЫСЛЫ И ПЛАНЫ АКАДЕМИКА Р.М.МАСОВА В ТАДЖИКИСТАНЕ

Бахринисо Қобилова

Мечта любого человека, а тем более ученого – увидеть результаты своих идей и трудов реализованными. Но, к сожалению, это не всегда удается, поскольку в жизни все непредсказуемо. Но главное – это понимание того, чтобы идея ученого подхватывалась и развивалась другими людьми. Однако, в настоящей статье речь пойдет об ином, а именно об идее создания единого музейного пространства в Таджикистане, выдвинутой академиком Р.М.Масовым, которая начала воплощаться, но к сожалению, в наши дни не нашла своего продолжения и в конечном счете была разрушена. Как сказал Лев Толстой: «Все строят планы, и никто не знает, проживет ли он до вечера».

Как известно, Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша, как стратегический национальный исследовательский центр, разрабатывающий многообразные вопросы истории таджикского народа, уже много лет проводит системные археологические, этнографические и историко-культурные исследования, приводящие естественным образом к накоплению богатейшего материала, который требует своей систематизации, анализа и общественной презентации, демонстрирующей древнюю, богатую и самобытную по своим формам и содержанию историю и культуру народа. Вначале всё найденное во время экспедиций хранилось в небольших комнатах и подвалах Института истории Академии наук Таджикистана, а также в подвалах жилых домов. Доступ к этому богатству имели в основном научные сотрудники, студенты и аспиранты. Не было возможности классифици-

ровать по категориям экспонаты: керамику, бытовую посуду, оружие, орудия труда, скульптуру, ювелирные изделия, монеты и т.д. Для решения этих сложных вопросов при Институте были сформированы соответствующие структуры музейного типа, в которых размещались найденные материалы. Однако, этого было недостаточно, поскольку с каждым годом их становилось все больше.

4 апреля 1996 года постановлением правительства Республики Таджикистан за № 135 на базе Музея истории, археологии и этнографии при Институте был создан Национальный музей древностей Таджикистана, основная цель которого, согласно постановлению, заключалась «в сохранении и эффективном использовании в научных, познавательных и воспитательных целях сокровищ истории и культуры таджикского народа». В постановлении говорится, что этот музей «имеет преимущественное право на реставрацию, хранение, экспонирование и приобретение исторических, археологических и этнографических находок и экспонатов, выявленных на территории Таджикистана». Академиком Р.М.Масовым были предприняты все меры для выделения государством отдельного здания под музей, который находится в двухэтажном здании в центральной части Душанбе. Как мы знаем, при реконструкции этого здания огромную помощь оказал меценат из Швейцарии Марио Роберти.

В 2001 году состоялось официальное открытие Национального музея древностей Таджикистана, соответственно в этом году отмечалось его 20-летие. За этот период Музей древностей по праву занял важное место в культурной жизни общества. Его экспозиция, разделенная по эпохам, начиная с IV тысячелетия до н.э. и до позднего средневековья, содержит экспонаты со всей территории Таджикистана – из таких крупных археологических памятников, как Саразм, Аджина-тепа, Тахти-Сангин, и таких городов, как Худжанд, Истаравшан, Пенджикент, Курган-Тюбе, Куляб и др. Самый ценный

и наиболее популярный экспонат Музея – Будда в нирване, обнаруженный на городище Аджина-Тепя, привлекает наибольшее внимание со стороны стран, исповедующих буддизм. Это, в первую очередь, Япония, в лице ее Посольства в Республике Таджикистан, МИХО Музея, Института культурных ценностей г.Токио и ряда других научных учреждений. Кроме того, большую заинтересованность проявило правительство Таиланда. Благодаря их пожертвованиям были неоднократно отреставрированы статуя Будды, фрагменты настенной живописи Пенджикента и Хульбука, приобретены витрины для музея, изданы красочный Альбом на таджикском, русском, английском и французском языках, каталоги и создан сайт музея. При музее построены реставрационно-техническая лаборатория, хранилища для экспонатов. Сегодня Национальный музей древностей Таджикистана – плод научного и организаторского таланта академика Р.М.Масова – превратился в своеобразный союз науки и культуры, образования и просвещения, интеллектуального досуга и эстетического воздействия. Следовательно, сотрудничество в этой сфере располагает огромным потенциалом для новаций, синтеза и контактов.

Первым опытом создания специального профильного музея в сфере истории культуры Таджикистана стало открытие Музея этнографии и археологии в 1981 году. Сначала он относился к сектору истории Института истории, языка и литературы, а впоследствии был передан Институту истории. В его фонде собраны «исторические ценности уникальных предметов материальной культуры таджиков со второй половины XIX века по настоящее время, насчитывающие около одиннадцати тысяч предметов».

По Уставу в структуру Национального музея древностей входил и Музей этнографии, как его отдел, который размещался в подвальном помещении жилого дома по улице Путовского (ныне Исмоила Сомони), 7. В свое время известный

этнограф А.К.Писарчик отмечала, что правительственным постановлением №865 от 16/IX-1982 в помещениях, расположенных под квартирами жилых домов, музеи устраивать запрещено, но этот запрет был нарушен, и, как нам известно, не раз. В 2006 году по решению директора Института истории, археологии и этнографии Р.М.Масова экспозиция Музея этнографии была перемещена в старое здание Института истории по улице академиков Раджабовых 9, рядом с Национальным музеем древностей. С одной стороны, это было вызвано тем, чтобы сохранить уникальные экспонаты Музея этнографии (при этом тысячи его вещей и предметов продолжали оставаться в подвальном помещении), с другой стороны – создать единое пространство, единую площадку с музейными, научными службами и экспозициями по археологии и этнографии Таджикистана. Как показал опыт, подобный музейный комплекс привлекал более широкую аудиторию, поскольку посетители чувствовали себя комфортно, перемещаясь из одного музея в другой. Кроме того, дворовая территория Национального музея древностей Таджикистана позволяла посетителям отдохнуть, поскольку посещение музеев отнимало много времени и сил. К сожалению, спустя несколько лет, в 2018 году Музей этнографии был вновь переведен на старое место, а именно в подвал жилого дома, и, как стало известно, через короткое время после его открытия некоторые залы были затоплены в связи с прорывом труб, отчего частично пострадали экспонаты.

Безусловно, развитие музея, к тому же при наличии огромного числа раритетов, хранящихся в запасниках, подразумевает привлечение партнеров. При этом, одни могут поделиться опытом, другие – оказать спонсорскую поддержку. Так, во время работы Конгресса неправительственных организаций стран СНГ и Балтии, проходившем в 2005 году в Санкт-Петербурге, академик Р.М.Масов встречался с Генеральным директором Государственного Эрмитажа М.Б.

Пиотровским, и обсудил с ним вопросы более тесного сотрудничества Института с Эрмитажем не только в сфере археологических и реставрационных работ, но и в работе музеев. Во внимание брался и тот факт, что лучшие образцы согдийского искусства – настенная роспись и резной деревянный декор на протяжении многих лет экспонируются и хранятся в Эрмитаже. Понимая, что в условиях Эрмитажа великому культурному наследию таджикского народа лучше оставаться там, во избежание повреждения или даже разрушения, Р.М.Масов, равнодушный к истории и культуре своего народа, мечтал, чтобы Эрмитаж взял патронаж над музеем древностей Таджикистана. В своем интервью, опубликованном в журнале «Мероси ниёгон», он говорил: «Госэрмитаж, Национальный музей древностей Таджикистана и Музей этнографии Таджикистана должны создать единое музейное пространство. ...Кроме того, Госэрмитаж возьмет на себя подготовку для Таджикистана реставраторов, археологов, музееведов, которых сегодня так не хватает нашей республике». Мы все знаем, что в течение 75-ти лет сотрудники Института истории и Государственного Эрмитажа ежегодно проводят раскопки на городище древнего Пенджикента, и нужно отметить, что ни один археологический объект в Центральной Азии не исследовался столь долго и тщательно. В заключение своего интервью Масов выразил надежду на встречу М.Б.Пиотровского с Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном во время его приезда в Таджикистан по случаю 15-летия независимости республики и обсудить вопрос о дальнейшем развитии связей в целях создания единого музейного пространства Санкт-Петербурга и Душанбе. Но, как мы знаем, визит Пиотровского в Таджикистан не состоялся, и этот вопрос остался открытым.

Кроме того, академик Р.М. Масов дважды в письменном виде обращался к Президенту Калмыкии Кирсану Илюмжинову, построившему в Элисте крупнейший буддийский храм

не только в Калмыкии, но и во всей Европе с 9-тиметровой статуей Будды, покрытой сусальным золотом и инкрустированной бриллиантами, с предложением о сотрудничестве между музеями. Но, к сожалению, ответа не последовало.

В последние годы проблема создания единого музейного пространства приобретает все большую остроту и актуальность. Суть его заключается в том, что это единая площадка, которая, с одной стороны, показывает работу музеев, а с другой стороны, меняет имидж города. Так, во время проведения круглого стола на тему «Музеи России. Проблемы и перспективы», посвященного обсуждению музейного дела в контексте новой государственной культурной политики, Михаил Пиотровский отметил, что музей – это особая территория, что в нем может быть то, что невозможно нигде в другом месте. Нужно, чтобы государство понимало, что музей это не бизнес, и экономические критерии не могут быть критериями оценки успешности музея... Еще одна проблема – это единство музейного пространства. Нам нужно как можно настойчивее объяснять и доносить, что все музеи – и столичные, и региональные, и муниципальные – это не какие-то отдельные разрозненные островки, а единое музейное пространство, это те мосты, которые мы создаем, которые должны обеспечивать взаимный обмен, проведение выставок столичных музеев в регионах и региональных музеев – в столицах. Это важно, без этого ничего не будет». Как видно, академик Масов все это понимал еще раньше. Его идея создания единого музейного пространства в Таджикистане, пусть даже на уровне Института истории, воплотилась в виде музейного комплекса Национального музея древностей Таджикистана и Музея этнографии, но, к сожалению, не нашла своего продолжения и развития, как уже было отмечено выше. Между тем, согласно мысли Ф.М. Достоевского о том, что «основная идея всегда должна быть недостижимо выше, чем возможность ее исполнения», хочется надеяться, что

опыт работы Р.М.Масова, как выдающегося ученого, крупного организатора науки и руководителя, в частности, в создании музейного пространства, представляется весьма позитивным, ценным и перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указы, Распоряжения Президента Республики Таджикистан, Постановление Маджлиси Оли Республики Таджикистан, Постановления и Распоряжения Правительства Республики Таджикистан по поддержке науки, принятые в период с июня 1995 года по апрель 2000 года. Душанбе, 2000. - С. 27-28.

2. Там же.

3. См. Бобомуллоев С., Васитова Н. Музеи Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН Республики Таджикистан //Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А.Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон 60 сол. -Душанбе, 2014. -С.259.

3. Масов Р. Штаб исторической науки Республики Таджикистан //Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А.Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. 60 сол. -С. 168-169.

4. Писарчик А. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990гг.). – Душанбе, 2002. – С.51.

5. Масов Р. Нам нужно единое музейное пространство//Мероси ниёгон. -№8, 2005. – С.23.

6. Текущий архив Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ. Исходящие письма.

7. Пиотровский М. Музеи России. Проблемы и перспективы//Круглый стол на тему: «Музеи России. Проблемы и перспективы», состоявшийся 5 марта 2015 года в Общественной палате РФ

[//https://opuo.ru/blog/2015/03/06/](https://opuo.ru/blog/2015/03/06/)

СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА В ТАДЖИКИСТАНЕ: ИДЕИ, ЗАМЫСЛЫ И ПЛАНЫ АКАДЕМИКА Р.М.МАСОВА

Бахринисо КАБИЛОВА

Статья посвящена идее создания единого музейного пространства в Таджикистане, выдвинутой академиком Р.М.Масовым в 2005 году в г. Санкт-Петербург на встрече с Генеральным директором Государствен-

ного Эрмитажа М.Б.Пiotровским. Суть его заключается в том, что это единая площадка, которая, с одной стороны, показывает работу музеев, а с другой стороны, меняет имидж города. В 2006 г. идея академика Р.М.Масова частично была осуществлена в виде музейного комплекса Национального музея древностей и Музея этнографии, но, к сожалению, не нашла своего продолжения и развития. Опыт работы Р.М.Масова, как выдающегося ученого, крупного организатора науки и руководителя, в частности, в создании единого музейного пространства, представляется весьма позитивным, ценным и перспективным.

ЭҶОДИ ФАЗОИ ЯҶОНАИ ОСОРХОНАҶО ДАР ТОҶИКИСТОН: ИДЕЯ ВА НАҚШАҶОИ АКАДЕМИК Р.М.МАСОВ

Мақола ба идеяи таъсиси фазои яғонаи осорхона дар Тоҷикистон бахшида шудааст, ки соли 2005 академик Р.М.Масов дар Санкт-Петербург дар мулоқот бо директори генералии Эрмитажи давлатӣ М.Б.Пiotровский ба миён гузошта буд. Моҳияти ин ғоя дар он аст, ки баробари яғона буда, аз як тараф қори музейҳоро нишон дода, аз тарафи дигар симои шаҳро таъғир медиҳад. Дар соли 2006 идеяи академик Р.М.Масов дар шакли маҷмааи осорхонавии Осорхонаи миллии бостонӣ ва Осорхонаи мардумшиносӣ қисман амалӣ гардид, вале мутаассифона, идома ва рушди худро пайдо накард.

Таҷрибаи Р.М.Масов ҳамчун олими барҷаста, қорғузори бузурги илм ва роҳбар, бахусус дар ташкили фазои яғонаи осорхонавӣ ҳеле муҳиму, арзишманд ва ояндабин ба назар мерасад.

CREATING A SINGLE MUSEUM SPACE IN TAJIKISTAN: IDEAS AND PLANS OF ACADEMICIAN R.M.MASOV Bahriniso KABILOVA

The article is devoted to the idea of creating a single museum space in Tajikistan, put forward by Academician R.M.Masov in 2005 in St. Petersburg at a meeting with the General Director of the State Hermitage M.B.Piotrovsky. Its essence lies in the fact that this is a single platform, which, on one side, shows the work of museums, and on other side, changes the image of the city. In 2006, the idea of Academician R.M. Masov was partly implemented in the form of a museum complex of the National Museum of Antiquities and the Museum of Ethnography, but, unfortunately, did not find its continuation and development. The experience of R.M. Masov, as an outstanding scientist, a major organizer of science and a leader, in particular, in creating a single museum space, seems to be very positive, valuable and promising.

**ПРАКТИКА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ (ФОТОДОКУМЕНТЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АРХИВА НАЦИОНАЛЬНОЙ
АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА)**

Лариса Додхудоева

Благодаря этнографическим экспедициям конца XIX-XXI веков были сформированы комплексные музейные фонды, отражающие этнокультуру таджиков и других народов Центральной Азии в этнографическом музее им. М.С. Андреева Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (далее ЭМ НАНТ) и Национальном музее Таджикистана. Информация о собирательской деятельности и пополнении их коллекций сосредоточена не только в соответствующих публикациях, но и в фотодокументах этнографического архива Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (далее ИИАЭ НАНТ).

Он обладает обширнейшей коллекцией дневниковых записей этнографических экспедиций, фотографиями, зарисовками, еще неопубликованных исследований, освещающими повседневную историю Таджикистана XX-XXI вв, а также этнокультуру таджиков и других народов, проживающих на территории страны. В большей своей части они собраны выдающимися советскими этнографами М.С. Андреевым, А.К. Писарчик, И. Мухиддиновым, Н.Н. Ершовым, Б.Х. Кармышевой, Р. Рахимовым, А.С. Давыдовым, З.А. Широковой и другими исследователями в процессе полевых исследований.

Отдельные фотодокументы зафиксировали практику этнографического коллекционирования, в результате которой был сформирован богатейший фонд традиционных ремесел и промыслов, музыкальных инструментов, утвари, предметов

интерьера, орудий труда, изделий чугунолитейного и кузнечного дела, других предметов традиционно-бытовой культуры таджиков и других народов Таджикистана. Одновременно данные фотодокументы иллюстрирую широту географии полевых исследований и собирательской деятельности таджикских этнографов.

Уникальная, разнообразная коллекция ЭМ НАНТ (11 тыс. экспонатов) была образована посредством различных видов собирательской деятельности: в процессе экспедиционно-собирательских полевых работ, за счет приобретений у частных лиц отдельных изделий и в виде даров разных мецентов.

При приобретении изделий народного творчества использовались следующие методы. Прежде всего, это наблюдение за средой, в которой исследователь оказывался во время экспедиций. Затем следовал опрос отдельных лиц с целью сбора первичной информации о типах ремесел в данном поселении и желании его населения представить имеющиеся у него изделия для приобретения экспедицией. В процессе личной беседы с обладателем того или иного предмета и его односельчанами об истории и состоянии современного ремесленного производства, конкретном экспонате, дате его создания, мастере, месте его проживания этнографами изучались те или иные традиции и обряды, которые были связаны с приобретаемыми изделиями.

Подобная информация помогала изучить семантическую значимость предмета, его орнамент и обращение в быту, ритуальные церемонии, связанные с ними. Население могло сохранять определенные знания об изделиях и делиться ими с исследователями, даже если они утратили своё изначальное предназначение (так называемый метод пережитков). Этнографы могли проводить и сравнительно-функциональный (или кросс-культурный) анализ, позволяющий путём сравнения приобретаемых изделий с атрибутированными, известными образцами, выявить их типологию и своеобразие,

характерные для конкретного региона, а порой и причины исчезновения того или иного ремесла. В документах фиксировались следующие виды информации : происхождение предмета, его местное названия и назначение, этническая группа и регион, где был приобретен экспонат, по возможности имя мастера, и т.п. Затем происходило заключение контракта.

О том как производилась закупка на местах свидетельствует, например, фото №55 из коллекции № 61 (этнографический архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша). Снимок представляет акт приобретения экспонатов у населения в кишлаке Бунай в Ванче в 1962г. Члены экспедиции, среди которых можно узнать А.К.Писарчик и Н.Н. Ершова, представлены в окружении местного населения на ковре под сенью деревьев. Некоторые сотрудники рассматривают изделия, а Н. Н. Ершов заполняет бумаги.

*Приобретение экспонатов у населения в кишлаке Бунай в Ванче
(№ 61-55), 1962г.*

С приобретаемых объектов традиционной культуры вначале делали рисунки. В дальнейшем по мере развития тех-

нических способов фиксации начали использовать в поле фотосъемку, аудиозаписи и видеосъемку. Сейчас утвердилась практика перевода в цифровую форму музейных экспонатов и аналоговой информации, хранящейся в музеях.

Как известно, основой ЭМ НАНТ послужила коллекция выдающегося исследователя Востока М.С. Андреева, собранная им в различное время на Памире и в Ягнобе в 1 половине XX века [17]. Это был период, когда традиционная культура и ее предметный мир еще бытовали, не превратившись в пережитки, и когда экспедиционно-собираТЕЛЬСКАЯ работа была невероятно сложна в силу уровня развития техники – транспорта, связи, способов фотофиксации, которые подчас превращали формирование музейного фонда в настоящий подвиг [18].

В последние годы своей жизни М.С. Андреев принимает активное участие в работе Государственного историко-краеведческого музея (ныне Национальный музей Таджикистана) города Душанбе, а также является организатором Кабинета этнографии в 1947 г. при Институте истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР и музея археологии и этнографии при секторе Института Таджикского филиала Академии наук СССР 1949 году. Он также добился разрешения на приобретение экспонатов во время этнографических экспедиций на правах музея.

Одними из первых коллекций собрания ЭМ НАНТ являются две коллекции М.С. Андреева, собранные им в долине Хуф и Ягнобе в 1927, 1929 г. Эти интересные и редкие этнографические материалы являются подлинными вещами, широко использовавшимися в повседневном быту и характеризующие материальную культуру таджиков, сохранившую в виду своей изолированности, остатки древнего быта [1].

О страсти ученого коллекционировать разнообразные этнографические и художественные изделия разных стран свидетельствуют многие эпизоды его биографии. Будучи по

службе в различных регионах мира М.С. Андреев связывался с учеными и путешественниками других стран с тем, чтобы приобрести у них те или иные коллекции. Многие из них охотно исполняли его просьбы и собирали уникальные изделия. [3] Когда М.С. Андреев выставил свое собрание в Кунсткамере в Санкт-Петербурге, его директор Л.Я. Штеренберг обратился к нему с письмом 14 марта 1912г. за №42 с предложением выкупить экспозицию ученого для Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Императорской Академии наук - столь значительной она была. [2;14]

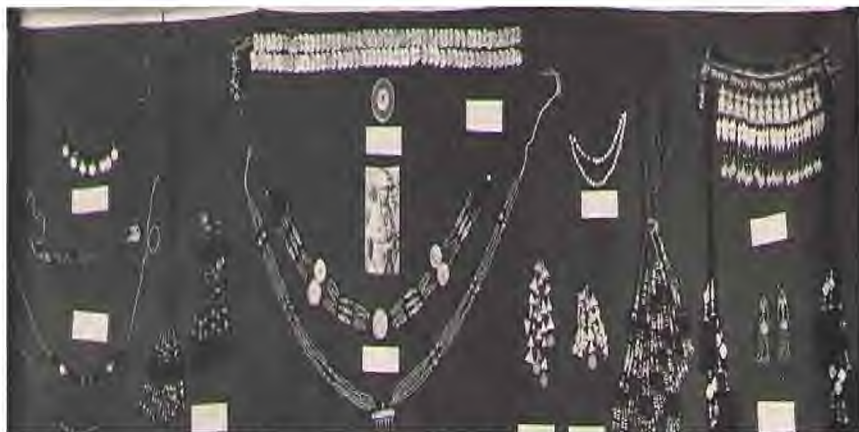
Столовая М.С. Андреева в Худжанде с этнографической коллекцией. 1914-1915г. (№ 27-292)

Немало сделал М.С. Андреев и для формирования музейных фондов Казахского национального музея в Алматы и Музея искусств в Ташкенте. [2] К 1950г. в фондах музея этнографии Академии наук Таджикистана уже было собрано

800 экспонатов, о чем свидетельствует одно из писем известного этнографа и филолога Р.Л. Неменовой от 10 января 1950г. В нем она описывает открытие музея им. М.С. Андреева на основе коллекции предметов, собранных им в различных регионах Таджикистана [7].

Другой выдающийся ученый, директор Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша академик А.А. Семенов также во многом содействовал системному собиранию коллекции ЭМ НАНТ[13]. По признанию известных ученых Н.Н.Ершова и А.К. Писарчик, он был великолепным знатоком восточного искусства, как профессионального, так и народного, принимал активное участие как эксперт “в апробации и оценке приобретаемых этнографическим сектором экспонатов” [9,77]. Лично им ЭМ НАНТ была преподнесена в дар серебряная табакерка в форме тыквы-горлянки, которая, по всей вероятности, является образцом ремесленного производства Ирана XIXв.(эмаль, чернь, финифть) Полученная А.А. Семеновым в качестве сувенира в Бухаре, она украшена золотой вставкой с надписью на персидском языке: «На память» [2, илл.5].

Вероятно, в начале системной собирательской деятельности в 40-е гг. XX века, когда проведение полевых работ уже поддерживало государство, в кабинете этнографии организовывались выставки закупленных экспонатов в процессе сплошного этнографического обследования регионов. Об этом свидетельствует экспозиция, представлявшая материалы Кулябской этнографической экспедиции 1948-49гг. под руководством А.К.Писарчик для кабинета этнографии.

*Выставка, приобретений Кулябской экспедицией 1948-1949 г.
Одна из витрин с ювелирными изделиями (№ 2-01)*

С образования сначала кабинета этнографии, а затем сектора, отдела этнографии практика собирания коллекций для ЭМ НАНТ в основном базировалась на закупке изделий, предлагаемых населением или приобретаемых экспедициями во время полевых работ. Отдел этнографии, как и ЭМ НАНТ, всегда уделял особое внимание исследованию традиционных ремесел и промыслов как одной из важнейших отраслей хозяйственной деятельности и этнокультуры народов. Полевые изыскания в регионах проводились с конкретными целями. Так, от Института истории Академии наук Таджикской ССР А.К.Писарчик и ряд других сотрудников отдела были направлены в 1954, 1956, 1957 годах в Дарваз и Каратегин для сбора материалов и коллекций [10,92]. С этой же целью Н.Н. Ершов в 1954-56 г. посетил Гарм, в 1959 г. - Истаравшан, в 1960 г. - районы Западного Памира, в 1970, 1972, 1974, 1975 г. - северные районы республики и т.д [10,65] В 1965 г. А.К. Писарчик и Н.Н. Ершов отправились в Истаравшан, Исфару и Чорку для приобретения экспонатов. Позже 11 сентября 1970 г. в газете «Коммунист Таджикистана» они опубликовали совместную статью «В Чорку, за керамикой». С целью

пополнения фондов музея в экспедиции направлялись и другие сотрудники отдела этнографии.

В истории этнографического коллекционирования музея особое место занимают те поездки, которые преследовали цели собрать материалы для конкретных публикаций. Так, Н.Н. Ершов и З.А. Широкова приобретали этнографические экспонаты в Согде и Западном Памире в 1960г., что требовалось для издания «Альбома одежды таджиков», [5] а А.К. Писарчик - в Бухаре и Самарканде с тем, чтобы подготовить другой альбом «Народное прикладное искусство таджиков» [9], комплекты открыток т.п.

*Н.Н. Ершов и гончарица Сайлон. деха Ёгид, Дарваз(№51-8)
А.К. Писарчик и Н.Н. Ершов в мастерской кулолгара
в Чорку.1965г.*

Как известно, составление «Альбома одежды таджиков» было начато сектором этнографии по поручению Правительства страны в апреле 1960г. [5] По замыслу авторов, он предназначался для ознакомления, как специалистов, так и

широкой общественности, с народным искусством и национальным костюмом таджиков. Данные издания должны были оказать практическую помощь коллективам самодеятельности, художникам и костюмерам театров и киностудий [3,5].

В целом комплекс подготовленных для альбомов и наборов открыток этнографических экспонатов позволил определить значимость и потенциал музейного фонда и полевого материала. Эти публикации были важны как первая попытка выйти за пределы вещевых коллекций музея, что позволило его авторам произвести целостную реконструкцию ряда имеющихся в ЭМ НАНТ изделий ремесла и образцов фольклорного костюма таджиков, приобретенных во время полевых работ.

В этнографическом архиве Национальной академии наук Таджикистана сохранились снимки, которые представляют проведение предварительных работ этнографами перед закупкой экспонатов. На одном фото запечатлена А.К. Писарчик, измеряющую длину ворса арабского ковра джулхирс в Пархарском районном колхозе «Рохи Ленин» в 1949г (кол. №2), а на другом – примерка М.А. Хамиджановой платья невесты в кишлаке Нушор Таджикабадского района 1957г. (кол. №18-2). Столь же впечатляющи снимки, на которых представлен Н.Н. Ершов с гончарницей Сайлон из деха Ёгид Дарвазского района, произведения которой являются истинными шедеврами коллекции ЭМ НАНТ.

По признанию известного исследователя Н.Н. Ершова, так как большая часть экспонатов покупалась на местах, то они довольно точно были паспортизованы в музее, что увеличивало ценность коллекций. Однако находились и такие предметы, у которых паспорта оставались не совсем точными или же вовсе отсутствовали. Это касается главным образом отдельных ремесленных изделий, производство которых уже прекратилось, например, ювелирных украшений и посуды, особенно медной [4,92].

*А.К. Писарчик исследует джулхирс. 1949г.(№2-54).
 М.А. Хамиджанова демонстрирует платье невесты.
 1957г.(№.18-2)*

Отдельные коллекции таджикского народного искусства, которые были собраны таджикскими этнографами в процессе полевых изысканий, передавались в другие музеи СССР согласно постановлению государственных органов или же в качестве дара самими исследователями. Так, фонды Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге в 1972 г.пополнились обширной, очень разнообразной по тематике коллекцией, сформированной группой ведущих этнографов республики и переданной в дар музею Правительством Таджикской ССР. В 1988 году этнограф А.К. Писарчик презентовала этому же музею уникальную коллекцию таджикской керамики, которую ее семья собирала на протяжении почти 50 лет. В немалой степени благодаря этим, а также широкой собирательской деятельности отечественных ученых сегодня Российский этнографический музей стал единственным

музеем за рубежом, в котором материальная культура таджиков представлена столь широко и полно[6].

После обретения страной политической независимости музеем продолжается приобретение экспонатов в соответствии со сложившимися традициями. Пополнение собрания идет преимущественно за счет закупки изделий у населения во время экспедиций или согласно предложению отдельных лиц, чаще горожан. Реже коллекция пополняется экспонатами, представленными в качестве дара. Цели экспедиций по-прежнему обширны и включают в себя такие задачи, как изучение реалий этнических культур и, соответственно, фиксация последних в форме полевых материалов и экспонатов народного творчества. В случае, если во время экспедиций сотрудники производят закупку изделий, их список, как правило, приводится в монографиях, посвященных результатам полевых изысканий.

Первой публикацией подобного рода, отражающей данный подход к фиксации экспедиционных материалов стал каталог «Этнографические коллекции Института истории» (Дарвазская этнографическая коллекция сбора 1954 года), опубликованный в 1956 году З.А.Широковой [18]. К подобного рода изданиям относится ряд публикаций последних лет.

Так, во время экспедиции в районы южных склонов Гиссарского хребта в 2013г. ее участники Л. Додхудоева, З.Юсуфбекова, М. Шовалиева, Н. Васитова приобрели ряд изделий чубтароша Хамзаева Каландара из деха Калон, джамоата Зидды, образцы тканей, выпускавшиеся в Каратаге в XX веке, ткацкий станок, а также традиционную одежду и керамические изделия, канаты и веревки ручного плетения, вышитые изделия [14]. В 2014г. экспедиция в Зарафшан (Фароб, Магиан, Шинг) в том же составе приобрела значительный объем экспонатов, среди которых были изделия из дерева, керамики, вышивка, ковры. Частично материалы этих

полевых исследований нашли отражение в статьях и альбоме «Орнамент Зеравшана» [8, 15].

Последние закупки во время полевых изысканий были сделаны в 2014 г. в Нурободском районе и сельской местности, административно относящейся к городу Рогуну, куда выехала экспедиция (участники Л. Додхудоева, З. Юсуфбекова, М. Шовалиева, Т. Ашурмадова). Так как на повестке дня стояла проблема затопления отдельных сельских поселений в связи со строительством Рогунской ГЭС, исследование велось на территории зоны затопления будущей станции. При поддержке руководства государственного учреждения «Дирекция зоны затопления Рогунской ГЭС» сотрудники провели полевые изыскания. Им удалось собрать коллекцию изделий местных мастеров: вышитые изделия, предметы деревообрабатывающего промысла, кузнечного дела, керамику, которые значительно дополнили фонды ЭМНАНТ [16].

З. Юсуфбекова, М. Шовалиева и Н. Васитова при закупке изделий чубтароша К. Хамзаева из деха Калон джамоата Зидди. 2013 г.

Этнографические экспонаты музея им. М.С. Андреева разнообразны по видам и типам, времени их создания. Они значительно дополняют фиксацию исследователями реалий этнической культуры в текстовых, аудио-визуальных записях, т.к. позволяют отразить их в конкретных памятниках материальной культуры. Они уже снабжены номерами учетных единиц музейных экспонатов. Сотрудниками ЭМНАНТ прилагаются большие усилия, чтобы создать общий каталог фондов и привести в цифровую форму информацию об экспонатах.

Между тем следует отметить, что наряду с полевыми работами собирательская деятельность в XX веке была организована планомерно и системно. Наиболее эффективным методом в области приобретения экспонатов считались специальные экспедиции, в ходе которых коллекции музея не просто собирались, но и изучались на месте. Именно эти собрания обладают полнотой информации, точностью и достоверностью указанной атрибуции, соответствующих научным требованиям. В Таджикистане почти никогда не использовался менее научный способ собирания при помощи «коллекторов» - командированных музеем собирателей. Лучшие коллекции были получены ЭМНАНТ в результате проведения широкомасштабных этнографических экспедиций.

Практика этнографического коллекционирования изделий народного ремесла и промыслов, которая велась на протяжении более 100 лет в Таджикистане, способствовала значительному увеличению фондов этнографического музея им. Андреева Национальной академии наук Таджикистана. Его коллекции в полной мере отражают этнокультуру таджиков и других народов, проживающих в республике. Приобретенные отечественными этнографами экспонаты представляют все сферы бытовой культуры и традиционного хозяйства. В свою очередь фотодокументы из собрания этнографического архива Института истории, археологии и этног-

рафии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана являются уникальными свидетельствами этнографического коллекционирования XIX-XXI веков, т.к. сохранили отдельные, весьма важные эпизоды его истории. В связи с этим ценность подобных снимков весьма значима как исторических документов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васитова Н.Р. Вклад М.С. Андреева в музееведение Таджикистана//Научный вклад М.С. Андреева в изучение истории и этнографии таджикского народа. Материалы международной конференции. Душанбе, 22 октября 2012 г. -Душанбе, 2014, -С. 136-138.

2. Додхудоева Л. Научное наследие А.А. Семенова и М.С. Андреева (архивные документы)//Под общей редакцией академика Р.М. Масова. - Душанбе, 2013.

3. Додхудоева Л. Ресурсы визуальной репрезентации полевых материалов (на примере «Альбома одежды таджиков» Н.Н. Ершова и З.А. Широковой)//Научное наследие З.А. Широковой и проблемы изучения народного творчества//Материалы международной научной конференции. Душанбе, 27 ноября 2020. -Душанбе, 2022. -С.184-196.

4. Ершов Н.Н. Собрание этнографических коллекций Института истории им. А. Дониша Академии наук Таджикской ССР. https://journal.iea.ras.ru/archive/1970s/1975/ no4/1975_4_089_Ershov.pdf.

5. Ершов Н.Н., Широкова З.А. Альбом одежды таджиков. Художники Ю.П. Гремячинская, Х.А. Жаба/Отв.ред. А.К. Писарчик. -Душанбе, 1969.

6. Коллекция по культуре народов Средней Азии: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/obzor-kollekcij/kollekcii-po-kulture-narodov-srednej-azii/>

7. Неменова Р.Л. Письмо к и. Зарубину от 10 января 1950г. Этнографический архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Личный фонд Р.Л. Неменовой. Оп.1, Ед.хр. 12.

8. Орнамент текстиля Зеравшанской долины Таджикистана. Душанбе, 2015.

9. Писарчик А. К. Народное прикладное искусство таджиков//отв. ред. Н. Н. Ершов, худож. Х. А. Жаба и Ю. П. Гремячинская. -Душанбе, 1987.

10. Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990)//Подгот. текста к печати Н. Бабаевой. -Душанбе, 2002.

11. Письмо Штеренберга к М.С. Андрееву. Этнографический архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Личный фонд М.С. Андреева. Опись №1, Ед. хр. № 15-7.

12. Полевые этнографические исследования 2013 года // Ред. Л.Н. Додхудоева. Авт.-состав: Л. Додхудоева, З. Юсуфбекова, М. Шовалиева, Н. Васитова. - Душанбе, 2014.

13. Семенов А.А. Избранные сочинения // Общ. ред. Р.М. Масова. - Душанбе, 2013.

14. Станюкович Т.В., Л.Я. Штеренберг и музей антропологии и этнографии. (К 125-летию со дня рождения ученого) // Советская этнография 1986 г., №5. - С. 88-92.

15. Таджикистан. Верховья Зеравшана. Полевые этнографические исследования 2017 г. // Ред. Р.М. Масов. Авт.-состав: Л. Додхудоева, З. Юсуфбекова, М. Шовалиева, Н. Васитова. - Душанбе, 2014.

16. Таджикистан. Нурободи Рогун: этнографические исследования (район первой очереди затопления Рогунской ГЭС) // Ред. Р.М. Масов. Авт.-состав: Л. Додхудоева, З. Юсуфбекова, М. Шовалиева, Т. Ашурмадова. - Душанбе, 2015 (второе издание 2018 г.).

17. Турьинская Х. М. Развитие этнографического музейного дела в России в конце XIX - начале XX вв.: историографическое исследование. Автор. дисс. канд. ист. наук. - Москва, 2017.

18. Ценности вне времени. К истории собирательской деятельности Российского этнографического музея в первой трети XX века: <https://ethnomuseum.ru/vystavki-i-sobytiya/vystavki/cennosti-vne-vremeni-k-istorii-sobiratel'skoj-deyatelnosti-rem-pervoj-treti-hh-v/>

19. Широкова З.А. Этнографические коллекции Института истории. Дарвазская этнографическая коллекция сбора 1954 года. - Душанбе, 1965.

ПРАКТИКА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

**(фотодокументы этнографического архива
Национальной академии наук Таджикистана)**

Лариса Додхудоева

Практика этнографического коллекционирования изделий народного ремесла и промыслов, которая велась на протяжении более 100 лет в

Таджикистане, способствовала значительному увеличению фондов этнографического музея им. Андреева Национальной академии наук Таджикистана. Его коллекции в полной мере отражают этнокультуру таджиков и других народов, проживающих в республике. Приобретенные отечественными этнографами экспонаты представляют все сферы бытовой культуры и традиционного хозяйства.

В свою очередь фотодокументы из собрания этнографического архива Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана являются уникальными свидетельствами этнографического коллекционирования XIX-XXI веков, т.к. сохранили отдельные, весьма важные эпизоды его истории. В связи с этим ценность подобных снимков весьма значима как исторических документов.

Ключевые слова: Таджикистан, история, исследователь, этнография, музей, коллекционирование, фотография, экспонат, документ.

ТАҶРИБАИ ҶАМЪОВАРИИ ЭТНОГРАФИ
(фото ҳуҷҷатҳои архиви этнографии
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон)
Додихудоева Лариса

Таҷрибаи ҷамъоварии этнографии ҳунароҳои мардумӣ, ки дар Тоҷикистон беш аз 100 сол боз роҳандозӣ шудааст, ба ҳеле афзудани фонди Осорхонаи мардумшиносии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи М.С. Андреев мусоидат кардааст. Маҷмуаҳои ӯ маданияти этникии тоҷикон ва дигар халқҳои сокини ҷумҳуриро пурра инъикос мекунад. Экспонатҳои, ки этнографҳои тоҷик ба даст овардаанд, тамоми соҳаҳои маданияти рӯзгор ва хоҷагии халқро ифода мекунад. Дар навбати худ ҳуҷҷатҳои фотографияи фонди архиви этнографии Институти таърих, археология ва этнографияи А. Дониш аз АИ Тоҷикистон далели беназири коллексияи этнографӣ дар асрҳои XIX-XXI мебошад, зеро эпизодҳои алоҳидаи ҳеле муҳимми таърихи худро нигоҳ дошта. Дар ин бобат арзиши ин гуна суратҳо ҳамчун ҳуҷҷатҳои таърихӣ ҳеле калон аст.

Калидвожаҳо: Тоҷикистон, таърих, муҳаққиқ, этнография, осорхона, коллексия, аксбардорӣ, намоишгоҳ, ҳуҷҷат.

THE PRACTICE OF ETHNOGRAPHIC COLLECTING
(photodocuments of the ethnographic archive of
National Academy of Sciences of Tajikistan)
Larisa Dodkhudoeva

The practice of ethnographic collecting of trades and handicrafts, which has been carried out for more than 100 years in Tajikistan, has contributed to a significant increase in the funds of M.S.Andreev Ethnographic Museum, National Academy of Sciences of Tajikistan. Its collections fully reflect the ethnic culture of Tajiks and other peoples living in the republic. The exhibits acquired by domestic ethnographers represent all spheres of everyday culture and traditional economy.

Photographic documents from the collection of the ethnographic archive of A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan are unique evidence of ethnographic collecting in the 19th -21st centuries, because preserved some very important episodes of its history. In this regard, the value of such photographs is very significant as historical documents.

Key words: Tajikistan, history, researcher, ethnography, museum, collecting, photography, exhibit, document

Сведения об авторе: Лариса Додхудоева-д.и.н., зав.отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АНПТЕ-mail- lorasdodo@rambler.ru

Information about author: Larisa Dodkhudoeva Dr. of Arts, Dr. of History Head of ethnographic department A.Donish Institute of history, archaeology, ethnography, Tajikistan national academy of sciences E-mail-lorasdodo@rambler.ru

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ УСТУРШАНЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
АКАДЕМИКА Н.Н. НЕГМАТОВА**

Гайбуллаева М. А.

**Худжандский государственный университет имени
академика Бободжана Гафурова**

Негматов Н.Н. в своих трудах представил политическое устройство Уструшаны: владение состояла из 18 рустаков (земледельческих округов), каждый из которых управлялся родовым дихканом. Дихкан (феодал) имел обширные земельные угодья, свою вооружённую дружину и жил в своём хорошо укрепленном кёшке (замке). В последующее после публикации монографии «Уструшана в древности и раннем средневековье» десятилетие таджикские археологи под руководством Н.Н.Негматова раскопали несколько таких замков уструшанских дихкан - Чильхуджра, Уртакурган, Тирмизактепа, Тоштемиртепа и др[15, 37].

По политическому устройству Уструшана представляла раннефеодальную монархию: во главе государства был правитель, имевший титул «афшин», а власть была наследственной. В руках афшина была сосредоточена гражданская, военная и духовная власть. Афшин являлся самым крупным землевладельцем страны. Власть в Уструшане передавалась по наследству внутри династии Кавусидов. Как было отмечено выше, афшины из рода Кавуса управляли областью самостоятельно, номинально признавая над собой власть тюрков.

При этом Н.Н.Негматов указывает, что тюркские хаканы всё-таки оказывали некоторое влияние политическую жизнь Уструшаны. В качестве примера учёный приводит эпизод, когда после подчинения Тюркского каганата Китаю, Устру-

шана номинально признала власть Китая. Более того, в книге Н.Н.Негматова приводится факт отправки посланника владетеля Уструшаны в 618-626 гг. к китайскому императору Гао-Цзу с пожеланием служить под знамёнами Китая (11, 132). Конечно же, это был дипломатический ход маленького владения для ограждения своей государственности от посягательств и притязаний могущественного соседнего государства. Тем более, что династия Тан (618-917) довольствовалась подарками и посольствами от самых отдалённых стран, принимая их как знак покорности империи (18, 110).

При изучении истории Уструшаны Н.Н.Негматов не ограничивается лишь хронологической фактов и событий истории Уструшаны. Так, в монографии «Уструшана в древности и раннем средневековье» значительный объём текста посвящен судьбе афшина Хайдара, который, как было уже сказано выше, привёл арабов в Уструшану и способствовал её завоеванию в 822 г. После этого события Хайдар служил арабам в столице халифата и достиг высокого положения. Именно он, будучи арабским начальником под именем ал-Афшин, жестоко подавил народное восстание под руководством Бабека в Азербайджане. В подтверждение своих выводов по характеристике ал-Афшина (Хайдара, сына Кавуса) Н.Н.Негматов приводит и слова А.Ю.Якубовского о Хайдаре: «Внешне он верой и правдой служил халифу, подавляя крупнейшие народные движения против арабского халифата, в частности, разгромил движение Бабека в Азербайджане, а тайно подготавливал восстание в Уструшане, намериваясь вернуть себе престол своих предков» (11, 148).

Ал-Афшин (Хайдар) собирал вокруг себя верных людей, отсылал огромные богатства из Багдада в Уструшану, поддерживал со своим братом, правившим там тайные связи. И даже был разработан маршрут побега из Багдада на Кавказ, оттуда через земли хазар к тюркам и в Уструшану. Однако, некогда предавший своих, теперь Хайдар сам оказался жерт-

вой предательства. Другой военачальник из Уструшаны - Ваджан ал-Ушрусани выдал тайну Хайдара халифу ал-Муьтасиму. Халиф арестовал Хайдара и обвинил его в государственной измене. Весь процесс суда над Хайдаром, с анализом обстоятельств, предъявленного Хайдару обвинения, выступлениями обвинителей и свидетелей, ответами ал-Афшина и другие подробности этого дела представлены в отдельном разделе книги Н.Н.Негматова (140-150).

Огромный фактический материал по истории Уструшаны, собранный Н.Н.Негматовым как во время полевых исследований, так и письменных источниках библиотек разных научных центров, послужил прочной базой для теоретических выводов и концепций по истории древней и раннесредневековой Уструшаны.

Общие черты исторической географии, политической, экономической и культурной истории Уструшаны нашли отражение в обобщающих монографических работах и крупных аналитических статьях Н.Н.Негматова в 70-90-е годы XX века. Так, во 2-ой главе своей монографии «Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.)» Н.Н.Негматов приводит полные сведения о территории Уструшаны, его замках и сельских поселениях, ремесле и торговле, политической истории и культуре. По материалам Н.Н.Негматова, область Уструшана, сыгравшая значительную роль в исторической судьбе Средней Азии, занимала территорию «ограниченную на севере рекой Сайхун (Сырдарья) и Голодной степью, на юге - Гиссарским хребтом, на западе граничила с согдийскими рустаками Яркат и Панджикент, а на востоке - с Ферганским округом Асбара (Исфара) и областью Ходжента (на северо-востоке)» (4, 38).

Административно Уструшана состояла из 18 равнинных и горных рустаков, названия которых приведены в работах Н.Н.Негматова. Так, в монографии «Уструшана в древности и раннем средневековье», в тексте докторской диссертации

«Ходжент и Уструшана в древности и средневековье», а также в монографии «Государство Саманидов» Н.Н.Негматов называет в качестве равнинных рустаки Бунджикат, Сабат, Замин, Бурнамад, Харкана, Фекнан, Шавкат и Фагкат. Согласно данным учёного рустаки Минк, Асбаникат, Бискар, Бангам, Вакр, Шагар, Масча, Бургар и Буттам были горными районами. Учёный отмечает, что Уструшана была областью с плодородными землями и богатыми недрами, её населял трудолюбивый, свободолюбивый и талантливый народ, давший истории незаурядных мастеров, известных богословов и выдающихся полководцев. Н. Н. Негматов приводит сведения источников о том, что Уструшана называлась страной 400 замков-крепостей и множества больших городов (4, 43).

Особый интерес исследователя обращён к столице Уструшаны. Собрав и изучив сообщения арабо-персоязычных историко-географических сочинений, Н. Н. Негматов составил описание столицы Уструшаны. Об этом Н.Н.Негматов в своей монографии пишет: «Главным городом области был Бунджикат - большой густонаселённый город, состоящий из шахристана, цитадели и рабада. Шахристан города, носивший название Кунб, был обнесён особой стеной с двумя воротами; через город протекала речка Сарин. Отдельной стеной с четырьмя воротами был окружён рабад. Все три части города были обнесены ещё общей, четвёртой стеной, которая включала также пригородные дворцы, кёшки, дома, сады, виноградники и огороды. Из городских построек в источниках упоминаются дворец правителя в рабаде, соборная мечеть в шахристане и тюрьма в кухандизе. Город снабжался водой каналов, выведенных из упомянутого Сарина. На этих каналах и на самой действовали до десяти водяных мельниц. По данным географов ал-Истахри, Ибн-Хаукаля и Якуби, в Бунджикате в X в. было 10-20 тысяч жителей мужского пола» (4, 38).

В городах Уструшаны производилось оружие, орудия сельского хозяйства и ремёсел, металлическая посуда, в Минке и Марсманде - высококачественное железное оружие, высоко ценившееся в Хорасане, Ираке и Багдаде. Много было крупных базаров и ярмарочных центров. Среди них Н.Н.Негматов отмечает «... уструшанский город Марсманда, являющийся крупным центром железнорудных разработок и металлического производства» (4, 83). Опираясь на свидетельства средневековых авторов Н. Н. Негматов пишет, что эти ярмарки были многолюдны и общеизвестны, их посещали торговые люди из отделённых стран. Обороты достигали очень крупной, хотя и явно преувеличенной суммы (100 тысяч динаров).

В материалах раскопок богато представлены изделия прикладных художественных ремёсел: стеклянные графины с изображением птиц (курапаток), поливной водолей в виде животного, целая коллекция бронзовых предметов и сфероконических сосудов. Ювелирные изделия уструшанских мастеров отличает очень высокое качество, высоки художественные достоинства золотых перстней и других предметов украшений шахристанского клада 1957 года (14, 238). Уровень развития ремесла Уструшаны хорошо иллюстрируют находки из памятников Шахристана. По этим находкам столица Уструшаны город Бунджикат «...выступает как развитый городской организм, характеризующийся высоким уровнем материальной и художественной культуры» (4, 42-43). Н. Н. Негматов отмечает, что «...в этом городе успешно развивался ряд ремёсел: металлообрабатывающее (кузнечное, бронзолитейное и пр.), ткацкое, керамическое, мукомольное, строительное, художественные (архитектурно-декоративное, художественная стенопись, резьба по дереву, чеканка по металлу и пр.). Анализ золотых, бронзовых и других изделий позволяет говорить о наличии в Бунджикате значительного центра ювелирного производства и о деятельности несколь-

ких мастерских, одна из которых располагалась на вышеотмеченном ансамбле Чильдухтарон...», и в общем говорить о высокоразвитом ремесленном производстве Уструшаны (14, 239). Далее, на основе всего вышеописанного Н.Н.Негматов заключает: «Всё это в целом позволяет утверждать, что здесь выявляется крупный центр древне таджикской культуры с его многогранными традициями и высоким для своего времени уровнем экономической жизни» (4, 43).

Вопросы экономической истории Уструшаны и её разные аспекты рассматривались Н. Н. Негматовым как в монографических исследованиях, так и в отдельных статьях. Уже в своей первой монографии -«Уструшана в древности раннем средневековье» Н. Н. Негматов посвятил социально-экономической истории Уструшаны специальную главу (11, 82-127), в которой, на основе имевшихся в середине XX века данных, рассмотрел сельское хозяйство, горное дело и ремесленное производство, торговлю и денежное обращение, а также общественные отношения в древней и раннесредневековой Уструшане.

Исходя из указаний письменных источников античности об существовании на территории от Туркестанских гор до Сырдарьи оседлых поселений в период походов Александра Македонского и находок при археологических раскопках памятников Н.Н.Негматов пишет о земледельческом характере хозяйства населения древней Уструшаны. Как показали исследования Н.Н.Негматова население Уструшаны очень рано, во всяком случае не позднее поздней бронзы и раннего железного века, освоило искусственное орошение. В окрестностях одного из древнейших городов области - Хватаке (городище Нуртепа) были изучены орошаемые поля и следы древнего канала (5, 9; 13, 26). Остатки каризов были обнаружены на всей территории горной и предгорной Уструшаны (1, 67). Н.Н.Негматов обращает своё внимание на историю

развития земледелия от примитивного орошения до сложных гидротехнических построек. Он совершенно прав в том, что строительство таких трудоёмких сооружений как большие каналы и вырубленные в твёрдом скальном грунте многочисленные корезы свидетельствуют в высоком уровне инженерных знаний, применённых при искусственном орошении. При раскопках древнеуструшанских памятников найдены многочисленные каменные зернотёрки, пестики, остатки серпов, мотыг и другого сельскохозяйственного инвентаря, множество крупных глиняных большеёмких сосудов - хумов и хумча для хранения зерна и других продовольственных припасов, которые ярко свидетельствуют о земледельческом характере хозяйства населения Уструшаны.

В связи с историей, развитием земледелия и ирригации Н.Н.Негматов провёл сплошное изучение бассейнов рек Уструшаны: земли, орошаемые речками Исфанасай, Аксу, Каттасай, Шахристансай, Зааминсай, Сангзар и их притоками (11, 83).

Н. Н. Негматов отмечает, что «главными отраслями сельского хозяйства Уструшаны были возделывание зерновых культур и скотоводство. Возделыванием зерновых культур занимались во всех горных рустаках, включая шахристанскую котловину и столичный рустак» (11, 89). Исследователю удалось определить и основные виды посевных культур. Опираясь на находки обгорелых зёрен и сообщениях Истахри о плодородных пашнях под зерновые культуры в Уструшане, Н.Н.Негматов пишет, что здесь «...сеялись пшеница, ячмень, просо, бобы и рис. Рис сеяли, по-видимому, в левобережной пойменной полосе Сырдарьи, где и ныне эти места по преимуществу засеваются рисом. Частично рис сеялся, вероятно, и в многоводных пойменно-болотистых тогда низовьях Зааминсу» (11, 89).

В равнинных рустаках было развито садоводство, в подтверждение чего Н.Н.Негматов приводит сведения Ал-

Истахри и Ибн Хаукаля об изобилии фруктов, о густоте и множестве фруктовых деревьев и сожалеет, что «...географы не называют нам виды и сорта фруктов и фруктовых деревьев» (11, 90). По мнению Н.Н.Негматова, исторические условия способствовали развитию земледелия в Уструшане. Особый подъём хозяйства и в целом, экономики этой области наблюдается в VII-IX вв. Н.Н.Негматов заключает, что «...Уструшана этого времени выступает как развитая многоотраслевая земледельческая область с естественным (горные реки, источники) и развитым искусственным (каналы, каризы) орошением» (11, 83). Что касается конкретно земледелия, то оно «... достигло высшего расцвета в IX-IX вв.» (11, 90).

По результатам изучения памятников горных долин, в частности Актанги, Негматов пришёл к выводу о том, что население этих районов Уструшаны занималось отгонным скотоводством и земледелием в пригодных к нему долинах горных рек и террасах (7, 58).

Среди специальных работ Н.Н.Негматова, посвященных истории хозяйственной жизни Уструшаны следует назвать большую аналитическую статью «К проблеме компактных селений Уструшаны и Ходжентской области в средние века» (8, 145-164). В этой статье Н.Н.Негматов провёл аналитический обзор истории сельских поселений горной Уструшаны, основанный на материалах трёх крупных памятников – Хон Яйлов, Карабулакское городище и Сомгор. Для нашей темы важна первая часть работы, в которой Н.Н.Негматов провёл историко-сопоставительный анализ хозяйства двух крупных поселений Уструшаны - Хоняйлов и Карабулакское городище, расположенный непосредственно на территории историко-культурной области Уструшана.

Рассматриваемые в названной статье Н.Н.Негматова поселения Уструшаны – Карабулак и Хон Яйлов - относятся к одному историческому отрезку X-XIII вв. Однако, располо-

женные друг от друга на определённой удалённости памятники позволяют дать обобщённый образ сельских поселений. В связи с этим, Н.Н.Негматов приводит результаты многолетних исследований Г.А.Брыкиной на Карабулаке и сопоставляет их с материалами, полученными им самим на поселении Хоняйлов.

Эти материалы хорошо иллюстрируют историческую картину жизни людей в горных условиях, когда географическая среда определяет род занятий, архитектуру, условия проживания и быт населения, а кости животных дают представления о видах животных. Исходя из материалов, Н.Н.Негматов приходит к определению отношений в обществе: «облик селения Хон Яйлов пишет исследователь, - планировка вскрытых построек и наличие скотоводческого хозяйства указывают в некоторой степени на общинный характер уклада жизни населения» и далее «Может быть, жизнь селения Хон Яйлов в какой-то мере связана с институтом сельских общин и сельского общинного хозяйства, однако для подтверждения этого, материалов, имеющихся в нашем распоряжении, недостаточно» (8, 157). И всё же, Н.Н.Негматов приходит к заключению, что «в Уструшане и Ходжентской области эволюция большой патриархальной общины - большой и малой семьи шла по аналогичному с Согдом пути, почти в тех же темпах, и, как вытекает из имеющихся материалов, в VIII-XII вв., мы здесь имеем выделившуюся в самостоятельную хозяйственную единицу - малую семью. Думается, права Е.Е.Неразик, оспаривающая сложившееся суждение историков о незыблемости большесемейной общины у земледельческого населения Средней Азии, этой консервативной основы среднеазиатского общества» (8, 162).

В то время, жизнь на Карабулакском городище была, по определению Н.Н.Негматова «довольно развита», о чём свидетельствуют зафиксированные там остатки коммунальных

удобств (водопроводные гончарные трубы и т.п.). Быт жителей Карабулака был скорее сельский, чем городской, и особой пышностью не отличался. Среди всех вскрытых жилых комплексов особо выделяющихся парадных зданий нет. Обнаруженные здесь предметы материальной культуры свидетельствуют о наличии местного стекольного производства (шлакированное стекло), молочного хозяйства (керамические маслобойки и цеделки) и земледелия (железные сенокосные серпы, массивные железные проушные топоры с расширяющимся лезвием).

Это всё показывает многообразие экономической деятельности местного населения. Карабулак иллюстрирует жизнь заурядного уструшанского посёлка X-XII вв., жители которого вели земледельческое, домашнее и пастушеское скотоводческое и ремесленное натуральное хозяйство. Такое сочетание земледелия и домашнего ремесла – отличительная черта многих крупных поселений Мавераннахра раннего и развитого средневековья.

Исходя из полученных на Карабулакском городище материалов, Н.Н.Негматов считает, что исследование Г.А.Брыкиной на Карабулакском городище представляет хороший пример для характеристики социально экономической жизни сельского населения восточной окраины Уструшаны.

Приведённые Н.Н.Негматовым данные важны и с точки зрения уникальности материала. Как подчёркивает сам исследователь, “... нигде в Средней Азии, ни в её равнинных областях, ни тем более в горных районах, не изучались целые компактные селения эпохи раннего и развитого феодального общества” (8, 147). Это важный исторический период в истории таджикского народа. Согласно марксистской формационной теории, в период раннего средневековья происходили процессы возникновения, становления и утверждения феодальных отношений, что является одной из важнейших проблем исторической науки.

Материалы, приведённые в статье Н.Н.Негматова – облик селений, производственная жизнь и взаимоотношения сельских поселений с ремесленным и торговым городом, структура сельской общины, занятия сельского населения Уструшаны - важны для понимания характера социально-экономической феодальной формации.

ЛИТЕРАТУРА

1.Билалов А. Из истории ирригации Уструшаны. Материальная культура Уструшаны. Вып.5. -Душанбе: Дониш, 1980.

2.Гоибов Г. Ранние походы арабов в Мавераннахр. -Душанбе: Дониш, 1989.

3.История таджикского народа. В 6 томах. -Т.2. Под редакцией академика Н.Н.Негматова. -Душанбе, 1999.

4.Негматов Н.Н. Государство Саманидов. (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.). -Душанбе: Дониш, 1977.

5.Негматов Н.Н. Исследования в Северном Таджикистане в 1985 г//Археологические работы в Таджикистане. -Вып.25(1985). -Душанбе, 1994. -С.9-16.

6.Негматов Н.Н. Исследования СТАКЭ в 1984 г//АРТ. -Вып.24 (1984). -Душанбе: Дониш, 1993.

7.Негматов Н.Н. К истории средневекового скотоводческо-земледельческого хозяйства горной Уструшаны//Проблемы археологии Средней Азии/Тезисы докл. и сообщ. к Совещанию по археологии Средней Азии(1-7 апр.1968). -Л., 1968. -С.56-58.

8.Негматов Н.Н. К проблеме компактных селений Уструшаны и Ходжентской области в средние века//Материальная культура Таджикистана. - Вып.3. -Душанбе: Дониш, 1978. -.145-164.

9.Негматов Н.Н. Некоторые сюжеты памятников искусства Уструшаны//Ближний Восток, Кавказ, Средняя Азия: проблемы взаимосвязи культур в эпоху средневековья. Крат.тез.докл. к конф. -Л., 1972. -С.39-40.

10.Негматов Н.Н. Уструшана в борьбе с арабским нашествием (конец VII -первая половина IX вв.)//Издв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ.наук. -1954. -№5. -С.117-135.

11.Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. -Сталинабад, 1957. -С.127-153.

12.Негматов Н.Н. Характер и уровень материальной культуры Уструшаны//Успехи среднеазиатской археологии. -Вып.4. -Л., 1979. - С.10-17.

13. Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Общий отчёт об исследованиях Нуртепа в 1980-1985 г. и предложения по дальнейшему изучению и сохранению памятника//АРТ, вып. XXУ (1985). - Душанбе, 1994.
14. Негматов Н.Н., Кильчевская Э.В. Находки ювелирных изделий из Шахристана//Советская археология. -1964. -№ 3. -С.238-246
15. Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уртакурган и Тирмизактепа. -Душанбе, 1972.
16. Пулатов У.П. Работы Дахкатской группы в 1984 г//АРТ. -Вып.24. 1984. -Душанбе: Дониш, 1993. - С.78-80.
17. Пулатов У. П. Чильхуджра//Материальная культура Уструшаны 3. - Душанбе, 1975.
18. Шефер. Золотые персики Самарканда. -М.: Наука, 1983.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ УСУТРШАНЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АКАДЕМИКА Н.Н.НЕГМАТОВА

Статья посвящена вопросу вклада академика Нумона Негматова изучению истории древней и раннесредневековой Уструшаны. Благодаря трудам академика Н.Негматова получено много материалов по истории, археологии, этнографии и культуры этой историко-культурной области.

Многообразие экономической деятельности местного населения. Карабулак иллюстрирует жизнь заурядного уструшанского посёлка X-XIII вв., жители которого вели земледельческое, домашнее и пастушеское скотоводческое и ремесленное натуральное хозяйство. Такое сочетание земледелия и домашнего ремесла – отличительная черта многих крупных поселений Мавераннахра раннего и развитого средневековья. Как подчёркивает сам исследователь, "... нигде в Средней Азии, ни в её равнинных областях, ни тем более в горных районах, не изучались целые компактные селения эпохи раннего и развитого феодального общества. Это важный исторический период в истории таджикского народа. Согласно марксистской формационной теории, в период раннего средневековья происходили процессы возникновения, становления и утверждения феодальных отношений, что является одной из важнейших проблем исторической науки.

Ключевые слова: Уструшана, история, этническая структура, материальная культура, духовная культура, историческая география.

ВАЗЪИ СИЁСӢ ВА ИҚТИСОДИИ ИСТАРАВШАНИ АСРИМИЁНАГӢ АЗ НИГОҲӢИ АКАДЕМИК Н.Н.НЕЪМАТОВ

Мақола ба саҳми академик Нуъмон Неъматов дар омӯзиши таърихи Уструшанаи қадим ва асри миёнагӣ бахшида шудааст. Ба шарофати меҳнати академик Н.Неъматов маводи зиёд доир ба таърих, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ ва фарҳанги ин вилояти таърихӣ-фарҳангӣ ба даст омаданд. Гуногунрангии ҷаъолияти иқтисодии аҳолии маҳаллӣ. Қаробулоқ ҳаёти деҳаи одии Уструшанаи асрҳои X-XII-ро тасвир менамояд, ки сокинони он бо заминдорӣ, чорводорӣ хонагӣ ва чарогоҳӣ хоҷагии хунармандӣ машғул буданд. Ин комбинатсияи кишоварзӣ ва хунармандии хонагӣ аломати бисёр нутаҳои аҳолинишини Моваруннаҳри асрҳои ибтидоӣ ва тараққикарда мебошад.

Тавре ҳуди ҳуди муҳаққиқ таъкид мекунад, «... дар ҳеч кучо дар Осӣи Миёна ва на дар водихои он ва ҳатто дар минтақаҳои кӯхистон, тамоми дехоти фишурдашудаи ҷомеаи феодалии ибтидоӣ ва тараққикарда омӯхта нашудаанд. Ин давраи муҳими таърихӣ дар таърихи халқи тоҷик аст. Тибқи назарияи ташаққули марксистӣ, раванҷҳои пайдоиш, ташаққул ва барқароршавии муносибатҳои феодалии дар асрҳои асримиенагии барвақт, ки яке аз масъалаҳои муҳимтарини илми таърих ба ҳисоб мераванд, ба амал омадаанд.

Калидвожаҳо: Уструшана, таърих, сохтори этникӣ, фарҳанги моддӣ, фарҳангимаънавӣ, ҷуғрофияи таърихӣ.

THE POLITICAL AND ECONOMIC SITUATION OF MEDIEVAL USTURSHANA FROM THE POINT OF VIEW OF ACADEMICIAN N.N.NEMATOV

The article is devoted to the contribution of academician Numon Negmatov to the study of the history of ancient and early medieval Ustrushana. Thanks to the work of Academician N. Negmatov, a lot of materials have been obtained on the history, archeology, ethnography and culture of this historical and cultural area.

The diversity of economic activities of the local population. Karabulak illustrates the life of an ordinary Ustrushansky village of the X-XII centuries, whose inhabitants conducted agricultural, domestic and shepherd cattle breeding and craft subsistence farming. This combination of farming and home crafts is a hallmark of many large settlements of Maverannahra of the early and developed Middle Ages.

As the researcher himself emphasizes, "... nowhere in Central Asia, nor in its lowland areas, and even less so in the mountainous regions, whole compact villages of the era of the early and developed feudal society were not studied. This is an important historical period in the history of the Tajik

people. According to Marxist formation theory, the processes of the emergence, formation and establishment of feudal relations took place in the early Middle Ages, which is one of the most important problems of historical science.

Keywords: Ustrushana, history, ethnic structure, material culture, spiritual culture, historical geography.

Сведения об авторе: Гайбуллаева Мохира Абдукаюмовна – к.и.н., доцент кафедры археологии и этнографии таджикского народа ХГУ им. академика Б.Гафурова. Адрес: г. Худжанд, проезд Мавлонбекова №1, moha-2905@mail.ru. Тел.: 92-728-07-11.

About the author: Gaybullaeva Mohira Abdukayumovna - candidate of historical, Sciences senior lecturer of the Department of Archeology and Ethnography of the Tajik people KSU named after academician B. Gafurov. Address: Khujand passage of Mavlonbekova №1, moha-2905@mail.ru. Tel: +992 92-728-07-11.

БОНУИ ҲУНАРМАНД ВА СОҲИБКОР

Шафоат Ҳошимова

Занону духтарон метавонанд дар ҳама соҳаҳо нақшу макоми махсусе дошта бошанд. Риояи баробарҳуқуқии зан дар меҳвари сиёсати пешгирифтаи Ҳукумати кишвар қарор дорад. Аз ин ҷост, ки ба фаъолияти сиёсӣ, иҷтимоӣ, фарҳангӣ, илмӣ ва соҳибкорӣ дар солҳои Истиклолият нишон дод, ки ин кишр бо садокати вафодорӣ ба оила, ҷамъият ва давлат масъулияти муҳимро иҷро карда метавонад. Рушди ҳама гуна ҷомеа бидуни марифатнокӣ ва фаъолмандии занон ғайри имкон аст. Ҳамин аст, ки кишвар нисбат ба занону духтарон сиёсати некеро пешгирифта, мақсад гузоштааст, ки нақши онҳоро дар ҷомеа баланд бардорад.

Ба хунармандӣ ҷалб кардан ва соҳибқасб намудани занон яке аз масъалаҳои муҳимест, ки Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ҳамеша сари он таъкид мекунанд. Чуноне ки Пешвои миллат қайд кардаанд «...Дар замони соҳибистиклолӣ як қатор стратегияву барномаҳои давлатӣ, дар ин самт амалӣ гардида, барои фаъолияти занон имкониятҳои васеъ фароҳам оварда шудаанд» [1]. Дар партави ин ғамхориҳо бонувони Хучандшаҳр низ масъулияти бештар ҳис мекунанд. Қариб ҳамаҷуз ба бахши занон ва оилаи ҳукумати шаҳр бонувони зиёде барои омӯхтани касбу хунарҳои гуногун дар курсҳои омӯзишӣ ва ба хотири боло бурдани қобилияти ташкилотчигии хеш дар семинару тренингиҳо, муроҷиат менамоянд.

Қайд кардан зарураст, ки ташкили курсҳои кӯтоҳмуддат барои аҳолии бешуғл дар ҳама шаҳру ноҳияҳо, ки чанд сол пеш бо ташаббуси Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон сурат гирифт, таъсири амиқи худро барои касбомӯзии сокинони бешуғл гузошт. Ин иқдом пеш аз ҳама занону

духтарону хонашинро руҳбаланд ва ба онҳо руҳия ва неруи тоза бахшид. Дар натиҷа занону модарони зиёде имрӯз хунарҳое монанди қолинбофӣ, дӯзандагӣ, бофандагӣ ва ғайраро аз бар намудаанд. Яке аз омилҳои тақондиҳандаи эҳёи хунарҳои мардумӣ ин эълон гардидани «Соли рушди сайёҳӣ ва хунарҳои мардумӣ ва солҳои рушди деҳот, сайёҳӣ ва хунарҳои мардумӣ» [1] мебошад.

Зеро баҳри рушди бемайлони хунарҳои мардумӣ имтиёзҳои андозӣ ва гранту қарзҳои имтиёзнок пешниҳод карда шудааст.

Маҳсули меҳнати занони бешуғл, ки барои ҷалби онҳо намоишгоҳҳо таъкил карда маҳсулоти беҳтарини занонро дар шаҳрҳои Хучанд Панҷакент, Гулистон, Бохтар, Кӯлоб ва ноҳияи Б.Ғафуров ба намоиш мегузоранд.

Зикр қардан бамаврид аст, ки аксар нафарони соҳибкор дар самти эҳёи хунарҳои мардумӣ шугл варзанда бонувонанд.

Сухан дар бораи бонӯе меъравад, ки ҳамаи фаъолияти худро баҳри инкишоф додани хунармандӣ сарф кардааст. Мавсуф Мунира Оқилова буда, соли 1994 баъд аз хатми литсейи №1 ба номи академик Муҳаммад Осимӣ ба Донишгоҳи давлатии Хучанд дохил шуда онро бо ихтисосҳои «иқтисодиёт ва менеҷмент» (соли 1999) ва «тарроҳ ва графика» (соли 2016) хатм намудааст. Мунира донандаи забони тоҷикӣ, русӣ, англисӣ ва форсӣ буда, малакаи хуби кор бо компютерро доро мебошад. Бо якҷанд лоиҳаҳо корбарӣ карда, муваффақиятҳои назаррасро ба даст овардааст.

Таҷрибаи кории пурмаҳсули Мунира Оқилова ниҳоят баланд буда, дар Хучандшаҳр барои ҷалби занони бешуғл хизматҳои назаррасро ба анҷом расонидааст. Аз соли 2016 то имрӯз ба ассотсиатсияи рушди туризми Зарафшон шомил гашта, менеҷнери лоиҳаи «Фарҳангро бунёд мекунем дар оянда» мебошад ва бо сафоратҳои давлатҳои хориҷа робитаи кавиро пайваст намудааст. Моҳҳои апрел-июни соли 2018 менеҷнери лоиҳаи хунарҳои AFT, UNDP, APC3 май- октябри

соли 2017 менедчери лоиҳаи ҳунарҳои дастӣ дар навоҳии Айнӣ ва Панҷакент буда, фаъолияти хуби назаррасро ба даст овардааст [2].

Дар натиҷаи талошҳои шабонарӯзии худ Мунира Оқилова дар шаҳри Хучанд ва ноҳияҳои дурдасти Тоҷикистони Шимолӣ таҷрибаи тренерии худро сайқал дода, моҳи апрели соли 2019 барои мубодилаи таҷриба ба пойтахти Тоҷикистон шаҳри Душанбе дар мавзӯи «Пешбурди маҳсулоти ҳунармандӣ» тренинги омӯзишӣ гузаронидааст. Моҳи июли соли 2019 брейтнинги ВАО-и иҷтимоӣ дар соҳаи туризм ва ҳунармандӣ, моҳи июни 2019 дар ноҳияи Айнӣ идоракуни хона ва баҳисобгирӣ, туризм ва лоиҳаи ҳунармандӣ БРСММ ва августи соли 2019 дар асоси лоиҳаи БРСММ дар мавзӯи идоракунии устохонаҳои ҳунармандӣ, сайёҳӣ ва ҳунармандӣ тренингиҳои мубрами ба ҷомеаи имрӯза мувофиқро пешкаши занони бешуғл ва соҳибхоназанҳо кардаанд.

Зикр кардан зарур аст, ки дар конфронсҳои ҷумҳуриявӣ, байналмиллалӣ бо маърузаҳои пур муҳтавои худ аз ҳунарҳои занони водии Зарафшон маълумот пешниҳод кардааст. Сентябри соли 2019 дар конфронси илмӣ амалӣ дар доираи байналмиллалӣ дар шаҳри Қўқанд оиди ҳунарҳои дастӣ маърузаи пурмуҳтаво кардааст. 10-11 моҳи декабри соли 2018 дар анҷумани байналхалқии «Мероси фарҳангии Ўзбекистон» дар маҷмуаҳои ҷаҳонӣ дар шаҳри Тошканд иштирок ба маърузаҳо намудааст. Моҳи сентябри соли 2016 дар шаҳри Бишкек оиди маркенти мода маъруза намудааст. Инчунин Мунира Оқилова дар лоиҳа ва идрорпулӣ ба зинаҳои назаррас қадам монда ҳамчун менедчери лоиҳа дар якҷанд лоиҳаҳои ҳунармандӣ ва туризм, менедчери лоиҳаи сайёҳӣ ва ҳунармандӣ «Эҳёи Фарҳанг», «Ояндаро эҷод кунед» соли 2018 ба мувффақиятҳои калон ноил гаштааст. Май-ноябри соли 2017 менедчери лоиҳаи Бунёди маркази туристӣ дар Панҷакент AFT UNDP дар якҷанд лоиҳаҳо коршинос, мураббӣ, тренер фаъолият бурда, ҳунарҳои мардумии водии Зарафшонро

барои харидорӣ намудан ба бозорҳои беруна кӯшишу талошҳои зиёде кардааст. Аз тарафи роҳбарони лоихаҳои пешниҳодшуда соҳиби якчанд мукофотҳо гаштааст. Соли 2014 дар лоихаи инфиродии «Туппӣ» соҳиби тӯҳфа гашт. Соли 2014 аз тарафи APC3 дар ороиши деворӣ соҳиби мукофот гаштааст. Соли 2018 аз тарафи Ҳукумати вилояти Суғд ҷойи аввалро барои беҳтарин маҳсулоти туристӣ сазовор гашт. Соли 2019 дар шаҳри Тошканд дар намоиши байналмиллалӣ хунармандон сазовори ҷойи якум гашт [3].

Моҳи январӣ соли 2015 дар шаҳри Хучанд дар намоишгоҳи асосҳои санъат ва гулдӯзии дастӣ барои кӯдаконро ташкил намуда қобили қабули ҷомеаи муосир гашта буд. Инчунин Мунира Оқилова намоиши хунарҳои мардумиро моҳи декабри соли 2019 таҳти Artigiano дар Fiera Милан моҳи ноябри 2019 дар ярмаркаи байналхалқии туристии Тошканд моҳи апрели соли 2017 дар шаҳри Москва, моҳи мартӣ соли 2017 дар шаҳри Алма-ато намоишҳои хунарҳои дастии занони тоҷикро пешниҳод кардааст.

Соли ҷорӣ як гурӯҳи нави занони маъҷуб низ ба қор бо Хунарҳои Хунармандии Армуғон шурӯъ карданд, ки шумораи умумии иштирокчиёно ба 25 нафар расонид, бисёре аз ин занон бо сабаби таназзули иқтисодӣ ҷаҳонӣ маҷбур шуданд, ки ба худ ва фарзандонашонро парасторӣ намудан, қоркунанд, зеро бисёре аз мардон тоҷик барои дарёфти ризқу рӯзитарки кишвар кардаанд. Муҳаббати гулдӯзидар Мунира дар аввали солҳои 90-ум, вақте ки ӯ 11 ё 12 сола буд, оғоз ёфт. Ҳангоми таътили тобистона синфи ӯро барои кумак ба тоқзор фирисоданд. Муаллим меҳнати дӯзандагӣ ва эҷодиёти ӯро эътироф кард ва аз ӯ хоҳиш намуд, хунаро сайқал диҳад.

Мунира Ақилова аз Хучанд, Тоҷикистон соҳиби тичорати хунарҳои шахсии худ Arinuncrafts буда, инчунин, мушовир ва ороишгари маснуоти хунарҳои Arinuncrafts, бозгари хунарҳои Ассотсиатсияи рушди сайёҳии Зарафшон (APC3) хизмат

мекунад. Мунира касбашро дар соҳаи иқтисод оғоз намуда, 14 сол ҳамчун муаллими донишгоҳ фаъолият бурдааст қабл аз тасмими аз донишгоҳ рафтан ба махфилҳои дӯстдоштаи гулдӯзӣ шуғл варзида онро батичорат табдил дод. Мунира бо ЗТДА моҳи июни соли 2013 ба кор шурӯъ кард. ТДА дар солҳои 2009, 2011 ва 2013-2014 бо мақсади ҳифз, рушд ва рушди анъанаҳои санъати ватанӣ, инчунин беҳтар кардани сифати зиндагии занони сокини деҳаи Панҷакенти бо чалбкунӣ якчанд лоиҳаҳои ҳунариро амалӣ кардааст. Тавассути ин лоиҳаҳои ҳунармандӣ, Армуғон бо занони бекор аз манотиқи камбизоати кӯҳистон ба кор шурӯъ кард ва ҳоло бо якчанд гурӯҳҳои занон кор мекунад.

Омӯзишҳои АРСЗ барои устоҳои соҳаи нассочӣ дар водии Зарафшан оид ба масъалаҳои иқтисодӣ, маркетинг ва тарроҳӣ ба чамъшавӣ, барқароршавӣ ва дар баъзе минтақаҳо - эҳёи бахши ҳунармандӣ саҳми назаррас гузоштанд. Дар ибтидо, Мунира ба омӯхтани ҳунарҳои суннатии тоҷикии сӯзонӣ, курок ва қолинҳо тавассути лоиҳаҳои ҳунарии АРСЗ даъват карда шуд. Дар давоми семинарҳои АРСЗ Мунира ҳамчун як мушовири коршиносон бо ҳунармандон кор карда, коллексияҳои хусусӣ ва музейро барои чамъоварии намунаҳои хуби санъати халқӣ таҳқиқ мекард. Вай аввал намунаҳои матоъ ва тарроҳии Зарафшонро ташкил кард ва сипас ин матоъҳои анъанавиро дар заминаи вазъияти мушаххаси таърихии онҳо таҳлил кард. Ҳамаи ин корҳои пешакии амалӣ ва назариявӣ ба таҳияи феҳристи аввалини намунаҳои ороишӣ ва ороишоти Зарафшан бо таҳрири Мунира мусоидат карданд. Ба ақидаи доктори илмҳои таърих профессор Лариса Додхудоевна, «...Гуногунии рангҳои гуногун ва нақшҳои ороишии дар ин феҳрист дохилшуда умедвор аст, ки ин намунаҳои гаронбаҳо - як навъ далели таърих ва фарҳанги Зарафшон, боиси тавачҷуҳи махсус хоҳанд шуд. Мунира дар байни ганҷинаи ҷаҳонии заргарии бофандагӣ тавачҷуҳи хонандагони худро ба даст меорад ва пас аз кор бо ЗТДА,

Мунира тарроҳии маҳсулот барои хунарҳои Армуғон шуд» [2]. Ҳар дафъа ӯ тарҳи навино эҷод мекунад, ҳамеша кӯшиш мекунад, ки як қисми Зарафшонро ба он илова кунад. Ин маънои онро дорад, ки ҳама маҳсулоти мо бояд ороиш ва намунаҳои Зарафшон дошта бошанд. Вай инчунин амиқ дар бораи он, ки маҳсулот чӣ гуна истифода хоҳад шуд, аз ҷониби кӣ ва кай истифода мешавад ва сипас ба ранг таваҷҷуҳ мекунад. Тавре ӯ фаҳмонд: ҳар як порча маъноӣ худро дорад [5].

Ин раванDEST, ки ба тарроҳии маҳсулоти Мунира оварда расонид, ки ҷоиҳои ЮНЕСКО Аҷлоҳии хунархоро ба даст овард. Мунира инчунин гулдӯзии хунармандӣ ва дигар ашӯи хурди ороширо барои хунармандон истифода мекунад, ки бо гурӯҳҳои занони ҷавон аз Панҷакент ва дигар минтақаҳои вилояти Суғд кор мекунад. Зоҳираи деворӣ Марҳамат ва якчанд болиштҳои дастӣ ва гулдӯзии дастӣ, ки Мунира тарроҳӣ кардааст, барои иштирок дар ярмаркаи байналмилалӣ санъати халқии Санта-Фе дар соли 2015 интихоб карда шудааст (таваҷҷуҳи стандарти дастовардҳои барҷастаи ЮНЕСКО), ки вай аввалин намоёнҳои тоҷик мебошад. Вай инчунин бапешкаши хунарҳои мардумӣ дархости мустақим дар бозори хунарҳои маъруфи Санта-Фе бозори калонтарин бозори байналмилалӣ дар ҷаҳон машғул аст. Тавре Мунира шарҳ дод, мо мехоҳем фарҳангро эҳё кунем ва ояндаро бунёд кунем. Мо санъати анъанавӣ бофандагиро ба маҳсулоти нав табдил медиҳем. Мо мекӯшем моделҳо ва усулҳои кӯхнаро эҳё намоем ва онҳоро дар маҳсулоти нави бозордор истифода барем, ки дар оянда ба мо кӯмак мерасонанд [5].

Мунира бо гурӯҳи занони ҷавон аз ноҳияҳои гуногуни водии Зарафшон, аз ҷумла, Панҷакент, Ҷаббор Расулов ва Бобоҷон Ғафуров кор мекунад.

Қайд кардан зарур аст, бо ташаббуси Мунира Оқилова бисёр намоишгоҳҳо ташкил шуда, маҳсули меҳнати занони бешуғл ба тамошо гузошта шуд.

Дар мисоли феввали 2019 дар шаҳри Хучанд маркетинг ва туризм, ноябри 2019 дар шаҳри Панҷакент дар намоишгоҳи рушди маҳсулот ва тарғиби он дар сайёҳӣ ва ҳунармандӣ, июли соли 2018 дар шаҳри Бохтар, майи соли 2018 дар шаҳри Гулистон, майи 2017 дар ноҳияи Б.Ғафуров дар намоишгоҳи рушди маҳсулот, апрели соли 2017 дар шаҳри Кӯлоб иштирок дар ярмаркаҳо маҳсулоти ҳунармандоне, ки дар асоси лоиҳа бо занони бешуғл корбарӣ кардааст, пешниҳод карда шуда буд.

Он вақт либосҳои гулдӯзии чинӣ хеле маъмул буданд, бинобар ин ӯ ба сабки чинӣ, гулҳо ва баргҳои думаш оғоз кард. Пас аз аввали тобистон вай ба харидани маҷаллаҳо ва китобҳои гуногун оид ба дӯзандагӣ шурӯъ кард ва ба ҷамъовариҳои маълумот аз китобҳо ва ҳатто энциклопедияҳо шурӯъ кард. Кори дӯстдоштаи ӯ аз ин давраи ибтидоӣ дастмоле буд, ки барои модари мизбонаш ҳангоми сафари аввалини худ ба Иёлоти Муттаҳида дар синни наврасӣ сохтааст. Баъдтар вай ба таҳияи наққошиҳои чорчӯба ҳамчун тӯҳфа барои мактаб ва дӯстони наздикаш оғоз кард, аммо, ба қавли худаш, онҳо хеле кӯдакона ва одӣ буданд. Дар таҷрибаи 25-солаи гулдӯзии худ, Мунира дар шакли гуногун сеҳргарӣ, аз ҷумла, лавозимот, либос, раҳти хоб ва ғайра офаридааст. Ӯ роҳигулдӯзӣ дурударозро тай намуд. Мунира тасмим гирифт, ки гулдӯзиро самти асосии ҳаёти худ интихоб намуд, ки танҳо санъати гулдӯзӣ саломатӣ ва муҳаббатро ба ҳаёт барқарор кард. Мунира на танҳо бо кӯшиши рушди ҳунарҳои дастии нав барои фурӯш, балки ҳамеша роҳҳои нави густариши доираи кори худро меҷӯяд. Ӯ ба бисёр қонун дарсҳои махсуси гулдӯзиро дода, духтаронро низ ба ин кор ҷалб менамуд. Вақте аз ӯ пурсиданд, ки чаро ӯ дарс доданро дӯст медорад, ӯ посух дод. Ба назарам чунин менамояд, ки таълимдиҳӣ рисолати ман аст. Ман бо бадтарин хонандаи синф кор карданро дӯст медорам. Вақте ки шумо тағйиротро дар онҳо мебинед, вақте онҳо ҳис мекунанд, ки онҳо аз дигарон хеле

дуранд ва шумо ҳамроҳи онҳо кор мекунед, ин ба он монанд аст, ки шумо ба онҳо имконият медиҳед, ки ба худ бовар кунанд. Чашмони онҳо дурахшон мешаванд. Вақте ки сухан дар бораи санъат меравад, он чашмони шуморо ба олами зебӣ боз мекунад. Донишҷӯён ба ҳаёт ва ҷаҳон бо чашми калб нигоҳ мекунанд. Ман боварӣ дорам, ки ин ба саломатӣ ва хушбахтии онҳо сабаб шуда метавонад[5].

Мунираҳо ба АРСЗ кор мекунад, то ки дар осорхонаи Душанбе намоишгоҳи махсуси осорхонаи бофандагӣ аз Зарафшон ташкил карда шавад. Барои қораш бо занони дехот, Мунира ба наздикӣ ба ҷоизаи Бунёди Саммити Умумиҷаҳонии Занон барои занони дехот дар соли 2015 пешбарӣ шуда буд. Хоҳиши беҳири Мунира дар тағир додани олам маҳз тамин намудани занони тоҷик бо қорҳо ва ҳунарҳои мардумӣ ва аз ин ҷиҳат беҳтар гардонидани вазъи иқтисодӣ зиндагии мардуми тоҷикро дар бар мегирад ва дар ин самт дар паи ҷустуҷӯ, навоарӣ ва эҷодкорӣ мебошад. Дар ин ҷода ба ӯ сарбаландӣ ва бурдборӣ ҳаманро мекунам.

Дар симои Мунира Оқилова, ки ба сиёати пешгирифтаи Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ - Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон амал намудааст тамоми занони муосири пешқадами тоҷикро мебинам, ки баҳри рушди нумӯи кишвар миён бастаанд, бодо, ки чунин занони фаъол бештар шаванд.

АДАБИЁТ:

1. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи самтҳои сиёсати дохилӣ ва хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон». Душанбе. 26 декабри соли 2018.
2. М.Оқилова. Намунаи «Нақшҳои Зарафшон Текстил», Туркия, 2004.
3. М.Оқилова. Тоҷикистон Шимолӣ: туризм ва ҳунар, Душанбе, 2016.
4. М.Оқилова. Шимолӣ Тоҷикистон Сайёҳӣ ва ҳунар, 2-юми наشري, шаҳри Душанбе, соли 2017.
5. Сухбат бо Мунира Оқилова моҳи март соли 2020.
6. Л.Додхудоева, М.Оқилова. Харитаи вилояти Суғд, 2018.
7. М. Оқилова. Харитаи шаҳри Хучанд. 2019.

БОНУИ ХУНАРМАНД ВА СОҲИБКОР

Шафоат Ҳошимова

Дар мақола оиди бонуи хунарманде, ки тавонист бо талошҳои худ ҷалби занону духтарони бешуғро ба хунарҳои мардумӣ ҷалб намудааст. Инчунин роҳҳои ба хунармандӣ ҷалб кардан ва соҳибкасб намудани занони бешуғл сухан меравад. Инчунин оиди бонуе, ки хунарҳои мардумиро ба самғи тиҷорат ворид кардааст ва нақшу мақоми занони бешуғро баланд бардоштааст. Дар мақола бо ташаббуси ин зани оқила ҷӣ гуна намоишгоҳҳо дар кишвар ва берун аз он таъкил кардааст маълумот дода шудааст.

Инчунин Мунира Оқилова соҳиби тиҷорати хунарҳои шахсии худ *Artium craft* шудааст ва мушовир ва ороишгар маснуоти хунарҳои Армуғон бозғӣи хунарҳои Ассотсиатсияи рӯшди сайёҳии Зарафшон (АРСЗ) хизмат кардааст ба қалам дода шудааст.

Калидвожаҳо: Хунармаманд, касбомӯзӣ, қолинбофӣ, дӯзандагӣ, бофандагӣ, иқтисодиёт, маркетинг, таррох, тренинг.

ЖЕНЩИНА – РЕМЕСЛЕННИЦА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬНИЦА

Статья о женщине ремесленнице, которая своими силами смогла привлечь безработных женщин и девушек к традиционным ремеслам. Она также использовала способы привлечь безработных женщин к ремеслам и получить профессию. Также о женщине, которая привнесла в бизнес традиционные ремесла и повысила роль и статус безработных. В статье рассказывается о том, как она организовывала выставки в стране и за рубежом по инициативе этой мудрой женщины. Мунира Акилова также владеет собственным ремесленным бизнесом и работает как консультант и ремесленник в *Artium* Зарафшанской ассоциации развития туризма (ЗАРТ).

Ключевые слова: Ремесленник, профессиональная подготовка, ковричество, шитье, ткачество, экономика, маркетинг, дизайн, обучение.

FEMALE ARTISAN AND ENTREPRENEUR

Hoshimowa Shafoat Faizulloevna

An article about a women who was able to attract unemployed women and girls to folk crafts through her own efforts. There are also ways to attract unemployed women to crafts and gain a profession. Also about the woman who introduced traditional handicraftsto business and raised the role and status of unemployed women.The article provides information on how she has organized exhibitions in the country and abroad at the initiative of this wise woman.Munira Akilova also owns her ownArinumcraftshandicraft business, andshe is Armugon handicraft consultant and artisan is Zarafshan Tourism Development Association (ZTDA).

Keywords: Craftsman, vocational, carpet weaving, sewing, weaving, economics, marketing, design,training.

Сведенияобавторе: Ҳошимова Шафоат Файзуллоевна дотсенти факултети таърих ва ҳуқуқи ДДХ ба номи академик Б. Гафуров (Тоҷикистон, Хучанд) e-mail: shafoat2603@mail.ru
+992 92990 1445

Hoshimowa Shafoat Faizulloevnac.h.s. Dotsent of the Department of history and law underthe SEI «Ksu named after academician B.Gafurow (Tajikistan, Khujand)»e-mail:shafoat2603@mail.ru
+992 92 990 1445.

САҲМИ Л. Ф. МОНОГАРОВА ДАР ОМУЗИШИ ЛИБОСИ ТОЧИКони БАДАХШОНИ КУҲИ

Бека Ёгибекова

Олими помиршинос Лидия Федоровна Моногарова (1921-2011) соли 1946 кафедраи мардумшиносии факултети таърихи Донишгоҳи давлатии Маскав (ДДМ) ба номи М. Ломоносовро хатм кардааст.

Соли 1947 дар ҳайати Экспедитсияи Тоҷикистони Институти этнографияи Академияи илмҳои Иттифоқи Шӯравӣ таҳти сарвари Николай Андреевич Кисляков бори нахуст ба Помир, аниқтараш ба водии Язғулом сафар кард. Баъди як сол сафари дуҷуми илми Л. Ф. Моногарова ба Язғулом доир гардид. Маводи ҷамъоварда имкон фароҳам овард, ки ӯ соли 1949 дар маҷаллаи «Мардумшиносии шӯравӣ» мақолаеро бо номи «Язғуломиёни Помири Ғарбӣ» нашр кунад [6]. Соли 1951 таҳти роҳбарии олими бостоншинос ва мардумшиноси маъруфи шӯравӣ Сергей Павлович Толстов диссертатсияи номзадиро дар мавзӯи «Язғуломиён (таҷрибаи таҳқиқи монографӣ)» химоя намуд.

Тайи солҳои 1951-1952 дар Осорхонаи заминшиносии Донишқадаи давлатии Маскав ба сифати мудири кафедраи аҳоли ва хоҷагидорӣ Иттифоқи Шӯравӣ кор кардааст. Сипас корманди Энциклопедияи калони шӯравӣ шуда, ба ҳайси сармуҳаррири илмӣ (1952-1953), мудири ҳайати таҳририяи бостоншиносӣ, мардумшиносӣ ва антропология (1954 - 1959) фаъолият намудааст. Дар ин муддат ӯ боз ду маротиба ба Помири Ғарбӣ сафар кард ва бо омӯзиши мустақими тарзи ҳаёти мардуми ин минтақаи баландкӯҳ машғул шуд.

Соли 1959 дар заминаи маводи диссертатсияи номзадии худ Л. Ф. Моногарова дар маҷаллаи «Маҷмааи мардумшиносии Осиёи Миёна» мақолаи хеле муфассалро дар ҳаҷми 90 саҳифа таҳти унвони «Маводҳо онд ба мардумшиносии язғуломиён» интишор намуд [2].

Тайи солҳои 1959-1966 ходими хурди илмӣ ва дар давоми солҳои 1966-1994 ходими калони илмии баҳши Осиёи Миёна ва Қазоқистони Институти этнографияи Академияи илмҳои Иттифоқи Шӯравӣ буд. Инчунин ба сифати муовини сармуҳаррири маҷаллаи “Мардумшиносии шӯравӣ” кор кард. Дар давоми солҳои 1961-1962 ӯ дар як қатор деҳаҳои Ҷумҳурии Шӯравии Ўзбекистон паҳлӯҳои гуногуни ҳаёти узбекон, тоҷикон ва арабҳои маҳаллиро омӯхтааст. Аз соли 1964 Л. Ф. Моногарова мавзуи тадқиқотҳои худро бештар бо мардумшиносии халқи тоҷик алоқаманд кард. Ӯ тариқи омӯзиши майдонӣ ҳаёти тоҷикони водихо ва кӯҳистони Тоҷикистон, инчунин тоҷикони Ўзбекистон - сокинони Бухоро, Самарқанд ва Тошкандро чуқур меомӯхт. Ин муҳаққиқ вақти зиёди худро дар бойгонии шӯбаҳои сабти ҳолати шахрвандӣ (ЗАГС) ва шӯроҳои колхозӣ мегузаронд. Ҳамзамон ӯ барои асари маҷмаавии “Атласи таърихӣ-мардумшиносии Осиёи Миёна ва Қазоқистон”, ки онро Институти мардумшиносии Академияи илмҳои Иттифоқи Шӯравӣ ба нақша гирифта буд, маводро дар бораи халқҳои помири таҳия мекард.

Дар давоми солҳои 1964-1967 ин муҳаққиқ қариб аз ҳама водихои Помири Ғарбӣ дидан карда, фарҳанги моддӣ ва маънавии язғуломиён, рӯшонӣён, бартангиён, шугғониён ва вахониҳоро меомӯхт ва дар бораи оила, маросимҳои оиладорӣ ва сарпарастӣ мавод ҷамъоварӣ мекард.

Л. Ф. Моногарова ба мавзуи равандҳои этникӣ ва навигарӣ дар қӯҳистони Тоҷикистон диққати калон меод. Соли 1965 дар маҷаллаи “Мардумшиносии шӯравӣ” мақолаи ӯ бо номи “Равандҳои муосири миллии дар Помири Ғарбӣ” ҷоп гардид [4]. Дар заминаи маводи саҳроӣ ва бойгонишуда соли

1972 монографияи навбатии ӯ тахти унвони “Дигаргуниҳо дар ҳаёт ва маданияти халқиятҳои куҳдомани Помир” дар ҳаҷми 174 саҳифа аз чоп баромад [3].

Соли 1975 муҳаққиқ дар самти тақвияти ҳамин мавзӯи тадқиқотҳо дар маҷаллаи “Давлатҳо ва халқҳои Шарқ” маҷолаи дигарашро тахти унвони “Таркиби этникӣ ва равандҳои миллӣ дар Вилояти Мухтори Кӯхистони Бадахшони Ҷумҳурии Шӯравии Тоҷикистон” интишор кард [5].

Соли 1993 дар мавзӯи “Оилаи муосир дар тоҷикон ва халқҳои помирӣ” диссертатсияи доктори илмҳои таърихро ҳимоя намуд. Раванди ҳимоя дар намуди маърузаи илмӣ сурат гирифт.

Боиси зикр аст, ки ҳамчун олими пуртаҷриба, ӯ аз тарзи майдонии таҳқиқоти мардумшиносӣ ва ҷомеашиносӣ хеле босамар истифода мебард. Доираи завқи илмии ӯро самтҳои зерин ташкил мекарданд: таърих ва мардумшиносии халқҳои Осиёи Марказӣ; оила ва никоҳ; диншиносии миллӣ; равандҳои миллӣ дар Тоҷикистон; қонуни қоидаҳои оила, муносибатҳои ҷамъиятӣ; маросим ва одатҳо; парастии динӣ.

Л. Ф. Моногарова либосро яке аз нишондиҳандаҳои муҳими асолати миллӣ медонист. Аз ин рӯ, дар асарҳои интишоркардаи ӯ ба тавсифи либоси соқинони Помир, алаҳхусус язғуломиҳо, диққати қалон додааст. Ин муҳаққиқ дар оғоз вижагиҳои либоси анъанавиро баён намуда, сипас дигаргуншавии онро дар давраи баъдичангӣ бо мисолҳои мушаххас таъкид кардааст. Мо дар масъалаи либоси анъанавӣ истода намегузарем, чунки хусусияти он аз рӯи маводҳои Оле Олуфсен, А. А. Бобринский, М. С. Андреев ба ҳамагон маълум ҳастанд. Бештар мушоҳидаҳои Л. Ф. Моногарова вобаста ба пайдо шудани тарҳи шакл ва намудҳои нав шоистаи диққат мебошанд.

Вобаста ба пӯшоки мардона ӯ менависад, ки дар солҳои 1947-1948 ба мисли дигар ноҳияҳои Осиёи Миёна дар Язғулом ҷавонон ва мардҳои синнашон миёна либоси намунааш

харби́ро авлотар медонистанд, ки он аз гимнастёрка ё кител ва шими галифе иборат буд. Инчунин ба либоси анъанавӣ навигариҳо дароварда мешуданд. Аз ҷумла, ба куртаи тарҳаш якқад гиребони лабгардон дӯхта мечаспонданд ва ё акнун дар чоки гиребон буриши амудиро на дар канори рост ё чап, балки дар марказ иҷро мекарданд. Ба пӯстинҳои анъанавии кӯдакона бошад, гиребони намудаш шахрӣ дӯхта мечаспонданд. Агар солҳои пеш куртаи мардона киса надошт ва вазифаи онро рӯймоли васеи миёнбанд - *лангӣ* иҷро мекард, пас акнун бештар аз матои рангаш дигар дар пеши бари курта киса медӯхтанд. Ва ниҳоят, ба сифати либоси ҷойрабии мардҳо пичак ва шими тарҳашон шахрӣ паҳн шуданд.

Дар масъалаи либоси болои мардона Л. Ф. Моногарова менависад, ки солҳои пеш ба канори яке аз нимдоманҳои хилъат ё куртаи пешкушода ҷузъи барилова дӯхта мечаспонданд, ки он аз секунҷаҳои ҳаррангаи гулдӯзишуда иборат буд. Ин секунҷаҳоро ба канори нимдомани дигар мебастанд, то нимдоманҳо ба ҳам оянд. Ба ҳам васл кардани нимдоманҳои хилъат ё куртаи пешкушода муҳим буд, чунки қаблан дар зери он бадан урён буд. Дар замони баъдичангӣ мардҳо дар зери хилъат куртаи тарҳаш шахрӣ мепӯшиданд, бинобар ин аз истифодаи чунин ҷузъи барилова даст кашиданд [2, 30-36].

Умуман, шаклҳои шахрӣ дар либоси мардона аз солҳои 1940-ум паҳн гардиданд. Ҷавонмардҳо ба пӯшидани намунаҳои либоси мӯд гузаштанд. Ҳамроҳи он ба сар токии помирии тарҳаш нав мегузоштанд. Аз солҳои 1950-ум бошад, дар Бадахшони Кӯҳӣ анъанавии истифодаи токии ҷустӣ васеъ паҳн гардид. Одатӣ тайёр кардану пӯшидани хилъати пашмӣ тадриҷан аз байн баромад, акнун аз он асосан ба сифати либоси мотамӣ истифода мебарданд. Аз оғози ин солҳо истеҳсоли пойафзоли ҷубӣ низ қатъ гардид [4, 30].

Вобаста ба либоси занона ӯ қайд кардааст, ки дар охири солҳои 1940-ум язғуломиҳо ба истифодаи матоъҳои фабриковӣ гузаштанд. Дар миёнаи солҳои 1950-ум мағозаҳои

маҳаллӣ сокинонро бо матоъҳои фабрикавӣ пурра таъмин мекарданд. Вале дигар шудани маводи либосворӣ тарҳи либоси занонаро дигар накард. Пираҳанҳои духтаракон, духтарон, занҳо ва кампирҳо ҳамон яққади анъанавӣ боқӣ мемонд. Ҳамзамон, аз соли 1949 сар карда, дар мағозаҳо намунаҳои гуногуни пирахани дӯхта тайёршудаи тарҳаш шахрӣ пайдо шуданд. Яъне, пирахани васеъ, ки бештар аз матои абрешимии осиемиёнагӣ тайёр шудааст. Он дарзи пеши бар ва гиребони лабгардон дошт. Ин гуна пираханҳо тадричан ба таркиби либоси духтарону ҷавонзанҳо шомил гардиданд [6, 100].

Дар миёнаҳои солҳои 1960-ум бошад, аллакай пирахани гиребонаш ростистода низ паҳн шуда буд. Баъзе намунаҳо ҳатто ба мӯди ҳамонвақтаи шахрӣ ҷавобгӯ буданд. Почаҳои почомаи ҷавонзанҳо, духтарон ва толибаҳои синфҳои болоӣ акнун хеле борик шуданд ва дар поён тақрибан 10 см болотар аз бучулаки по меистоданд. Ба мисли водиҳо, канори поёни почаҳоро тасмаи гулдӯзии шероз оро меодод. Ҷӯробҳои рангашон тобон ва пойафзоли фабрикавӣ, зимистон бошад мӯзаҳо макбули ом гардиданд. Духтарону ҷавонзанҳо ба сар рӯймолчаи сабукмебастанд ё токии помирии намуди нав мегузоштанд. Он паст буд, гирдаи амудӣ ва тораи ҳамвор дошт. Тоқиҳо се ранг доштанд - сурх, кабуд, сабз. Баъзе занҳои солхӯрда низ ба сар тоқӣ мегузоштанд. Умуман, одати токипӯшии занҳо дар Помир аз ибтидои солҳои 1940-ум паҳн гардид. Тоқиҳои гулдӯзишудаи миллӣ, яъне тоқикӣ, дар ин минтақа дар солҳои 1950-ум пайдо шуданд [4, 29-30].

Дар Язғулом ба мисли дигар ноҳияҳои кӯҳӣ либоси анъанавии зимистонаи занона вучуд надошт. Дар нимаи дуоми солҳои 1950-ум, бинобар ба роҳ мондани таҳсилоти ҳатмии духтаракон ва дар ҳаёти ҷамъиятӣ боло рафтани мақоми зан, бонӯҳо дар фасли зимистон хилъатҳои пахтагӣ ё пашмии мардонро мепӯшиданд [2, 30].

Дар давоми солҳои 1950-ум дар либоси бонӯҳои бадахшонӣ инчунин камзӯлчаҳо, куртачаҳои пашмӣ, чӯроби тунуку дарози кешбофишуда ва палтои фабрикавӣ пайдо шуданд. Дар солҳои 1960-ум аз байни ҷузъҳои либоси анъанавӣ танҳо чуробҳо боқӣ монданду халос, ки онҳоро дар дохили мӯзаҳо чо мекарданд [4, 30].

Маълумоти зикршуда арзиши баланди илмӣ дорад, чунки он раванди таҳаввулоти либоси тоҷикони кӯҳистонро барои давраи шӯравӣ нишон медиҳад.

Мутаассифона, дар солҳои 1990-ум бо сабаби пароканда шудани Иттифоқи Шӯравӣ ва дар ватани мо сар задани ҷанги шаҳрвандӣ робитаҳои илмии Л. Ф. Моногарова бо Тоҷикистон, аз он ҷумла, бо кӯҳистони Помир, пурра катъ гардид. Вале ин бонуи илм меҳри тоҷиконро аз дил бароварда наметавонист, аз рӯзҳои дар ихотаи мардуми кӯҳистон гузаронидааш пайваста ёд мекард. Соли 2003 ин муҳаққиқи барҷаста иброз доштааст, ки ҳарчанд дар шаҳри Маскав ҳастам, “қалби ман дар кӯҳистони Помир мондааст”.

Дар умум, Л. Ф. Моногарова зиёда аз 100 асари илмӣ таълиф намуд, ки қисми бештари онҳо ба мавзуи тоҷикон бахшида шудааст. Заҳматҳои ӯ мусоидат карданд, ки тарзи ба худ хос ва вижагиҳои фарҳанги бемисли ин музофоти Тоҷикистон саросари собиқ Иттифоқи Шӯравӣ ва берун аз он муаррифӣ карда шаванд.

Олими мардумшиноси тоҷик Тоҳир Сафарович Қаландаров дуруст зикр кардааст, ки “аз байни мардумшиносони шӯравӣ - россиягии наслҳои охири бобати саҳми гузошташон ба илми помиршиносӣ ягон нафар ба Лидия Фёдоровна Моногарова баробар шуда наметавонад” [1, 188].

АДАБИЁТ

1. Каландаров Т. С. Лидия Фёдоровна Моногарова (09.10.1921 - 16.10.2011) // Этнографическое обозрение. - М., 2012. - № 4. - С. 188-190.

2. Моногарова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев // Среднеазиатский этнографический сборник. - Т. 2. - М., 1959. - С. 3-94.

3.Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре при-памирских народностей. - М.: Наука, 1972.

4.Моногарова Л. Ф. Современные этнические процессы на Западном Памире//Советская этнография. -М., 1965. -№ 6. - С. 23-33.

5.Моногарова Л. Ф. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР//Страны и народы Востока. -Вып. 16. Памир. -М.: Наука, 1975. - С. 174-191.

6.Моногарова Л. Ф. Язгулемцы Западного Памира (По материалам 1947 - 1948 гг.)//Советская этнография. -М., 1949. -№ 3. -С. 89-108.

САҲМИ Л. Ф. МОНОГАРОВА ДАР ОМУЌИШИ ЛИБОСИ ТОҶИКОНИ БАДАҲШОНИ КЌҲЌ

Ёғибекова Бека Турдибековна

Мақола ба ғабюляти илмии олими помиршинос Лидия Федоровна Моногарова бахшида шудааст. Қайд шудааст, ки муҳаққиқи мазкур дар раванди омуёиши ва барои ҷаҳониён муаррифи намудани фарҳанг ва тарзи ҳаёти сокинони Қўҳистони Бадахшон саҳми хеле калон гузоштааст. Мавзӯи таҳқиқи муаллифи мақоларо маводи ҷамъоварда ва таҳлилкардаи Л. Ф. Моногарова марбут ба либоси анъанавии ин минтақаи Тоҷикистон ташкил мекунад. Зикр карда шудааст, ки ӯ инчунин дақиқкорона раванди дигаргуншавии либосро дар тӯли чанд даҳсола пайгирӣ кардааст. Муаллиф хулоса баровардааст, ки маълумоти ҷамъовардаи Л. Ф. Моногарова арзиши баланди илмӣ дорад, ҷунки он раванди таҳаввулоти либоси тоҷикони қўҳистонро барои давраи шўравӣ нишон медиҳад.

Калидвожаҳо: Тоҷикистон, Қўҳистони Бадахшон, давраи шўравӣ, мардумшиносӣ, либоси анъанавӣ, таҳаввулоти либос, пираҳан, пойафзор.

ВКЛАД Л. Ф. МОНОГАРОВОЙ В ИЗУЧЕНИЕ КОСТЮМА ТАДЖИКОВ ГОРНОГО БАДАХШАНА

Статья посвящена научной деятельности ученого-памироведа Лидии Федоровны Моногаровой. Отмечается, что она внесла достойный вклад в изучение и популяризацию культуры и других аспектов этнографии жителей Горного Таджикистана. Предметом изучения автора статьи являются собранные Л. Ф. Моногаровой сведения по костюму этого региона Таджикистана. Кроме того, она скрупулезно проследила изменения в костюме, происходившие в течение нескольких десятилетий. Автор отмечает большую научную ценность собранного Л. Ф. Моногаровой материала, который показывает эволюцию костюма горцев в советский период.

Ключевые слова: Таджикистан, Горный Бадахшан, советский период, этнография, традиционный костюм, эволюция одежды, платье, обувь.

L. F. MONOGAROVA'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE TAJIK COSTUME OF MOUNTAINBADAKHSHAN

Yogibekova Beka Turdibekovna

The article is devoted to the scientific activity of the Pamir scholar Lydia Fedorovna Monogarova. It is noted that she made a worthy contribution to the study and popularization of culture and other aspects of the ethnography of the inhabitants of Mountainous Tajikistan. The subject of the author's study is the information collected by L. F. Monogarova on the costume of this region of Tajikistan. In addition, she scrupulously traced the changes in the costume that took place over several decades. The author notes the great scientific value of the material collected by L. F. Monogarova, which shows the evolution of the Highland costume in the Soviet period.

Keywords: Tajikistan, Mountain Badakhshan, Soviet period, ethnography, traditional costume, evolution of clothing, dress, shoes.

Маълумот дар боран муаллиф:– унвонҷӯи Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А. Дониши АМИТ. E-mail: bika79.79@mail.ru.

About the author: Yogibekova Beka Turdibekovna – candidate of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. E-mail: bika79.79@mail.ru.

ГЛИНЯННЫЕ ИГРУШКИ ТАДЖИКОВ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Сайфуллоева Ш. И.

Глиняные игрушки занимали важное место в материальной культуре таджиков, однако специальным изучением этих предметов занимались немногие исследователи. Наиболее системно эту тему исследовала Е. М. Пещерева. Кроме того, данный вопрос в той или иной мере затрагивается исследователями-этнографами, изучавшими этнографию разных районов республики. В этом аспекте можно указать на работы М. С. Андреева, М. Р. Рахимова, Н. Н. Ершова, А. К. Писарчик и др.

В Средней Азии традиция изготовления глиняных статуэток имеет богатую историю и берет истоки с древнейшего периода. Археологической наукой накоплены десятки образцов, относящихся к бронзовому веку. Сохранились многочисленные зооморфные статуэтки античности и раннего средневековья, в том числе глиняные изображения всадников. Такие статуэтки найдены во всех регионах Средней Азии, в том числе в пределах Северной Бактрии. Глиняные фигурки животных сохранились в Айртаме, Термезе, Мирзокультепе, Ок-Кургане, Зартепе, Шуртепе и других памятниках Сурхандарьинской долины. В пределах Южного Таджикистана они найдены, например, на городищах Сайёд, Халкаджар, Саксонохур, Хульбук. Естественно, часть их было связано с различными культурами, но другая часть использовалась в качестве игрушек. Большая коллекция терракотовых фигурок, среди которых встречаются и игрушки, находится в музее Самарканда. Они датируются V - VIII веками и отнесены к эфталитско-тюркской эпохе. Прекрасные образцы игрушек в виде лошадки со всадником и птички найдены археологами в Шахристане, расположенном неда-

леко от Истаравшана. Эти скульптурные изображения интересны в том плане, что они представляют собой явление доисламского периода.

Традиция изготовления глиняных игрушек сохранилась вплоть до XX века и была распространена в различных горных районах Таджикистана. Немало таджикских игрушек начала XX века хранится в фондах Российского Государственного музея-заповедника «Царицыно». Они также представлены в собраниях частных коллекционеров. Примером может послужит богатая коллекция Г. М. Блинова.

Игрушки в Таджикистане изготавливали преимущественно из глины, для этого также применялись дерево, ткань, камень. Выбор материала зависел, в том числе, от климатических условий. Для северной части Таджикистана характерно малое количество древесины, поэтому здесь детские игрушки делали больше из глины. В верховьях Зеравшана очень часто встречались погремушки в виде коробочек из обожжённой глины, в форме усечённого конуса или невысокого цилиндра (3-4 см), внутри которого находятся камушки [2, 25].

Среди игрушек значительное место занимали фигурки животных. Ими играли чаще всего мальчики. Игрушечную лошадку больше всего изготавливали из дерева, но можно было встретить и глиняные. В основном их делали в тех домах, где летом женщины занимались гончарным делом. Дети обычно таскали у матерей и старших сестёр готовое гончарное тесто. Из глины мальчики, лепили лошадок и ослов, встречались и горные козлы, бычки. Девочки лепили игрушечную посуду, коров и коз для игры в хозяйство.

Технику изготовления глиняных игрушек подробно описала Е. М. Пещерева: «Сначала отдельно вылепляется голова осла или лошади с утончающейся снизу шеей, и пока она подсыхает, делается туловище. Туловище имеет вид прямоугольного бруска с ногами. Хвост делали иногда из

шерстяных или бумажных ниток. Если хотели слепить барана – кушкор, то делали завитые рога» [2, 24].

В Дарвазе для детей мастерицы изготавливали разнообразные маленькие сосуды и игрушки в виде козлов и козлят [3, 61].

Для девочек в старину изготавливали гахвору - колыбель, прежде всего, связанную с куклой. В Ягнобе игрушечные колыбели большей частью делались из обожженной глины. Они были похожи на ящик от 10 до 20 см длиной с более низкими продольными стенками и высокими, суживающимися кверху торцовыми, соединенными вверху перекладной. В Ягнобе встречались и деревянные колыбели, но они были очень примитивными похоже на корыто, но на юге Таджикистана колыбели изготавливали из дерева, больше похожие на настоящие и украшали резьбой. По размерам они были от 6-7 до 15-20 см [2, 59].

В наши дни керамические и глиняные игрушки мало распространены. Это связано, прежде всего, с изменением образа жизни детей и распространением технических инноваций. Детей больше привлекают компьютерные и телефонные игры.

Один из старинных видов игрушек до наших дней сохранилась «аджуба» - фигурки-свистульки, которые служили в древности в качестве ритуальных предметов, для вызова дождя и отгонения зла. По старым преданиям только дети могут вызвать дождь, так как они невинны. Изготовление игрушек было связано с праздником – Навруз, началу земледельческих работ. Сам термин «аджуба» связан со словом «аджойб» (чудо, диво, диковинка), мастеров которые изготавливали их называли аджубасоз. Эти игрушки известны за пределы Таджикистана. Во многих этнографических музеях мира можно увидеть их в качестве экспонатов. Примером служит Музей Востока в Москве, где собраны образцы керамики, а также аджуба из Средней Азии. Среди этих

предметов встречается немало игрушек из районов (Истаравшана и Каратага) Таджикистана.

Среди этих экспонатов можно встретить свистульки известного аджубасоза того периода Гафура Халилова, который смог сохранить и передать это ремесло своим потомкам. В наши дни его внук Эргашбой Гафуров старые дедовские методы использует для создания своих свистуллек.

Дружная семья ремесленников проживает в Канибадаме на улице Маннона Хамидова, дом 53. Хозяйка дома Солеха Рахимова вместе со своим мужем и золовкой занимаются этим ремеслом на протяжении нескольких лет. Эта семья готовит разнообразные керамические изделия, которые в основном идут на продажу, она также принимает частные заказы. Свои статуэтки они красят преимущественно в красный, белый, синий, черный и коричневый цвета. Их демонстрируют в рамках различных республиканских выставок. Так, их работы были представлены на выставке в честь празднованию Сада, организованной 31 января 2021 года в столичном Парке культуры и отдыха им. Фирдавси.

Во время телефонного разговора с Солейхой Рахимовой мы спросили её о развитии и проблемах керамической отрасли в Таджикистане. Выяснилось, что главная проблема - это продажа готовых изделий, а также обеспечение сырьем и материалами (определённый вид глины и качественные краски). Но самая большая сложность для мастеров - это отсутствие специальных печей для обжига. Чтобы высушить свои изделия, они вынуждены пользоваться теплом солнца.

Другой известный таджикский керамист - Сухроб Саидов занимается этим ремеслом более 15 лет. Наряду с производством различных изделий из глины, он изготавливает свистульки в виде птиц. Но к сожалению, обладатель двух знаков качества ЮНЕСКО сталкивается с теми же трудностями. Изделия он продаёт месяцами и, кроме того, у него нет собственной мастерской.

Начиная с 70-х годов XX века, керамические игрушки начали утрачивать свое первоначальное значение. Из символов, имевших в прошлом магическое значение, они превратились в произведения декоративной пластики. Это печально, так как каждая игрушка уникальна. Они не похожи друг на друга, что говорит о богатой фантазии мастеров-джубасозов.

На сегодняшний день, к сожалению, данной отрасли искусства в таджикском обществе уделяется недостаточно внимания. Лишь несколько ремесленников пытаются сохранить такой древний вид изобразительного искусства, как изготовление глиняных игрушек. Меры, предпринятые в последние годы для сохранения традиционного ремесла, отнюдь недостаточны. По нашему мнению, лишь развитие индустрии туризма и приток на этой основе финансов, может дать толчок сохранению ремесла, материальной заинтересованности ремесленников и устойчивому развитию отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1.Ершов Н. Н. Каратаг и его ремесла (Историко-этнографический очерк)//Душанбе: Дониш, 1984.- С. 118.

2.Пещерева Е. И. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924-1935 гг)//Сборник Музея антропологии и этнографии. - Т. XVII. -М.-Л.: Изд. Академии наук СССР, 1957. -С. 22-94.

3.Рахимов М. Р. Рождение и воспитание ребенка//Таджики Каратегина и Дарваза. -Вып. 3. -Душанбе: Дониш, 1976. -С. 58-95.

ГЛИНЯННЫЕ ИГРУШКИ ТАДЖИКОВ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Материал статьи посвящен национальному искусству изготовления глиняных игрушек и его развитию в условиях переплетения современного искусства с традиционным. В центре внимания автора - этапы изменения этого отрасли прикладного искусства. Кроме того, рассматриваются связи глиняных игрушек доисламского периода с образцами XX века. Автор отмечает, что несмотря на существующие трудности, это ремесло таджикского народа смогло сохранить многовековые традиции. В числе факторов, сдерживающих развитие данной отрасли народного творчества, указывается на проблемы с приобретением материалов и реализацией готовой продукции.

Ключевые слова:Таджикистан, искусство, история ремесла, традиция, народный мастер, глиняная игрушка, зооморфное изображение, роспись.

TAJIK CLAY TOYS: PAST AND PRESENT

The article is devoted to the national art of making clay toys and its development in the context of the interweaving of modern art with traditional. The author focuses on the stages of change in this branch of applied art. In addition, the connections of clay toys of the pre-Islamic period with samples of the twentieth century are examined. The author notes that despite the existing difficulties, this craft of the Tajik people was able to preserve centuries-old traditions. Among the factors hindering the development of this branch of folk art, problems with the purchase of materials and the sale of finished products are indicated.

Keywords: Tajikistan, art, craft history, tradition, folk craftsman, clay toy, zoomorphic image, painting.

Иллюстрация

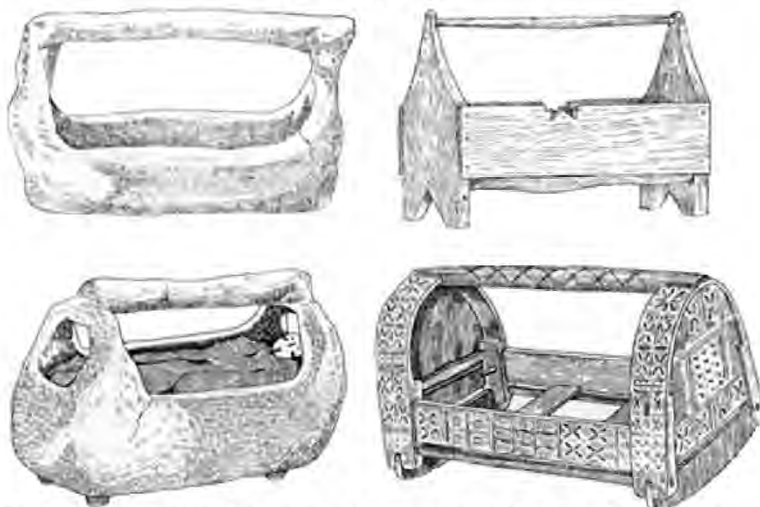

Иллюстрация 3. Игрушечные колыбели из глины и дерева.
1-глиняная колыбель из сел. Бидив (Ягноб); 2- глиняная колыбель из сел. Деминора (верховья р. Зарафшана); 3-деревянная колыбель из сел. Шурмашк (р-н оз. Искандер-Куль); 4-деревянная колыбель из сел. Юмдж (верховья Панджа).

Глинянная статуэтка аджуба. Работа Эргашбоя Гафурова

А.К.ПИСАРЧИК-СОРАТНИК И ВЕРНЫЙ ПОМОЩНИК КОРИФЕЯ ТАДЖИКСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Юсуфбекова З., Шовалиева М.

В сложении в Таджикистане этнографической школы огромную роль сыграли первые этнографы-таджиковеды – М.С.Андреев, Н.А.Кисляков, О.А.Сухарева, Е.М.Пещерева и А.К. Писарчик.

Жизнь связала А.К.Писарчик¹ с её соратником и наставником М.С.Андреевым еще в 1924г., когда она закончила школу в г.Коканде, где родилась, и поступила на Восточный факультет Среднеазиатского государственного Университета (САГУ) на отделение этнолога – лингвиста по иранскому циклу. На восточном факультете в то время преподавали многие крупные ученые, в том числе А.А.Семенов – иранист, М.С.Андреев – этнограф-лингвист, Л.В.Ошанин – антрополог, К.К.Юдахин – тюрколог, А.Э.Шмидт – арабист и т.д.

В университетской жизни А.К.Писарчик главную роль сыграли именно занятия с М.С.Андреевым(1873-1948). Он читал лекции по этнографии таджиков и таджикскому языку. В курсе этнографии таджиков рассматривались районы расселения таджиков, отличия между горными и равнинными таджиками, материальная культура, обычаи и обряды,

¹ Более подробные сведения о жизни и деятельности А.К.Писарчик и библиографию см.: Б.А.Литвинского «Страницы из истории этнографического изучения Средней Азии//В сборнике статей «Этнография Таджикистана». Душанбе: Дониш, 1985. -С.132-143; Д.В.Лунии Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Ташкент,1977,Т.2.-С.30-33; Милибан С.Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М.,1975.-С.437-438; А.К. Писарчик. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990гг.). Душанбе, 2002.-С.55-59; Круковская С.М. Встреча с Кокандом. Ташкент, 1977.-С.86-87.

религия и верования, семья. Кроме того, М.С.Андреев читал историко-географические обзоры Афганистана и Индии, преподавал также разговорный персидский и таджикский языки. «Языки М.С.Андреев преподавал очень интересно», позже вспоминала А.К.Писарчик, - и был очень требовательным, так «что большая часть его учеников знала предмет очень хорошо»¹. Когда А.К.Писарчик училась, на втором, третьем и четвертом курсах функционировали студенческие этнографические кружки, в них и на студенческой практике (они выезжали в города и кишлаки, населенные таджиками) студенты получали опыт исследовательской и полевой работы. В 1926 г. в САГУ была открыта кафедра этнографии и антропологии, первым ее профессором тогда же был избран М.С.Андреев.

Огромные знания в сочетании с поразительным обаянием привлекали к М.С.Андрееву многих студентов. Не явилась исключением и А.К.Писарчик. Следует подчеркнуть, что тогда, в студенческие годы, она получила импульс к занятию этнографией Средней Азии. В 1935 г. появилась надежда поближе приобщиться к этнографии. В недавно организованном в 1934г. Музее искусств Узбекистана в Ташкенте было решено открыть отдел среднеазиатского искусства и на должность консультанта был приглашен М.С.Андреев. Он в свою очередь рекомендовал принять на работу в музей А.К.Писарчик. Она стала единственным сотрудником и заведующей этого отдела, а с 1936 г. - старшим научным сотрудником этого же отдела. М.С.Андреев, с помощью и при непосредственном участии А.К.Писарчик, вначале провел большую работу по обследованию народной архитектуры Ташкента, тем более актуальную, что в те годы развертывалась социалистическая реконструкция города и многие старые

¹ Писарчик А.К. Михаил Степанович Андреев (1873-1948г.) // В кн.: «Памяти М.С.Андреева». Сталинабад, 1960.-С.10.

кварталы подлежали сносу. Было собрано много ценных экспонатов, сделаны многочисленные фотографии.

В 1936 г. А.К.Писарчик выезжает вместе с М.С. Андреевым и фотографом А.Д.Стародубовой в много-месячную экспедицию в Хиву и Бухару. В Бухаре были собраны все виды изделий народного ремесла, был вывезен целый вагон резных и расписных ганчевых панно, относящихся к концу XVIII - 30-м гг. XX в., рисунки и припорохи местных мастеров-строителей, вышивки, чеканные изделия и многое другое. Затем экспедиция переехала в Хиву, где удалось собрать большое количество архитектурных деталей - резные двери, колонны, деревянные решетки и т.д.

Время экспедиции было замечательной школой для молодого этнографа. Работая под непосредственным руководством истинного мастера полевой этнографии М.С.Андреева, А.К.Писарчик познавала и «секреты» этнографической практики, а главное - воочию увидела и ощутила замечательное богатство народного прикладного искусства.

Наряду с этим А.К. Писарчик по совету М.С. Андреева в Бухаре и Хиве собрала много материалов по жилому дому. Она тщательно описывала, составляла планы и разрезы разных домов. И уже вернувшись в Ташкент, написала статью на эту тему, которая увидела свет в первом номере журнала «Архитектура СССР». Это была ее первая печатная работа. Специалисты обратили внимание на эту статью молодого ученого. Действительно, до этого не было специальных работ, характеризующих жилище городских центров Средней Азии как с точки зрения архитектуры, так и этнографии. Очень хвалил статью Б.Н.Засыпкин (1891-1955) – крупнейший архитектор, зачинатель научного изучения архитектуры Средней Азии. Уже в этой статье четко проявилась характерная черта всех работ А.К.Писарчик по народной архитектуре: этнографическое видение и осмысление народной архитектуры, внимание к народной строительной технике.

В 1937 г. А.К.Писарчик вместе с М.С.Андреевым участвует в экспедиции в Нурату и Маргелан. Нуратинские вышивки, газганские мраморные изделия, маргеланские набойки и образцы архитектурной декорации - первоклассные экспонаты народного творчества пополнили фонды Узбекис-танского музея искусств.

А.К.Писарчик дала обобщенную характеристику части собранных материалов в работе «Выставка архитектуры и прикладного искусства Узбекистана», оставшейся, к сожалению, неопубликованной. Несмотря на небольшой объем, работа, оформленная в виде путеводителя, содержит ряд сведений и наблюдений, не утративших своего значения до нашего времени.

В 1940 г. произошло событие, сыгравшее важную роль и в личной жизни и в дальнейшей научной деятельности А.К. Писарчик, она вышла замуж за М.С.Андреева. Переехав в Ташкент, она с начала 1941г. работала в Институте искусствознания. Первая половина года - время напряженной творческой деятельности. Собранные материалы были разобраны, систематизированы. Вслед за набросками были оформлены первые варианты работ по народной архитектуре Ферганы и Самарканда, о ферганских народных мастерах.

В это время началась Великая Отечественная война. Институт искусствознания был свернут. А.К.Писарчик становится редактором Таджикгосиздата. Ей было поручено помогать М.С.Андрееву в обработке его материалов. В трудные годы войны правительство Таджикской ССР, заботясь о развитии в республике науки, в том числе этнографии, организовало в 1943 г. этнографо-лингвистическую экспедицию в Горно-Бадахшанскую автономную область под руководством М.С.Андреева. Экспедиция работала около четырех месяцев. А.К.Писарчик была непосредственным помощником М.С.Андреева и самым деятельным сотрудником экспедиции. Никакие тяготы и трудности не могли

уменьшить ее оптимизма, ее энергии хватало буквально на все: и на непрерывную работу с населением, и на преодоление хозяйственных затруднений, и на проведение обмеров и зарисовок.

М.С.Андреев бывал на Памире и до этого, А.К.Писарчик была впервые, но их чувства, их ощущения были одинаковыми, что М.С.Андреев выразил словами: «Впечатления от поездки 1943 г. были поистине ошеломляющими»¹.

А.К.Писарчик во время экспедиции сделала огромное число записей по долине Хуф, Рушану, Шугнану. Когда впоследствии эти записи были систематизированы, оказалось, что они заключают в себе более всего сведений по таким разделам, как жилище, одежда, пища, промыслы, народный календарь и счет времени, а также земледелие и скотоводство. В опубликованном виде они содержат более двухсот крупноформатных страниц печатного текста. По существу, второй том книги «Таджики долины Хуф»² принадлежит перу двух авторов - М.С.Андреева и А.К.Писарчик.

Во время экспедиции наряду с этнографией А.К.Писарчик занималась и изучением фольклора памирцев. В Рушане, в сел. Барушон, ею было записано шесть рушанских сказок, которые впоследствии были опубликованы.

В это время А.К.Писарчик окунулась в неведомый ей ранее мир этнографии памирских таджиков, начала овладевать памирскими языками. В дальнейшем изучение этнографии Памира станет одним из ведущих направлений в научной деятельности А.К.Писарчик.

В сентябре 1943 г. была организована Академия наук УзССР, а М.С.Андреев избран ее действительным членом. Именно тогда, в составе Института истории и археологии АН УзССР создается Отдел этнографии, который в 1943-1947 гг. возглавлял М.С.Андреев. В 1944 г. А.К.Писарчик пере-ходит

¹ Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Т.1.Сталинабад, 1953.-С.10.

² Андреев М.С.Таджики долины Хуф. Т.2, Сталинабад, 1958.

на работу в этот отдел. Именно работая в Отделе этнографии, она в 1944 г. завершила первый вариант работы по самаркандской народной архитектуре. 9 июля 1945 г. под названием «Самаркандские жилые дома и квартальные мечети XIX- XX вв.» он был защищен на заседании Ученого совета исторического факультета САГУ в качестве кандидатской диссертации.

В 1947 г., в Институте истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР был создан кабинет этнографии и археологии, в нем под руководством М.С.Андреева работала Б.Х.Кармышева, изучающая тюркоязычное население республики. В 1948 г. А.К.Писарчик была приглашена в Таджикистан и начала работу в кабинете в качестве старшего научного сотрудника. Переехав в республику весной 1948 г., она в этом же году отправляется на два месяца в экспедицию в Кулябскую область, продолженную в 1949 г.

В 1948 г., после смерти М.С.Андреева известного исследователя языков и быта народов Средней Азии, чл.-корр. АН СССР, академика АН Узбекской ССР Президиумом АН ТаджССР было принято постановление поручить А.К.Писарчик обработку научных материалов его архива и подготовку их к печати. Это было делом сложным и трудоемким: остались горы материала - дневников, полевых записей, набросков, вчерне подготовленных вариантов работ по этнографии, лингвистике, фольклору. Здесь начинается история беспримерного подвига А.К.Писарчик. Спутник М.С.Андреева во многих экспедициях, его жена и близкий друг, она возложила на себя труднейшую задачу: закончить незавершенное. За 1949-1972 гг. ею были подготовлены к печати по материалам М.С.Андреева, находящимся в разной степени обработки, и опубликованы 4 книги:

1. Таджики долины Хуф. Вып. 2. Смонтирован А.К. Писарчик из полевых записей, лишь частично обработанных М.С.Андреевым, и снабжен ею многочисленными приме-

чаниями и дополнениями, а также указателями. Все эти дополнения составили свыше трети общего объема книги в 45 п.л.

2. Ягнобские тексты и словарь объемом 33,5 п.л. (совместно с В.А.Лившицем). В части полевых записей М.С. Андреева этот материал был первоначально им обработан при помощи участвовавшей в экспедиции 1927 г. Н.В.Русиновой. При подготовке к публикации эти материалы были заново сверены с первичными полевыми записями и дополнены вновь выявленными. К текстам М.С.Андреева были добавлены записи ягнобских текстов, сделанные Е.М.Пещеревой, участвовавшей во всех экспедициях М.С. Андреева в Ягноб. Эти записи были переписаны А.К.Писарчик транскрипцией, принятой для записи текстов М.С. Андреевым. Был заново составлен Ягнобско-русский словарь, в основу которого был положен словарь, составленный М.С.Андреевым, обрабатывавшийся им при помощи Н.В. Русиновой. Он был заново расписан на карточки и пополнен значительным количеством материалов из текстов М.С. Андреева, Е.М.Пещеревой, из этнографических записей, описей коллекции и пр. В.А.Лившицем были приведены к ягнобским словам согдийские соответствия, а также сравнительный материал из лексики других восточно-иранских языков, а А.К.Писарчик составлен русско-ягнобский указатель к словарю.

3. Материалы по этнографии Ягноба 13 п.л. Книга смонтирована А.К.Писарчик из полевых материалов архива, подобраны иллюстрации, составлены указатели.

4. Арк Бухары. (Совм. с О.Д.Чехович). 13 п.л. Как и в других случаях, был просмотрен весь материал архива. Текст был в значительной мере подготовлен М.С.Андреевым, но очень большую работу пришлось проделать по выверке сводного плана, составленного на основании рабочих планов,

по уточнению ряда деталей путем сравнения имевшихся вариантов плана и сопоставления их с текстом экспликации.

Кроме монографий, А.К.Писарчик были подготовлены к печати статьи М.С.Андреева: К характеристике древних таджикских семейных отношений. -Изв. ТФАН СССР, Сталинабад, 1949, №15, с. 3-19; Новые данные по установлению значения слова «Фергана». - Сообщ. ТФАН СССР, Сталинабад, 1950, вып. XXIV, с. 35-37; О первоначальном способе добывания огня в Средней Азии и в сопредельных с нею странах. -Тр. ТФАН СССР, Сталинабад, 1951, том XXIX, с. 76-87; Старинные свитки-альбомы из Бухары с образцами архитектурного орнамента. -Изв. Отдел, обществ, наук АН Тадж. ССР, Сталинабад, 1956, №10-11, с. 125- 136.

Таким образом, А.К.Писарчик потратила годы напряженнейшего и необычайно кропотливого труда, проявив при- сущее ей чувство долга, в результате чего наука обогатилась первоклассными публикациями М.С.Андреева по этно- графии и иранистике. Труды, изданные после его смерти А.К.Писарчик, по своему объему и значению превосходят все то, что было опубликовано им при жизни.

А.К.Писарчик отличало исключительная научная тре- бовательность к себе. Она признавала только абсолютно точно проверенные факты, и, поэтому, если в исследованиях встречались сомнения, она проверяла этот факт многократно. Такая добросовестность и высокая требовательность к науч- ным повествованиям приводила к тому, что она многократно заново переписывала и даже перерабатывала вполне закон- ченные работы. Многолетние сборы полевого материала, широкая эрудиция в области среднеазиатской этнографии и языковая подготовка, позволяли ей наполнять свои работы обилием свежих и уникальных фактов.

Правительство республики высоко оценило всю эту на- пряженную и плодотворную работу: в 1967 г. А.К.Писарчик

было присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки Таджикской ССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М.С. Таджики должны Хуф. Т.1. Сталинабад, 1953.-С.10.
2. Андреев М.С.Таджики долины Хуф.Т.2. Сталинабад, 1958.
- 3.Андреев М.С. К характеристике древних таджикских семейных отношений. -Изв. ТФАН СССР, Сталинабад, 1949, № 15, с. 3-19.
- 4.Андреев М.С. Новые данные по установлению значения слова «Фергана». -Сообщ. ТФАН СССР, Сталинабад, 1950, вып. XXIV, с. 35-37.
- 5.Андреев М.С. О первоначальном способе добывания огня в Средней Азии и в сопредельных с нею странах. -Тр. ТФАН СССР, Сталинабад, 1951, том XXIX, с. 76-87.
- 6.Андреев М.С. Старинные свитки-альбомы из Бухары с образцами архитектурного» орнамента. -Изв. Отдел, обществ, наук АН ТаджССР, Сталинабад, 1956, № 10-11, с. 125-136.
- 7.Литвинский Б.А. Страницы из истории этнографического изучения Средней Азии//В сборнике статей «Этнография Таджикистана». Душанбе: Дониш, 1985. -С.132-143.
- 8.Луниин Д.В. Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Ташкент,1977,Т.2.-С.30-33.
- 9.Милибан С.Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М.,1975.-С.437-438.
- 10.Круковская С.М. Встреча с Кокандом. Ташкент, 1977.-С.86-87.
- 11.Писарчик А.К.Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990гг.) Душанбе, 2002.-С.55-59.
- 12.Писарчик А.К.Михаил Степанович Андреев(1873-1948)//В кн. «Памяти М.С.Андреева», Сталинабад, 1960.-С.10.
- 13.Додхудоева Л.Н.Антонина Константиновна Писарчик – один из основателей этнографической науки в Таджикистане//В журн. «Муаррих», 2017,№3-4.-С.101-109.

А.К.ПИСАРЧИК - СОРАТНИК И ВЕРНЫЙ ПОМОЩНИК КОРИФЕЯ ТАДЖИКСКОЙ ЭТНОГРАФИИ М.С.АНДРЕЕВА

А.К.Писарчик известна как один из ведущих этнографов таджикского народа. Наряду с другими видными учеными-таджиковедами, она являлась основоположником таджикской этнографической школы. Начиная с 1924 года А.К.Писарчик была связана по работе с М.С. Андреевым. В 1940 году А.К.Писарчик вышла замуж за М.С.Андреева, что сыграло важную роль в дальнейшей её научной жизни.

После смерти М.С.Андреева в 1948 году Президиумом Таджикского филиала АН СССР было принято постановление поручить А.К.Писарчик обработку научных материалов его архива и подготовку их к печати. Здесь начинается история беспримерного подвига А.К.Писарчик. Спутник М.С.Андреева во многих экспедициях, его жена и близкий друг, она возложила на себя труднейшую задачу: закончить незавершенное. За 1949-1972 гг. ею были подготовлены к печати по материалам М.С. Андреева, находящимся в разной степени обработки, и опубликованы 4 книги и несколько статей, незавершенные им при жизни. Следует подчеркнуть, что книга М.С.Андреева «Таджики долины Хуф» Выпуск 2, смонтирован А.К.Писарчик из полевых записей, лишь частично обработанных М.С.Андреевым и снабжён ею многочисленными примечаниями и дополнениями, а также указателями. Все эти дополнения составили свыше трети общего объёма книги в 45 печатных листов.

Ключевые слова: соратник, этнограф, архив, обработка, подготовка к печати, книги, статьи, указатели, примечания.

А.К.ПИСАРЧИК - ҲАМСАФ ВА ЁРДАМЧИИ АРБОБИ БАРҶАСТАИ ИЛМИ МАРДУМШИНОСИ М.С.АНДРЕЕВ

А.К.Писарчик ҳамчун яке аз этнографҳои барҷастаи халқи тоҷик шинохта шудааст. Вай дар қатори дигар олимони намӯи тоҷикиносо асосгузори мактаби этнографии тоҷик мебошад. Фаъолияти ҷаҳонӣ илмӣ онҳо аз соли 1924 оғоз гардида буд. Соли 1940 А.К.Писарчик бо М.С.Андреев оила барпо намудаанд, ки дар ҳаёти минбаъдаи илмӣ ӯ нақши муҳим бозид.

Баъди вафоти М.С.Андреев дар соли 1948 бо Қарори Президиуми шӯбаи Тоҷикистони Академияи илмҳои ҶШС қарор қабул кард, ки коркарди маводи илмӣ архиви ӯ ва ба ҷоп омода намудани онҳоро ба зиммаи А.К.Писарчик гузоранд. Аз ин ҷо таърихи корнамоии нотақрори А.К. Писарчик оғоз мешавад. Ҳамсафари М.С.Андреев дар экспедицияҳо, ҳамсар ва дӯсти наздики ӯ вазифаи душвортарин - ба итмом расондани корҳои анҷом наёфтаи ӯро ба дӯши худ гирифт.

Дар давоми солҳои 1949-1972 вай дар асоси маводҳои М.С.Андреев, ки дар дараҷаҳои гуногуни коркард қарор доштаанд, онҳоро ба нашр омода намуда, 4 китоб ва чанд мақолаи илмиро, ки М.С.Андреев ба итмом нарасонида буд, ба

табъ расонидааст. Бояд тазаккур дод, ки китоби М.С.Андреев «Точикони водии Хуф», Қисми 2, ки А.К.Писарчик аз сабтҳои саҳрои ҷамъоварӣ кардааст, танҳо қисман аз ҷониби М.С. Андреев коркард шуда, бо қайду иловаҳо ва нишондодҳои сершумори ӯ оварда шудааст. Ҳамаи ин иловаҳо бештар аз сеяки ҳаҷми умумии китобро дар 45 ҷузъи ҷопӣ ташкил медиҳанд.

Калидвожаҳо: ҳаммаслак, мардумшинос, бойгонӣ, коркард, омода ба нашр, китобҳо, мақолаҳо, феҳрист, тавзеҳот.

A.K.PISARCHIK - COLLEAGUE AND FAITHFUL ASSISTANT OF THE LUMINARY OF TAJIK ETHNOGRAPHY M.S.ANDREEV

A.K. Pisarchik is known as one of the leading ethnographers of the Tajik people. Along with other prominent Tajik scholars, she was the founder of the Tajik ethnographic school. Since 1924, A.K. Pisarchik was connected by work with M.S. Andreev. In 1940, A.K. Pisarchik married M.S. Andreev, which played an important role in her further scientific life.

After the death of M.S. Andreev in 1948, the Presidium of the Tajik Branch of the Academy of Sciences of the USSR decided to entrust A.K. Pisarchik with the processing of scientific materials of his archive and their preparation for printing. Here begins the story of the unparalleled feat of A.K. Pisarchik. Companion of M.S. Andreev in many expeditions, his wife and close friend, she entrusted herself with the most difficult task: to finish the unfinished. During 1949-1972 she prepared for publication based on the materials of M.S. Andreev, which were in varying degrees of processing, and published 4 books and several articles that he did not complete during his lifetime. It should be emphasized that the book by M.S. Andreev "Tajiks of the Khuf Valley" Issue 2, edited by A.K. Pisarchik from field records, only partially processed by M.S. Andreev and equipped with numerous notes and additions, as well as pointers. All these additions accounted for more than a third of the total volume of the book.

Key words: associate, ethnographer, archive, processing, preparation for printing, books, articles, indexes, notes.

Сведения об авторах: Юсуфбекова Зинатмо - кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша Национальной Академии наук Таджикистана. Телефон: 221-37-42; (+992) 919-03-77-91; E-mail: Yusufbekova 50@mail.ru

Шовалиева Мумина Садыковна - кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этно-

*графии им.А.Дониша Национальной Академии наук Таджикистана.
Телефон: 221-37-42; (+992) 908-99-19-89; E-mail:mumina.1957@mail.ru*

Information about the authors: Yusufbekova Zinatmo - Ph.D. in Historical Sciences, Lead Researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography by A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: 221-37-42; (+992) 919-03-77-91;

E-mail: Yusuf-bekova50@mail.ru

Shovalieva Mumina Sadykovna is a Ph.D. candidate in history and a leading researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: 221 37 42; (+992) 908 99 19 89; E-mail:mumina.1957@mail.ru

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С НАРОДНОЙ ОДЕЖДОЙ ТАДЖИКОВ, ЕЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ И ГЕНДЕРНЫЕ ОТЛИЧИЯ

Бибираджаб Саидова

О развитии вестиментарной (одежды) культуры предков таджиков свидетельствуют памятники древности (петроглифы) и средневековья, в которых женское тело всегда было скрыто под одеждой, под покрывалом. Г. Спенсер отмечал, что во многих ранних обществах лишение одежды, отсутствие её, становится отличительным признаком пленника, обращаемого затем в раба; напротив, наличие одежды и по возможности большее - признак завоевателей, знати [6, 28]. В раннее средневековье в различных районах Центральной Азии возникли собственные центры художественного шелкоткачества и новые формы костюма. Элементы одежды IV-V веков, найденные в Кургане (Старый Термез) и Мунчактепе V-VII веков, наглядно представляют костюм Тохаристана и Ферганы, в котором мужская, женская и детская одежда имела единое конструктивное решение.

Утверждение ислама в Центральной Азии способствовало развитию иной стилистики костюма. В свою очередь жесткие регламентации облика мужчины и женщины в контексте существовавших в ту или иную эпоху религиозных

установок, культурных ориентаций социума, моды того времени и вкусов диктовали различные установки гендерных отличий в костюме. В результате в одежде были сформирован ряд этноспецифических основ гендерной культуры, которая включала в себя гендерные стереотипы, гендерные роли, гендерные контракты, гендерную асимметрию. Исторически в Центральноазиатском регионе сложилась патриархальная гендерная культура [1,39].

Объектом особого внимания всегда оставался женский костюм, в развитие которого постоянно вносили свои изменения швеи, вышивальщицы, другие мастерицы, вовлеченные в создание костюма, да и сами хозяйки гардероба [2,36].

Рядом исследователей выделяются следующие функции народного костюма. Прежде всего магическая функция, когда костюм выполняет определенное предназначение или же в нем воплощают образ в процесс ритуального действия, а также возрастная, когда костюм указывает на возрастные характеристики его хозяина. Помимо этого традиционный костюм отражает социально-половую принадлежность его хозяина (пол и семейное положение), а также его социальный статус, профессиональную деятельность, происхождение (регион, страна). Особое место занимает религиозная регламентация костюмного комплекса, согласно которой можно определить не только принадлежность индивида к конкретной конфессии, но и его положение в ее служебной иерархии. И, наконец, народный костюм в полной мере выражает эстетические представления общества о народной красоте, его идеалах.

В этнокультуре таджиков можно найти немало обрядовых действий, ритуалов, когда костюм или ткани для него выполняли определенные семантические функции. Так, первая рубашка-туника с вертикальным вырезом, которая надевалась на новорожденного у многих народов в Центральной Азии называлась «собачьей» и рассматривалась как

одежда с охранными функциями, своего рода оберег. Ее вначале набрасывали на голову щенка или собаки, камень, чтобы ее обладатель вырос сильным, смелым, выносливым и мужественным, а неблагополучие и неасхастья перешли на собаку. При этом приговаривали: «*Пир шави, муйсафед шави, худи саг барин бедард, бегам шави*» («Стань старым, седым, как собака будь без печали горя») или же «*Умри кучук кутох, умри ту дароз*» («Пусть жизнь собаки будет короткой, а твоя-длинной»). При этом произносилась *шахада* и добавлялось такое пожелание: «*Ту калон шави, муйсафед шави. Ин курта як руза, ту хазорсола*» («Ты вырасти, состарься. Этой рубашке - один день, а тебе- тысячу лет!»).

Вторую рубашку *куртаи чилаги* лишь изредка одевали на собаку или камень, но стремились сшить ее из одежды пожилого человека или же вшить в нее лоскуты его костюма, чтобы обеспечить ребенку долгую, благополучную жизнь. С целью охраны младенца от дурного глаза или болезни швы рубашки выпускали наружу с тем, чтобы его не сглазили, а болезнь скорее покинуло тело. Если при шитье детской одежды до семи лет предпочитали использовать лоскутное шитье *гулбури, курок*, то она называлась *малафа, если же дети умирали – тобол* [5, С.250, 257, 259].

В случае, если в семье часто умирали дети, шили символический «нищенский» халатик ребенка *чомаи гадои* или или «рванный» *чомаи чанда* из 7 или более лоскутов ткани, выпрошенных у разных семей, где было много здоровых детей. Считалось, что чем больше лоскутов пойдет на шитье изделия, тем сильнее будут свойства оберега *хосият, савоб*. В другом случае эти лоскуты могли быть получены во время во время праздников, свадьбы *парчабурон, руймолча* или похорон уважаемых стариков *ертъиш*. Халат сознательно шился архаично: с неподшитыми подолом и краями рукавов, чтобы не «зашить» благополучие матери и младенца.

В селениях Шинг, Магиан, Фароб, Парз, Дар-Дар, Зеробод, Джиджик на правое плечо детских халаттов иногда нашивали маленькие мешочки *хурджини гадои* для выпрашивания милостыни в подражание бродячему дервишу *каландару*. При его надевании на младенца приговаривали: «*Ха, гадоча!*» (А, нищий!) и клали в хурджин миндаль, изюм или монету [8,219].

Одежда играла важную роль при маркировке добрачного возраста и первичной половой социализации. У девушек появлялись определенного рода украшения, семантика тесно была связана с любовной страстью и женской фертильностью.

Ткани для шитья костюма и отдельные элементы одежды часто использовались для совершения различных обрядов. Их приношения в виде отрезков или одежды проводятся во время сватовства невесты в различных регионах Таджикистана. Например, в джамоате Ворух Исфаринского района Согдийской области Таджикистана, существовал обычай брачного сговора девочки и мальчика с детства *гахворабахи*. В связи с этим проводился символический обряд сватовства, который заключается в возложении платица «невесты» на рубашку «жениха» и одновременном, совместном разрывании их подолов *доманчок*.

Помимо этого следует вспомнить многочисленные примеры одаривания одеждой и тканями сватов, жениха, невесты и их родителей во время различных церемоний, связанных с подготовлением к свадьбе. Например, во время свадебного ритуала *туйбарон* сторона отправляет дары невесте, среди которых помимо денег, сладостей и хлеба имеются отрезки ткани *рахт*. Чем больше было отправляемых отрезков, одежды, тем более высок был авторитет отца жениха в глазах односельчан [2,32].

В крое свадебного платья *нарчаборон* принимало участие несколько женщин. Невесте шили определенное количество

предметов одежды(до 40 экземпляров)в качестве приданного, которые затем размещали в ее комнате для обозрения приглашенных. Одежду кроили в особые» счастливые» дни, которыми считались понедельник и четверг,а также другие, кроме вторника и субботы. В старину не кроили одежду в первые три дня месяца сафар.Перед раскроем ткани произносилась традиционная религиозная формула *шахада* «*Во имя бога..*», кроили со словами: «*Яке номи Худо,дуюм-барака, сеюм-соат*», что означало»: «Первое имя Божье, второе- благодать, третье- счастливый час».

Церемония сопровождалась угощением. Ведущая торжества *ходим* делала наставлени молодым,читала молитву,по окончанию которой гости три раза хлопали а ладоши и приговаривали «*Туй, туй, туй*» («свадьба, свадьба, свадьба»). Новобрачную в сшитой ими одежде приветствовали словами «*Муборак шавад!*»(Поздравляю!), иногда добавляя «*Лахту порак шавад!*» («Пусть изнаосится»). [7,186-187].

Существовали и другие виды национального костюма таджичек, которые были освящены традицией. По утверждению О.А. Сухаревой, в Самарканде первое облачение девушки на выданье *духтарихона* в халат *мунисак* оформлялось обрядом *калтачпушон или мунисакпушон*. После того, как заканчивалось ритуальное угощение, на девушку надевала этот халат из дорогой ткани возрастная женщина, прожившая счастливую, долгую жизнь, что по закону магической парципации, должно было обеспечить девочке такую же благополучную судьбу.Все гости читали поздравительную молитву, выражали благие пожелания. На голову девушки повязывали белый платок как пожелание дожить до седин[7,39-40].

Истоки оформления мунисака обилием складок под рукавами *чучи калтача* восходят к древним истокам, Термин *чуча* является рудиментом древнего языка, возможно, согдийского,

которое по своей архаичности убеждает, что истоки этой особенности мунисака идут из глубокого прошлого.

С мунисаком было связано и другое поверье. В случае смерти именно его полагалось отдать обмывальнице, к которой халат переходил как бы на хранение *амонат*, а в день воскресения мертвых он, согласно представлениям живых, будет возвращен ее владелице. Именно поэтому обмывальнице отдавали лучший комплект одежды покойницы (от платка до обуви) с целью получить ее вновь. По поверью, если давали другой халат, а не мунисак, то женщина после воскрешения рискует воплотиться в облике мужчины [7,40]. Этот пример свидетельствует о том, что гендерная регламентация одежды была чрезвычайно жесткой и в Новое время.

Ткани и одежда могли выступать в качестве жертвенного приношения. Так, при проведении ритуала в честь женской покровительницы Биби Сешанбе после завершения чтения молитв гостей потчуют различными яствами. Хозяйка же по традиции преподносит «жертвенные отрезки» ярких тканей сироткам *ятимдухтар*, *которых специально приглашают на церемонию*. Обязательным считается одаривание *биби халифы*, которая читала молитвы во время церемонии, деньгами, продуктами и отрезками тканей.

Средством магической защиты служила *фаранджи* (паранджа), использование которой в конце XIX-начале XX в. в качестве свадебной обрядовой одежды в тех местностях, где она не являлась обязательной уличной одеждой, говорит о длительном сохранении ее древних охранительно-магических функций в качестве приоритетных [2, 66; 4,48:7,44].

Подобные примеры можно продолжить. В целом, в основе этнокультурных ценностей народной одежды таджиков лежат, как религиозно- обрядовая форма, связанная с древней магической практикой, так и с исламом, которая со временем значительно трансформировалась.

ЛИТЕРАТУРА

1. М. Д. Батчаева. Гендерный ролевой порядок мусульманских молодежных субкультур КЧР1//Гуманизация образования. -2012. -№1. -С.39.
2. Т. Г. Емельяненко. Паранджа в традиционном костюме бухарских евреев: Этнографические материалы и исследования//Этнографическое обозрение. -2011. -№5, www. URL: <http://naukarus.com/parandzha-v-traditionnom-kostyume-buharskih-evreev>
3. А. Жисенбасова. Национальный костюм как важнейший знак определенной культурно-исторической формации//Вестник МГУКИ. -2012. -№1(45).
4. Н. П. Лобачева. К истории паранджи//Этнографическое обозрение - 1996. -№ 6. -С.32-48.
5. Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана/Ред. А.К. Писарчик, Н.Н. Ершов. -Душанбе. -1973.
6. Г. Спенсер. Начала социологии (обрядовые учреждения) /Г. Спенсер. - Киев, 1880.-С.40.
7. Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX - начало XX в.), -М., Наука, 1982.
8. М. Хамиджанова. Некоторые представления таджиков, связанные со змеей//Труды ИИАЭ АН Таджикской ССР. Т.120. -Сталинабад, 1960. -С.219-222.

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С ИСТОРИЕЙ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ ТАДЖИКОВ, ЕЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ И ГЕНДЕРНЫЕ ОТЛИЧИЯ

Бибираджаб Саидов

О развитии вестиментарной (одежды) культуры предков таджиков свидетельствуют памятники древности (петроглифы) и средневековья, Нового времени, в которых женское тело всегда было скрыто под одеждой, под покрывалом.

Традиционная одежда служила в качестве символа ритуально-обрядовой церемонии, возрастной, половой, семейной и гендерной социализации, общественной, профессиональной, религиозной и национальной дефиниции, а также выразителем народной эстетики и художественных вкусов.

Ключевые слова: таджик, одежда, культура, гендер, мужская одежда, женская одежда, религия, магия, значение, функция.

МАРОСИМ ВА РАСМУ ОИНҲОИ МАРБУТ БА ТАЪРИХИ ЛИБОСИ МАРДУМИИ ТОЧИК, ФУНКСИЯ ВА ФАРҚИЯТҲОИ ГЕНДЕРИИ ОН

Дар бораи инкишофи маданияти вестиментарии (либосбозии) ниёгони тоҷикон ёдгориҳои қадим (петроглифҳо) ва асрҳои миёна, асри нав гувоҳӣ медиҳанд, ки дар онҳо бадани зан ҳамеша зери либос, зери парда пинҳон мешуд.

Либоси анъанавӣ ҳамчун рамзи маросим, синну сол, ҷинс, иҷтимои-шавии оилавӣ ва гендерӣ, таърифҳои иҷтимоӣ, касбӣ, динӣ ва миллий, инчунин ифодаи эстетикаи мардумӣ ва завқи бадеӣ хизмат мекард.

Калидвожаҳо: тоҷикӣ, либос, фарҳанг, ҷинс, мард, зан, динӣ, ҷоду-гарӣ, маъно, вазифа.

RITUALS AND CUSTOMS ASSOCIATED WITH THE HISTORY OF TAJIK FOLK CLOTHES, ITS FUNCTIONALITY AND GENDER DIFFERENCES

Bibirajab Saidova

The development of the vestimentary (clothing) culture of the ancestors of the Tajiks is evidenced by the monuments of antiquity (petroglyphs) and the Middle Ages, the New Age, in which the female body was always hidden under clothing, under a veil.

Traditional clothing served as a symbol of a ritual ceremony, age, sex, family and gender socialization, social, professional, religious and national definitions, as well as an expression of folk aesthetics and artistic tastes.

Key words: Tajik, clothing, culture, gender, man, femina, religion, magic, meaning, function.

Маълумот дар бораи муаллиф: Саидова Бибирачаб-унвонҷӯи Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Тел: (+992) 111-222-8888.

Information about the author: Saidova Bibirajab-competitor of the A. Donish Institute of history, archaeology, ethnography, Tajikistan National Academy of sciences. Telefon: (+992) 1112228888.

ВАЗЪИ ҲУНАРИ ХУШНАВИСӢ ВА ХУШНАВИСОНИ БУХОРОИ НИМАИ ДУВУМИ АСРИ XIX- ОҒОЗИ АСРИ XX

Эрачи Меликиён

Ҳар он чи ниёғони мо аз ҳунари хушнависӣ ва сабқҳои он то аввалҳои асри XX мерос гузоштанд, баёнгари аҳамият ва нуфузи ин ҳунар дар тамоми сохторҳои иҷтимоии ҷомеа то ин давра аст; аз номанигории дастгоҳу дарборҳо гирифта, то ороиши меъморӣ, санъати амалӣ ва ороишӣ дар тамоми шаҳрҳои интишорёфтаи ислом, ба вижа дар Бухоро. Дар тӯли садсолаҳо дар ин шаҳр чараёнҳои динӣ, ирфонӣ ва ҳунарии мухталифе падид омаданд, ки мероси пурбореро барои мардумони минтақа бар ҷой гузоштанд. Ҳунари хушнависӣ яке аз он риштаҳои ҳунариест, ки дар ин шаҳр қорбурди густардае пайдо намуда, дар пешрафту шукуфоии донишу ҳунарҳои дигар нақши қалбдиҳанда мебошад.

Мардуми Бухоро дар давраҳои гуногуни таърихӣ, рӯйдодҳои сершумори шиканандаву созандаеро сипарӣ карда, бар тавоноӣ ва таҷрибаи худ афзуданд. Ҳатто бо вучуди тағйири хат, ки пас аз вуруди ислом дар аввали асри X форсии миёна (пахлавӣ) қомилан аз миён бардошта шуд, ҳам хатти арабиву форсӣ (форсии нав) ва ҳам ин ду забон аз ҷиҳати мухталиф дар ҳавзаи Бухоро рушду раванг ёфтанд. Дар ин чараён бухороиён на танҳо дар пешбурди хату забон, балки бо омезиши фарҳанги ниёғони худ бо фарҳанги арабӣ-исломӣ, ҷаҳиши бузургеро дар ғанисозии ҳунарҳо ва улуми гуногуни минтақа ва берун аз он рақам заданд. Р.Н. Фрай мегӯяд: «Бехтар аст ин таҳаввулро (омезиши дини ислом бо гузаштаи эронӣ – Э.М.) кӯшиши муваффақе бишуморем барои наҷоти ислом ва раҳонидани он аз заминаи арабӣ ва русуму одоби бадавӣ, зеро исломро ба фарҳанги ғанитару

интибоқпазиртар ва ҷаҳонитар аз он чи қаблан буд, мубаддал сохт» [9.9]. Г.А. Пугаченкова низ ин гуфтаро қувват бахшида, ишора мекунад: «Ҳукумати Сомониён ки пойтахташон Бухоро буд, забони арабиро забони расмии мукотибот қарор дода, онро бо илму адаби Вароруд ҳамроҳ карданд. Ҳарчанд нависандагон (аз ҷумла, хушнависон – Э.М.), меъморон, пайкарасозону нигоргарони барҷастаи ин давра, дар кулли сохтори асарофаринии худ ба суннатҳои деринашон вафодор монданд» [8.179].

Қатъан пешбурди фарҳангу андешаҳои диниву илмӣ таваҷҷути танҳо як миллат ё сарзамин наметавонист имконпазир бошад ва дар ин росто мардумони собиқадор дар хунару донишҳои гуногун тавонистанд ба пайкари тозапайдои ислом ва улуми замона ҷон бахшанд.

То аввалҳои асри XX, рӯйдодҳо ва мусибатҳои гузашта дар Бухоро, ҳаргиз натавонистанд монеи пешрафти риштаҳои хунарӣ, ба вижа хунари зарифи хушнависӣ дар ин шаҳр шаванд. Ҳарчанд заминаҳои тазъифи ин риштаҳо чанд сада қаблтар дар шаҳрҳои Осиёи Миёна реша давонда буданд. Дар аҳди амир Мурод ва Ҳайдар (с.1800-1826) ҷомеаи Бухоро ва атрофи он бештар рӯ ба шарияту мазҳаб оварданд, вале дар давлати амир Насрулло (с. 1926-1960) бар хилофи низомҳои қадим, тамоюл ба васоили таҷаммулӣ нисбатан афзоиш ёфт. Ин омил боиси он шуд, ки дар хунарҳои зебо, санъати амалӣ, ороишӣ, аз ҷумла, хушнависӣ нисбатан пешрафтҳои эҷод гардад.

Пеш аз он, ки ба вазъи хушнависон ва хушнависӣ бипардозем, бояд ишора кард, ки Бухорои нимаи дувуми асри XIX - оғози асри XX дорои миллатҳои гуногун буд. Ҷунончи дар ин замон дар китобхонаи дарбории Бухоро китобҳои дастнавишта бо забони форсӣ-тоҷикӣ, арабӣ, туркӣ, русӣ, чинӣ, пашту ва ғайра вучуд доштанд. Ҳамчунин афроди хушнавис аз навоҳии дурдасти Осиёи Миёна ва атрофи он ҷиҳати омӯзиши илму хунар ба ин шаҳр меомаданд, ки мо

шоҳиди вучуди осори эшон дар ин давра ҳастем. Дар бархурд бо дастхатҳои котибон ва хушнависони ҳар давраи замон, аз ҷумла Бухорои нимаи дувуми асри XIX - оғози XX, сарфи назар аз муҳтавои онҳо (матнҳои адабӣ, илмӣ, мазабӣ, достону ашъор ва ғ.) мо бо ду навъ навиштор рӯ ба рӯ мешавем: яке бо хатти маъмулӣ ва бидуни ороишу ҷанбаи зебоишинохтӣ, дувум навишторе, ки ҳангоми иҷроӣ ҳамзамон дар он зебӣ ва қонуну қоидаҳои зебоишинохтӣ дар назар гирифта шудааст. Ба андешаи ин ҷониб бо таваҷҷуҳ ба ин нуқта аст, ки метавон ба «хушнависӣ» будан ва ё набудани ҳар асари навишташудае пай бурд. Ба иборате: «барои дарк ва лаззат бурдан аз таҷрибаи басарии (чаشمӣ, дидорӣ – Э.М.) хушнависӣ, бояд бидонем хушнавис афзун бар нигориши як матн, саъйи дошта асаре ҳунарий бо арзишҳои зебоишинохтӣ ҳалқ кунад. Аз ин рӯ хушнависӣ бо нигориши содаи матолиб ва ҳатто тарроҳии ҳуруф ва сафҳаорой мутафовит аст» [11].

Аз муҳимтарин манобеъ, ки метавон аз аҳволу осори хушнависони бухороӣ нимаи дувуми садаи XIX ва оғози садаи XX огоҳӣ пайдо намуд, «Тазкират-ул-хаттотин» - и Шарифҷон Маҳдуми Садри Зиё (1867-1932) ва «Тазкират-ул-хаттотин» - и Идрисхоча Роҷии Бухороӣ (1880-1920) аст. Ҳамчунин дар Маркази мероси хаттии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон ва Институти шарқшиносии ба номи А. Берунии кишвари Ўзбекистон дастхатҳо ва қитъаҳои хушнависишудаи зиёде вучуд доранд, ки бахше роҷеъ ба хушнависон ва вазъи хушнависии он давра маълумот медиҳанд ва бахше маҳсули дасти ҳуди хушнависонанд, ки метавон мустақиман бо онҳо ошноӣ пайдо кард.

Дар нимаи дувуми асри XIX ва оғози асри XX хушнависони номдоре монанди Иброҳим Девонаи Шаҳрисабзӣ (ваф. 1860), Бобобеки Иштибар (1784-1884), Мирзо Абдуваҳҳоб (ваф. 1870), Имомиддин Шаҳрисабзӣ, Мухтор Маҳдум, Қорӣ Хусайнча (Аҳмад), Наимҷон Маҳдум, Абдулвоҳид Садри (Сарир) Балхӣ (ваф. 1886), Аҳмади Дониш (1827-1897),

Мирзои Дабирӣ, Мириқром Бухорӣ, Мир Сиддиқи Ҳашмат (1864-1932), Мулло Ҳамдам Бухорӣ, Ҳочӣ Мир Исо, Идрисхоча Рочии Бухорӣ (1880-1920), Абдуллобеки Котиб, Шарифҷон маҳдуми Садри Зиё (1867-1932), Мирзо Абдуллоҳ Ҳисории муҳрақ, Мулло Абдуллоҳи Бадахшонӣ ва ғ. ба сар бурдаанд, ки бархе соҳибсабк буда шогирдон ва пайравони худро доштаанд. Ба таври мисол, бар асоси навиштаи Ҳ. Чураев: «Шаҷараи мадрасаи Домулло Бобобеки Иштибар иборатанд аз (шакли кутоҳи номҳо) Умархӯча, Қондорӣ, Абдулҳамид, Саид, Субҳонбердӣ, Искандар, Дониш ва ғ.» [3.78]. Оқилов Эҳсон менависад, ки «дар ҳалқаи Аҳмади Дониш низ хушнависоне монанди Мирзо Абдулаҳади Муншӣ, Мирзо Сафари Муншӣ ва Мирзо Азим Муншии Бустонӣ фаъолият доштанд, ки аз рӯи сабки дастнависи Аҳмади Дониш (ки ба қавли Садри Зиё ӯ китоби Равзут-ус-сафои Хондамирро бознависӣ карда буд) нусхабардорӣ мекарданд» [5.49].

Қолиб ин аст, ки бархе аз хушнависон бо ному таҳаллусе монанди Сафармуҳаммади Ҳисорӣ, Имомиддин Шаҳрисабзӣ, Сарири Балхӣ, Абдуллоҳи Бадахшонӣ, Муҳаммадҷони Ғармӣ, Таҷаллии Ҳиндӣ ва ғ., дар Бухорои нимаи дувуми асри XIX ва оғози асри XX зиндагӣ ва фаъолият кардаанд. Ин масъала мустақиман ба эътибори шаҳри Бухоро, бисёрмиллиятӣ ва марказӣ будани он дар бахши илму ҳунар ишора дорад, ки ҳунаромӯзон аз кишварҳо ва навоҳии атроф ба он ҷо сафар мекарданд.

Килк, қалам ва ё сабки хатҳое, ки хушнависон аз онҳо дар дастхатҳо, қитъанависӣ, санъати амалӣ, ороишӣ ва меъмории истифода менамуданд, иборатанд аз куфӣ, муҳаккиқ, сулс, тавқиъ, таълиқ, райҳонӣ, насх, риқоъ, тумор, девонӣ, нохунӣ, чалил ва ғ., ки бахше аз онҳо (сабкҳои ҳафтгона) дар асри XI тавассути ибни Муқла низомманд гардид, дар асри XV теъдоди онҳо ба 36 навъ мерасад ва тибқи андешаи А. Мурудов: «Дар баъзе аз манобеъ гуфта мешавад, ки танаввуи

сабки хатҳо дар натиҷаи таҳаввулоти баъдӣ алақай дар асри XIX бештар аз 70 гунаро фаро мегирад» [4.8].

Ҳар яке аз сабкҳо истифодаи махсуси худро доштанд, масалан навъи куфӣ ороишӣ ва биноӣ барои зебосозии меъмории масҷидҳо ва биноҳои мазҳабӣ ба қор гирифта мешуд, хатти *таълиқ* («тарассул» ё «нома» низ номида мешавад) барои мукотиботи девонӣ, фармонҳо ва навиштани иншо барои муншиён, *настаълиқ* барои нигориши матнҳои оддӣ, таърихӣ, адабӣ ва ғайримазҳабӣ, *сулс* барои нигориши катибаҳои ороишӣ, меҳроби масҷидҳо, навиштани осори илмӣ, чудосозии унвони (сархати) катби адабӣ, *риқоъ* дар мукотиботи зариф ва достону ҳикоёт, коргузориву номанависӣ, *муҳаққақу райҳон* барои нигориши Қурон ва катби арзишманд (муқаддас), *тавқиъ* барои парвандаву санадҳои қонунгузорӣ, *туғро* бар болои фармонҳо ва фарози бисмиллоҳ истифода мешуд. Ҳамчунин анвои дигари хутут бо қорбурдҳои мухталиф вучуд доранд. Хутуте, ки дар боло зикр шуданд истифодаи аслии онҳо ном бурда шуд ва аз онҳо гоҳе ба манзурҳои дигар низ истифодаҳо менамуданд.

Аммо миёни ин ҳама сабкҳо аз пурқорбурдтарини онҳо куфӣ, сулс, ғубор насх ва баҳусус настаълиқ аст, ки асрҳо пеш ба таври фаровон мавриди истифода қарор гирифта буд. И.А. Орбели мегӯяд, ки «настаълиқ аз асри XIV то давраи навин бидуни таваққуф дар ҳунари хушнависи мардумони Эрон, Осиёи Миёна ва Афғонистон садрнишинӣ мекунад» [6.5]. М. Шарифов низ овардааст, ки «Фишурда, тезнавис ва қачгунагии хатти настаълиқ қайфиятҳои муайяни ороиширо доро буд. Агар сабки насх, куфӣ ва сулс хатҳои «муқаддас» доништа мешуданд, чун ҷиҳати нигориши Қурон, матнҳои динӣ, катибанигорӣ дар биноҳои мазҳабӣ ва осори санъати амалӣ, ороишӣ равона шуда буданд, пас хатти настаълиқ, агар тавонем ин гуна баён кунем, қомилан ҷанбаи дунявӣ дошт» [10.8].

Воқеан ҳам он дастнавиштаҳое, ки танҳо дар мисоли

Маркази мероси хаттии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, ки марбут ба нимаи дувуми асри XIX ва оғози асри XX буда ва тавассути муаллифи ин мақола бахше аз онҳо мавриди баррасӣ қарор гирифтанд, аксаран бо хатти настаълиқ нигориш ёфтаанд. Дар нигориши он дастхатҳое, ки бо рангҳои сиёҳ, қаҳвай, сурх (шангарф) ва ороиши атрофи онҳо бо хатҳо ва шаклҳои ҳандасӣ иҷро шудааст, бо навъи дигаре аз ҳунарҳо бо номи тазҳиб, ташъир, нигоргарӣ (миниатюра), тарроҳӣ ва ғ. бархурд хоҳем кард. Яъне чудо аз «зебо» ва «хуш» навиштан, ҳунарҳои ҷонибие вучуд доштанд, ки бахше аз ҳунари хушнависӣ маҳсуб ёфта, ҳамчун мукаммили ин ҳунар ба шумор мерафтанд.

Нусхабардорони хирфай бар асоси навъи шуғли худ ба се гуруҳ чудо мешуданд: мирзо, мунши ва котибҳо. Агар муншиҳо дар хидмати ҳокимону олимақомон ба унвони дафтардор барои онҳо номаҳо, фармонҳо ва мактубҳо менавиштанд, пас мирзоҳо машмули дастгоҳи маъмурии давлат намешуданд ва асосан машғули бознависии санадҳо, мураттабсозии номаву китбаҳо буда, гоҳо ҳунари хушнависиро тадрис менамуданд. Котибон низ асосан китобҳоро нусхабардорӣ ва бознависӣ мекарданд» [10.30].

Чуноне ки дар боло зикр шуд ҳунари хушнависӣ танҳо дар нусхабардорӣ ва сохти китбаҳо маҳдуд нашуда, дар санъати амалӣ, ороишӣ ва меъморӣ низ истифодаи фаровон дошт. Албатта, дар санъати меъмурии давраи мавриди баррасӣ дар Бухоро шукуҳ ва чиддият дар сохту сози биноҳо тақрибан дида намешавад. Аз тарафе бо вуруди муҳандисони рус ба Бухоро дар нимаи дувуми асри XIX сохти биноҳои аврупоӣ оғоз мегардад, ки истифода аз ҳунари хушнависӣ дар биноҳоро камрангтар мегардонад. Дар ин давра танҳо катибаҳои бархе аз сохтмонҳо ва ёдгориҳо тармиму бозсозӣ шуда, созаҳо ва биноҳое дар канори онҳо изофа шудааст, монанди: Арки Бухоро, оромгоҳи Баҳоуддини Нақшбандӣ, Мадрасаи Ғозиён, Масҷиди баланд, Ситораи моҳи хосса, Масҷиди

Болои ҳавз ва ғ. Яъне ин давра такрибан руйнамоии наву шигифтангезе дар меъморӣ надорад ва ба қавли Г. Пугаченкова: «Ҳар он чизе, ки дар Бухорои асрҳои XVIII-XIX сохта шуд, камбуди андешаву василаи баёнро дар худ дошт. Масҷиди Болои ҳавз 1712 с. (ки айвонаш соли 1914 аз ҷониби хунармандони маҳаллӣ сохта шуд), маҷмуаи масҷид, мадраса, сардоба ва мазори Халифа Худойдод, мадрасаи Раҳмонқул, мад. Эрназари элчи, мад. Турсунҷон ва мад. Халифа Ниёзқул бо вучуди баъзе аз сохту созҳои ҷолибашон, ба ҳеч ваҷҳ қобили муқоиса бо ёдгориҳои асрҳои XVI-XVII нестанд» [7.62].

Хушнавис, нигоргар ва донишманди нимаи дувуми асри XIX Аҳмади Дониш низ дар ин робита мефармояд: «Ва ҳарчӣ ба қаламу паргор санноъони нодиракор кунанд, карда, аз имтиҳонот бароварда, ҳатто қоидаҳову зобитаҳо дар ин фан вазъ кардам аз лавҳу ҷадвал ва нақши сақфу девору дар ва кашидани тасовири офоқиву хориҷии иморот ва боғу бустон. Ва навиштани китобҳо (катибаҳо – Э.М.) бар хошияи иморот ва таркими сулсу райҳон ва зулф, ки он аз лавозими катибаи иморат аст [ва кашидани кӯҳҳо ва ашколи турфа ва муқарнас]. Ва баъд аз он ки ман ин корҳо аз таҳқиқу тазкия берун кашидам, ҳеч касе иморате сар накард, то бар он китобат зарур ояд ва ҳеч кас китобате нафармуд, ки бар он тасвиру тазҳиб ба кор бошад» [1.355].

Ҳамон тавр ки огоҳем, хунарҳои монанди сузанӣ, қолинбофӣ, пӯшишҳои занона ва мардона, мисгарӣ, сиккасоzӣ, сафолсоzиву кулолгарӣ, орояҳои занона (заргарӣ ё ҷавохирот) ва анвои дигари хунарҳои ороишии дар рӯзгор истифодашаванда, ки дар истилоҳи имрӯзӣ «санъати амалӣ ва ороишӣ» (*истилоҳи «амалӣ» ишора дорад ба он асаре, ки ҳам ҷанбаи хунари дорад ва ҳам барои ниёзҳои инсон дар зиндагӣ истифода мешвад, мисли: табақу кӯза, фаршу ҷуроб ва ғ.*) ном гирифтаанд, аз навиштаҷоти зебо ва ё хушнависӣ беасар ва ҳолӣ набуданд. Аммо аз он ҷое, ки чунин осори хунари

бештар дар зиндагии рузмарра мавриди доду гирифт қарор гирифта ва аз ҷое ба ҷое интиқол меёфтанд, ба сабаби муқаддас шуморидани матнҳои адабӣ ва мазҳабӣ ба таври эҳтиёткорона ва дар ҳолатҳои муносиб аз навиштор дар онҳо истифода мешуд.

Авзои иқтисодӣ ва иҷтимоӣ дар Бухорои нимаи дувуми асри XIX оғози асри XX боиси сустӣ ва заъф дар раванди ҳунари ба хусус ҳунари хушнависӣ шуд. Омили дигар рӯйовариҳои ҷомеаи илмӣ ва адабӣ ба дастгоҳи ҷопӣ ва ҷопи сангӣ буд, ки сабаби дастрасии осонтари ҷомеа ба китобҳо гашта, заҳмату талоши китобсозиву китоборой, таҳияи қоғаз, ранг ва ғайраро коҳиш дод. Э.М. Исмоилова мегӯяд: «Асри XIX барои Осиёи Миёна охири давра барои китобҳои дастнавис буд. Дар нимаи дувуми асри XIX тавлиди он то андозаи муайяне метавонист дархостҳои рӯзафзунӣ ҷомеаро посух диҳад ва қобилияти посухдиҳӣ ба анбуҳи дархостҳоро надошт. Дар охири ин аср дар заминаи китоби дастнавис, китоби ҷопӣ тавлид ва рушд меёбад, ки билохира ба таври комил ҷойи дастнавиштаҳоро мегирад» [3.15].

Албатта, ҳарчанд дар оғози асри XX ва пас аз он ҳунари хушнависӣ ва фаолияти хушнависон ба авҷи камрангӣ ва носуботӣ мерасад, вале дар ҷо-ҷое аз марказшаҳрҳои Осиёи Миёна ба вижа дар Бухоро, ки осори нодири хушнависони гузашта дар ганҷинаҳои он маҳфузанд, ҳунари хушнависӣ ва суннатҳои он нисбатан идомадор боқӣ мемонад.

АДАБИЁТ

1. Аҳмади Дониш. Наводир-ул-вақоъ (мунтахаб). - Душанбе, «Адиб», 2020, 480 с.

2. Джураев Х.Х. Бухоро ҳаттотлик мактаби тарихи ва унинг маданий ҳаётга таъсири (XIX-XX асрлар). дис. канд. обществ. наук: 07.00.01. химия 2018. -Тошкент. -176 с.

3. Исмаилова Э.М. Искусство оформления среднеазиатской рукописной книги XVIII-XIX вв. Ташкент.-1982. -149 с.

4. Муродов А. Из истории каллиграфии в Средней Азии: автореф. дис. кан. филол. наук. -Ташкент. 1967. -21 с.

5.Окилов Э.И. Направления и этапы развития таджикской каллиграфии. -Душанбе, -1992. -193 с.

6.Орбели И.А. Образцы каллиграфии Ирана и Средней Азии XV-XIX вв. -М.: 1963. -21 с.

7.Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент,-1958. -289 с.

8.Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана – Москва, 1965. -688 с.

9.Фрай Р.Н. Бухоро - дастоварди қуруни вусто. Тарҷумаи М. Маҳмудӣ -Техрон, 1969. -270 с.

10.Шарифов М., Додхудоева Л. Восточная каллиграфия в собрании Академии наук Республики Таджикистан. Душанбе, 2015. -388, с. 15 илл.

11. خوشنویسی – معنی در دیکشنری آبادیس. [манбаи электронӣ]/<http://-abadis.ir//fatofle/%D8%,таърихи истифодабарӣ>: 15.02.2022.

ВАЗЪИ ҲУНАРИ ХУШНАВИСӢ ВА ХУШНАВИСОНИ БУХОРОИ НИМАИ ДУВУМИ АСРИ XIX- ОҒОЗИАСРИ XX Эраджи Меликиён

Аз муҳимтарин манобеъ, ки метавон аз аҳовлу осори хушнависони бухороии нимаи дувуми садаи XIX ва оғози садаи XX огоҳӣ пайдо намуд, “Тазкират-ул-хаттотин”-и Шарифчон маҳдуми Садри Зиё (1867-1932) ва “Тазкират-ул-хаттотин”- Идрисхоча Рочии Бухороӣ (1880-1920) аст. Дар баъзе аз манобеъ гуфта мешавад, ки танаввуи сабки хатҳо дар натиҷаи таҳаввулотӣ баъдӣ алақай дар асри XIX бештар аз 70 гунаро фаро мегирад. Аммо миёни ин ҳама сабкҳо аз пурқорбурдтарини онҳо қуфӣ, сулс, ғубор насх ва баҳусус настаълиқ аст, ки асрҳо пеш ба таври фаровон мавриди истифода қарор гирифта буд. Воқеан ҳам он дастнавиштаҳое, ки танҳо дар мисоли Маркази мероси хаттии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, ки марбут ба нимаи дувуми асри XIX ва оғози асри XX буда ва тавассути муаллифи ин мақола бахше аз онҳо мавриди баррасӣ қарор гирифтанд, аксаран бо хатти настаълиқ нигориш ёфтаанд. Авзои иқтисодӣ ва иҷтимоӣ дар Бухорои нимаи дувуми асри XIX оғози асри XX боиси сустӣ ва заъф дар раванди ҳунари ба ҳусус ҳунари хушнависӣ шуд. Омилӣ дигар руйоварии ҷомеаи илмӣ ва адабӣ ба дастгоҳи ҷопӣ ва ҷопи сангӣ буд, ки сабаби дастрасии осонтари ҷомеа ба китобҳо гашта, захмату талоши китобсозиву китоборой, таҳияи қоғаз, ранг ва ғайраро коҳиш дод.

Калидвожаҳо: *сабк, ҳунар, хушнависӣ, Бухоро, нимаи дувуми асри XIX, хушнависон, санъат, хат, орошиӣ, амалӣ, вазъият, авзо.*

ИСКУССТВО КАЛЛИГРАФОВ БУХАРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Важнейшими источниками, которые можно найти о творчестве бухарских каллиграфов второй половины XIX века и начала XX века, являются «Тазкират-ул-хаттотин» Шарифджона махдума Садри Зиё (1867-1932) и «Тазкират-улхаттотин» Идрисходжа Роджи Бухорои (1880-1920). По некоторым данным, разнообразие стилей рукописи в результате последующей эволюции охватило уже в XIX веке более 70 видов. Но среди всех этих стилей наибольшее распространение получили кувфий, сульс, губор и особенно насталик, уже широко использовавшиеся несколько столетий назад. На самом деле рукописи Центра письменного наследия Национальной академии наук Таджикистана, которые относятся ко второй половине XIX - го и началу XX - го вв. и изучены автором данной статьи, в основном написаны письмом насталик. Экономическая и социальная ситуация в Бухаре во второй половине XIX века и начале XX века привела к слабости ремесленного процесса, особенно каллиграфии. Другим фактором был переход научного и литературного сообщества к печатному станку и литографиям, что облегчило доступ к книгам для публики и уменьшило усилия, такие как изготовление бумаги, переплета, раскрашивания и т.д. необходимые для изготовления книг.

Ключевые слова: стиль, каллиграф, каллиграфия, Бухара, вторая половина XIX века, почерк, искусство, ремесло, состояние, прикладное, декоративное

THE ART OF CALLIGRAPHERS from BUKHARA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Eraji Melikiyon

The most important sources that can be found about Bukhara calligraphers of the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century are “Tazkirat-ul-khattotin” by Sharifjon makhdum Sadri Ziyoy (1867-1932) and “Tazkirat-ul-khattotin” by Idriskhoja Roji Bukhoroi (1880-1920). According to some data, the variety of manuscript styles as a result of subsequent evolution covered more than 70 styles already in the 20 century. But among all these styles, kufi, suls, ghubori, especially nastaliq, were most widely used several centuries ago. In fact the manuscripts of the Center for written heritage of the National Academy of sciences of Tajikistan, which date back to the 19th and early 20th centuries. Studied by the author of this article, mostly written in nastaliq script. The economic social situation in Bukhara in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century was bad. Another factor was the access of scientific and literary community to the printing press and lithographs, which made it easier to read books.

Keywords: *style, calligraph, calligraphy, Bukhara, art, book, decorative art, persian calligraphy, Central Asia, situation, second half 19th century.*

Сведения об авторе: Меликиён Эраджи Бахромзод – Докторант (PhD) Института истории, археологии и этнографии им. Ахмад Дониша Национальной академии наук Таджикистана: **Тел. (+992) 987-811-811; эл. почта:**erajrom@yandex.ru

About the author: Melikiyon Eraji Bahromzod, 2st year doctor (PhD) student of the Institute of history, archeology and ethnography named after Ahmad Donish of the National academy of sciences of Tajikistan: **Tel: (+992) 987-811-811; E-mail:**erajrom@yandex.ru

Рис.1. Профессор Н.К. Убайдулло и Посол России в Таджикистане И.С. Лякин Фролов.

**Рис.2. Профессор Н.К. Убайдулло и Посол России
И.С. Лякин Фролов с супругой у витрины
с коллекцией М.С. Андреева**

**Рис.3. В конференц-зале Музея этнографии
им М.С. Андреева**

**Рис.4. Один из залов Музея этнографии
им М.С. Андреева**

ФАРҶАНГИ АНЪАНАВИИ ТОЧИКОН ДАР НИГОРАҶОИ ОСОРХОНАҶО

Маводи Конфронси байналмилалӣи илмӣ, бахшида ба 40 – солагии таъсисёбии Осорхонаи мардумшиносии ба номи М. С. Андреев, Душанбе, 19 ноябри соли 2021

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ТАДЖИКОВ В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ

Материалы Международной конференции, посвященной 40-летию создания Музея этнографии и им. М. С. Андреева, Душанбе, 19 ноября 2021 года

**Саҳифабанд ва тарроҳ:
Тураҳучаи ТОҶИРЗОДА**

Ба чоп супорида шуд 08.12.2022. Барои чоп имзо шуд 08.02.2023
Андозаи 60x84. Чопи офсетӣ. Чузъи чопи 11
Теъдоди нашр 200 нуса.

Дар нашриёти ҚДММ «Ганчи хирад» ба таъб расидааст.
734025, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 21. Тел: 227-71-01

ISBN 978-9985-937-4-3

9 789985 937449

